

Ad fontes

АФ

Выпуск 16

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЯЗЫКИ КАВКАЗА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ

*Сборник статей по материалам научных чтений,
17–18 октября 2019 г.,
Санкт-Петербург*



AF
Ad fontes Выпуск 16
Материалы и исследования
по истории науки

Научный совет серии

д. и. н. Е. Ю. Басаргина, чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков,
д. и. н. С. Н. Искуль, акад. РАН Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, акад. РАН А. В. Лавров,
акад. Гёттингенской АН В. Лефельдт, акад. РАН И. П. Медведев,
акад. РАН С. И. Николаев, чл.-корр. РАН И. Ф. Попова,
чл.-корр. РАН И. В. Тункина (председатель)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В. И. АБАЕВА ВНЦ РАН
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ СПбНЦ РАН

СЕРИЯ AD FONTES
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ
Выпуск 16

**АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ
И ЯЗЫКИ КАВКАЗА
В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ НАУЧНОМ
НАСЛЕДИИ Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ**

*Сборник статей по материалам научных чтений,
17–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург*

Ответственный редактор
И. В. Тункина



Санкт-Петербург
2019

УДК 902(470.6)+39(470.6)
ББК 63.5
А87

Редакционная коллегия
Е. А. Анненкова, А. В. Блажко, Л. Д. Бондарь,
А. В. Дарчиев, Е. Г. Застрожнова

Рецензенты:
д. и. н. Б. В. Туаева,
к. и. н. М. В. Мандрик

Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной : сборник статей по материалам научных чтений, 17–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина ; СПбФ АРАН, СОИГСИ им. В. И. Абасева ВНЦ РАН, Российский этнографический музей, Объединенный научный совет по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ РАН. — СПб. : «Реноме», 2019. — ххii, 242 с. : ил., [44] с. вкл. — (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 16).

ISBN 978-5-00125-279-5

Сборник статей по материалам научных чтений «Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной» (17–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург) представляет жизнь и деятельность отечественного ученого, исследовательницы Кавказа Евгении Георгиевны Пчелиной (1895–1972). В основу большинства работ легли материалы ее архива в СПбФ АРАН, долгое время бывшие недоступными исследователям и вводимые в научный оборот в преддверии 1100-летия крещения Алании.

Издание рассчитано на этнографов, археологов, историков — в первую очередь кавказоведов, а также широкий круг читателей, интересующихся личностью Е. Г. Пчелиной, ее научными трудами и проблемами, входившими в спектр интересов исследовательницы.

УДК 902(470.6)+39(470.6)
ББК 63.5

Издание подготовлено в рамках выполнения государственного задания по теме «Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной» (номер государственной регистрации АААА-А19-119122090068-9) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде».

- © Анненкова Е. А., Блажко А. В., Бондарь Л. Д., Вахтина М. Ю., Власов А. Д., Гаглойти Р. Х., Газданова А. В., Гусян Л. С., Дарчиев А. В., Дарчиева С. В., Дзаттиати Р. Г., Дмитриев В. А., Застрожнова Е. Г., Зельницкая (Шларба) Р. Ш., Казанский Н. Н., Колчина Е. В., Крапошина Н. В., Онощенко В. В., Осипова Н. М., Рыженкова Я. Э., Тункина И. В., Хосид Е. Г., текст, 2019
- © Власов А. Д., Карнакова В. Г., фотографии, 2019
- © Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, иллюстрации, 2019
- © ООО «Реноме», редакционно-издательская подготовка, 2019

ISBN 978-5-00125-279-5

Содержание

Тункина И. В. О фонде Е. Г. Пчелиной в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук	ix
Казанский Н. Н. Приветственное слово от Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам Санкт-Петербургского научного центра РАН	xv
Дмитриев В. А. Приветственное слово от отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея	xx

Материалы к биографии Е. Г. Пчелиной

Блажко А. В., Застрожная Е. Г. Путь ученого: биография Е. Г. Пчелиной	3
Тункина И. В. Материалы к биографии Е. Г. Пчелиной в фонде Комиссии «Наука и ее работники в пределах СССР»	36
Гаглойти Р. Х. Евгения Георгиевна Пчелина — исследователь древней истории Осетии	46
Дзаттиаты Р. Г. Воспоминания о Е. Г. Пчелиной (диктофонная запись выступления на чтениях)	54

Наследие Е. Г. Пчелиной в архивных собраниях

Застрожная Е. Г. Обзорение личного фонда Е. Г. Пчелиной (№ 1017) в СПбФ АРАН	61
Власов А. Д., Хосид Е. Г. Микологический анализ состояния документов и среды хранения фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН	80
Осипова Н. М. Документы Е. Г. Пчелиной в Архиве РАН	83
Бондарь Л. Д. Материалы Е. Г. Пчелиной в московских коллекциях (по авторским заметкам)	88

**Научные труды Е. Г. Пчелиной:
направления и результаты исследований**

<i>Дарчиев А. В., Бондарь Л. Д., Газданова А. В.</i> Святилище Реком в Цейском ущелье: рукописное наследие Е. Г. Пчелиной	95
<i>Газданова А. В.</i> Изучение святилища Реком Е. Г. Пчелиной	103
<i>Блажко А. В.</i> О публикации материалов Е. Г. Пчелиной по исследованию Нузальской часовни	114
<i>Дарчиев А. В., Дарчиева С. В.</i> Нартовский эпос в исследованиях Е. Г. Пчелиной	143
<i>Крапошина Н. В.</i> Материалы Е. Г. Пчелиной к исследованию «Страна мертвых у осетин»	152
<i>Зельницкая (Шларба) Р. Ш.</i> Система социальных отношений в осетинском обществе в конце XIX — начале XX в. по материалам Е. Г. Пчелиной	163
<i>Колчина Е. В.</i> Соционормативная сфера культуры осетин в материалах Е. Г. Пчелиной	172
<i>Анненкова Е. А.</i> Е. Г. Пчелина: в поисках города Дедакова	180
<i>Рыженкова Я. Э.</i> Населенные пункты Куртатинского ущелья по материалам архива Е. Г. Пчелиной	192
<i>Гущян Л. С.</i> Роль Е. Г. Пчелиной в арменоведческих исследованиях первой половины XX в.	201
<i>Вахтина М. Ю.</i> Материалы об исследованиях буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе в личном фонде Е. Г. Пчелиной ...	207

**Документы родственников Е. Г. Пчелиной
в архивных фондах**

<i>Онощенко В. В.</i> Документы Н. Н. Пчелина в фонде Е. Г. Пчелиной ...	217
<i>Анненкова Е. А.</i> Павел Семенович Пчелин (1867–1919): к 100-летию со дня смерти	227
Список сокращений	238
Сведения об авторах	240

Contents

<i>Tunkina I. V.</i> On the Fond of E. G. Pchelina Stored in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences	ix
<i>Kazanskiy N.N.</i> Welcome Speech from the Joint Scientific Council for Social Sciences and Humanities of the St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences	xv
<i>Dmitriev V. A.</i> Welcome Speech from the Department of Caucasus and Central Asia of the Russian Ethnographic Museum	xx

Materials for the Biography of E.G. Pchelina

<i>Blazhko A. V., Zastrozhnova E. G.</i> The Way of a Scholar E. G. Pchelina's Biography	3
<i>Tunkina I. V.</i> Materials for the Biography of E. G. Pchelina in the Fond of the Commission «Science and its Workers within the USSR»	36
<i>Gagloiti R. Kh.</i> Evgenia Georgievna Pchelina — Researcher of the Ancient History of Ossetia	46

E.G. Pchelina's Heritage in Archival Collections

<i>Zastrozhnova E. G.</i> Review of E. G. Pchelina's Personal Fond (№ 1017) in SPbB ARAS	61
<i>Vlasov A. D., Hosid E. G.</i> The Mycological Analysis of the Documents' Condition and the Storage Environment of E. G. Pchelina's Archive	80
<i>Osipova N. M.</i> Documents by E. G. Pchelina in the Archive of the RAS . . .	83
<i>Bondar L. D.</i> E. G. Pchelina's Materials in Moscow Collections (According to the Author's Notes)	88

**E. G. Pchelina's Research Works:
Directions and Results of Studies**

<i>Darchiev A. V., Bondar L. D., Gazdanova A. V.</i> The Rekom Sanctuary in Tsey Gorge: E. G. Pchelina's Manuscript Heritage	95
<i>Gazdanova A. V.</i> Study of the Rekom Sanctuary by E. G. Pchelina	103
<i>Blazhko A. V.</i> On the Publication of E. G. Pchelina's Research Materials of the Nuzal Chapel	114
<i>Darchiev A. V., Darchieva S. V.</i> The Nart Epic in the Studies of E. G. Pchelina	143
<i>Kraposhina N. V.</i> E. G. Pchelina's Materials for the Study „The Ossetians' Country of the Dead“	152
<i>Zelnitskaya (Shlarba) R. Sh.</i> The Social Relations System in the Ossetian Society in the Late XIX th — Early XX th Centuries Based on E. G. Pchelina's Archive	163
<i>Kolchina E. V.</i> Socio-normative Sphere of Ossetian Culture in the Materials of E. G. Pchelina	172
<i>Annenkova E. A.</i> E. G. Pchelina: in Quest of the City of Dedyakov	180
<i>Rizhenkova Ya. E.</i> Settlements of the Kurtatin Gorge Based on the Materials of E. G. Pchelina's Archive	192
<i>Gushchian L. S.</i> E. G. Pchelina's Role in the Armenian Studies in the First Half of the XX th Century	201
<i>Vakhtina M. Yu.</i> Materials on the Investigations of Kara-tepe Buddhist Monastery in Termiz in E. G. Pchelina's Scientific Fond	207

Documents of E. G. Pchelina's Relatives in Archival Fonds

<i>Onoshchenko V. V.</i> Historian N. N. Pchelin's Documents in the Fond of E. G. Pchelina	217
<i>Annenkova E. A.</i> Pavel Semenovich Pchelin (1867–1919): to the 100 th Death Anniversary	227
List of abbreviations	238
Information about the authors	240

И. В. Тункина

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

**О фонде Е. Г. Пчелиной
в Санкт-Петербургском филиале
Архива Российской академии наук**

Старший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа Евгения Георгиевна Пчелина (1895–1972) принадлежала к плеяде советских ученых, большую часть жизни — свыше полувека — отдавших изучению Кавказа, главным образом истории, этнографии и археологии Осетии. Эту женщину-кавказоведа, отличающуюся не только физической, но и духовной красотой и природным достоинством, до сих пор помнят и почитают не только ученые, но и старшее поколение осетин. Из-за крайней требовательности к качеству собственных исследований основная часть ее научного наследия не была опубликована при жизни. Сама Евгения Георгиевна так распорядилась «рукописным материалом» собственного архива: «Подавляющее большинство сделанных мною работ не опубликовано и хранится у меня дома в специальном шкапу. Рукописи эти почти все подготовлены к печати, но требуют перед сдачей дополнительной редакции. После моей смерти по имеющейся договоренности весь мой неопубликованный материал будет взят в научный архив Академии наук СССР» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 28. Л. 1].

Не буду обращаться к оценке научного наследия Е. Г. Пчелиной — это дело специалистов-кавказоведов. Наука, как известно, не стоит на месте: с новых позиций и других точек зрения, опираясь на качественно новый объем археологических, этнографических

и других видов источников, сегодня рассматриваются, дополняются или коренным образом пересматриваются взгляды на ряд проблем осетиноведения, поставленных еще в работах Евгении Георгиевны, что, на мой взгляд, неизбежно.

Фонд Е. Г. Пчелиной поступил в академический архив в 1973 г. в объеме 28 погонных метров полки и был зарегистрирован под № 1017. Из-за отсутствия места в Ленинградском отделении Архива АН СССР (с 1991 г. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, СПбФ АРАН) россыпь была размещена в архивохранилище складского типа в Коломьягах, где находилась вплоть до весны 2019 г. С 2001 г. администрацией архива направлялись многочисленные письма руководству республики и церковным иерархам Северной Осетии, а также представителям осетинской общественности в двух столицах с надеждой получить дополнительное финансирование и помещения для перевозки документов на Васильевский остров, дезинфекции и научного описания россыпи фонда. Однако ни на одно из этих обращений, как и на хлопоты невестки и внуков Е. Г. Пчелиной о скорейшем научном описании фонда и помощи архиву в решении этого вопроса ответов получено не было.

Неожиданно помог случай, вернее юбилейная дата — грядущее 1100-летие крещения Алании. Организационный комитет по подготовке и проведению празднования возглавила заместитель председателя Правительства Российской Федерации О. Ю. Голодец. В 2019 г. Архиву Российской академии наук были выделены дополнительные бюджетные средства для обеспечения доступа исследователей к фонду Е. Г. Пчелиной. Весной того же года фонд был перевезен из Коломьяг на дополнительные площади, предоставленные СПбФ АРАН Санкт-Петербургским научным центром РАН на Васильевском острове, для проведения обеспыливания, дезинфекции и реставрации документов, научно-технической обработки и технического оформления дел. Интенсивное развитие событий подтолкнуло внуков фондообразователя — сотрудников Государственного Эрмитажа Николая Георгиевича и Михаила Георгиевича Пчелиных — в мае–декабре 2019 г. сдать в архив для присоединения к фонду еще 4,2 погонных метра россыпи, в том числе 150 коробок полевых негативов на стекле.

С 1 июля 2019 г. было расширено штатное расписание СПбФ АРАН с целью проведения работ по систематизации документов фонда по основным группам, формированию, научному описанию и редактированию заголовков единиц хранения в описях, реставрации и консервации документов, а также по техническому оформлению сформированных дел. Участие в работе приняли 21 научный сотрудник (в том числе 2 миколога), 9 лаборантов, 5 реставраторов СПбФ АРАН и 3 приглашенных сторонних специалиста-консультанта. К работе были привлечены археологи из Института истории материальной культуры РАН, этнографы-кавказоведы и религиоведы из Российского этнографического музея, библиографы из Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. В рекордные сроки — фактически за шесть месяцев — были проведены разбор 32,2 м россыпи и научное описание документов, их частичная реставрация, техническое оформление, выделены дубли-ты и материалы, не подлежащие постоянному хранению. Затем опытные архивисты осуществили научное редактирование четырех описей и утвердили их на экспертных комиссиях, после чего было начато техническое оформление дел и поэтапная сдача фонда на государственное хранение.

В ходе научно-технической обработки фонда № 1017 сформировано 1521 единица хранения, разделенная на четыре описи:

Опись 1. Научные труды и материалы к ним (1084 ед. хр. за 1916–1972 гг.);

Опись 2. Негативы на стекле и пленке к научным трудам (90 ед. хр. за 1924–1946 гг.);

Опись 3. Документы к биографии и по деятельности, переписка и труды других лиц (183 ед. хр. за [1900]–2006 гг.);

Опись 4. Документы историка Н. Н. Пчелина, мужа Е. Г. Пчелиной, и его родственников (164 ед. хр. за 1887–[1950-е] гг.).

Жизнь Е. Г. Пчелиной оживает в ее изданных и неизданных трудах, в письмах коллегам и родным, в семейных и экспедиционных фотографиях, т. е. в документах ее обширного личного фонда. В научном описании документов, которая проводилась под руководством заведующей отделом комплектования, обработки фондов и ведомственных архивов к. и. н. Е. Г. Застрожной, неоценимую помощь оказали консультации специалистов Северо-Осетинского

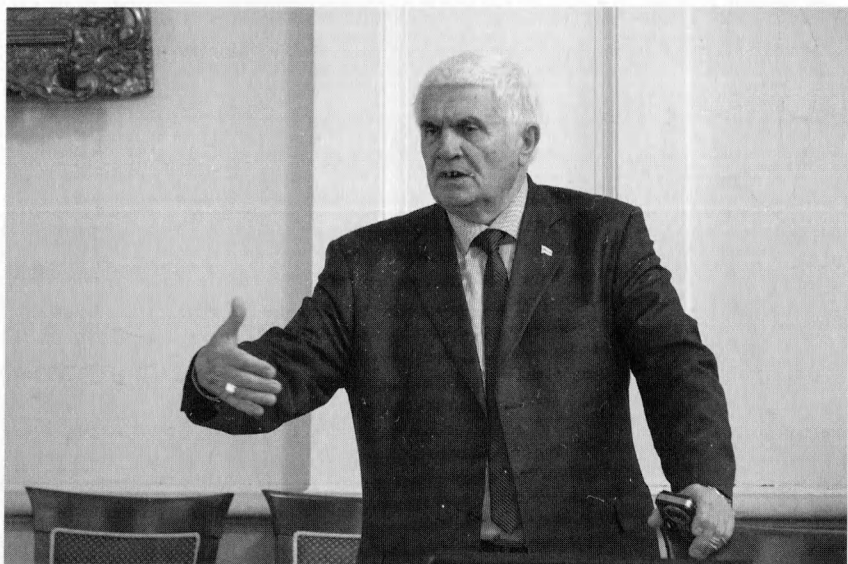
института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Аббаева — филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (СОИГСИ ВНЦ РАН) Республики Северная Осетия-Алания и Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Н. Ванеева в Южной Осетии. Их представители стали участниками научных чтений, проведенных 17–18 октября 2019 г. в Малом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра РАН, — «Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной», соорганизаторами которых стали СПбФ АРАН, СОИГСИ ВНЦ РАН, Отдел этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея, Объединенный научный совет по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ РАН. С приветственным словом выступили председатель Совета академик Н. Н. Казанский, директор СПбФ АРАН д. и. н. И. В. Тункина, главный научный сотрудник Отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея д. и. н. В. А. Дмитриев, директор Юго-Осетинского НИИ им. З. Н. Ванеева д. и. н. Р. Х. Гаглойти. В рамках научных чтений была организована выставка мемориальных предметов (походный штатив для фотоаппарата, нагайка, семейный фотоальбом и др.), принадлежавших Е. Г. Пчелиной и предоставленных внуком — Николаем Георгиевичем Пчелиным. Соорганизаторы мероприятия, сотрудники Российского этнографического музея провели экскурсию по кавказской экспозиции РЭМ, для которой была оформлена витрина с осетинскими предметами, в числе которых — мужское кресло и чаша, привезенные Е. Г. Пчелиной (ил. 47 на вклейке). Помимо приветственных слов и докладов, коллеги из Цхинвала (д. и. н. Р. Х. Гаглойти) и Владикавказа (научные сотрудники СОИГСИ ВНЦ РАН д. и. н. Р. Г. Дзаттиаты и к. и. н. А. В. Дарчиев) провели консультации по документам, которые представляют интерес для изучения истории и культуры Осетии, сохранения объектов культурного наследия, расположенных на ее территории, а также помогли атрибутировать ряд документов (прежде всего фотографий и негативов), научное описание которых вызывало вопросы у петербургских архивистов.



Научные чтения «Археология, этнография и языки Кавказа
в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной».
С приветственным словом выступает академик Н. Н. Казанский.
17–18 октября 2019 г. СПбНЦ РАН, Малый конференц-зал
Фото А. Д. Власова



Президиум научных чтений. Слева направо: В. А. Дмитриев, И. В. Тункина,
Н. Н. Казанский (выступает с приветственным словом)
Фото А. Д. Власова



Р. Х. Гаглойти во время научных чтений. Приветственное слово
Фото В. Г. Карнаковой



А. В. Дарчиев во время научных чтений
Фото В. Г. Карнаковой



Р. Г. Дзаттиаты
во время научных чтений
Фото В. Г. Карнаковой



Передача Р. Г. Дзаттиаты фотографии (см. ил. 38) в СПбФ АРАН
Е. Г. Застрожной во время научных чтений
Фото В. Г. Карнаковой



Н. Г. Пчелин во время научных чтений.
На заднем плане — столик с выставкой мемориальных предметов,
принадлежавших Е. Г. Пчелиной

Фото В. Г. Карнаковой



Н. В. Любина (на переднем
плane) и Е. В. Любина —
дочь и вдова В. П. Любина,
археолога, коллеги
Е. Г. Пчелиной.

В время научных чтений
18 октября 2019 г.

Фото В. Г. Карнаковой

Специалисты по фото- и бумажной реставрации из Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения В. Г. Карнакова и Е. В. Коробейникова, при помощи миколога Лаборатории консервации и реставрации документов СПбФ АРАН О. С. Хосид, провели мелкий ремонт документов, который осуществлялся параллельно с научно-технической обработкой россыпи. Спецификой фонда является плохая сохранность подавляющего числа документов на бумажной основе 1930–1960-х гг. Поскольку рукописное наследие Е. Г. Пчелиной тщательно собиралось ею самой с 1924 г. и до конца жизни, экспедиционные записи на листках самого различного формата соседствуют с машинописными листами формата А4. В 1958 г. фондообразователь начала готовить документы к сдаче в архив и объединила их в конверты по тематическому принципу, приклеивая друг к другу собственные разновременные записи, различающиеся по формату и степени сохранности. Склейка осуществлялась ею силикатным клеем, что стало причиной угасания текста на тех частях документов, куда попадал клей, а также разрыва калек и более тонкой бумаги из-за утяжеления общего веса склеенного фрагмента (склейки отдельных документов достигали 3 м). Эти особенности обусловили большой объем мелкого ремонта документов на бумажной основе.

В июле–декабре 2019 г. были проведены следующие виды работ: удаление креплений, нарушавших основу документов; подклейка надрывов или разрывов листов; очистка поверхности листов от силикатного клея и иных загрязнений; укрепление рыхлых краев; обертка особо хрупких листов, калек, фотографий, листов с угасающим текстом или следами силикатного клея в микалентную бумагу; сброшюровка листов и фотографий. Всего было отремонтировано 6285 тыс. листов, проведено полистное обеспыливание и оборачивание в микалентную бумагу 297 фотографий.

В. Г. Карнакова и Е. В. Коробейникова провели профилактическую обработку 724 негативов на стекле и 129 на пленке, а именно: предварительное обеспыливание негативов и мест их хранения; очистка от загрязнений и эффекта «серебряного зеркала» эмульсионного слоя и загрязнений подложки при помощи 70%-ного спирта; упаковка негативов в микалентную ленту; упаковка более хрупких негативов в конверт из бескислотного картона; конечное обеспыливание.

К трудоемкой работе по консервации и реставрации приступили высококвалифицированные специалисты Лаборатории консервации и реставрации документов СПбФ АРАН, имеющие большой практический опыт. За полгода Л. Г. Чехович и Н. И. Маршенникова осуществили первоначальную реставрацию повреждений и успели провести реставрацию 25 листов документов 9 дел, в том числе 20 крупноформатных (особо ценные дипломы, карты, плакаты, схемы, кальки) и 5 рукописных документов малого формата. Все документы оказались высшей категории сложности реставрации. Были проведены: фотофиксация документов до реставрации с последующей записью на цифровой носитель, обеспыливание; механическая чистка с помощью реставрационной резиновой крошки; химическая обработка пятен с помощью реактивов, ослабляющих пятна на бумаге с последующей промывкой в дистиллированной воде и проверкой pH; проведение в случае повышенной кислотности бумаги ее нейтрализации и забуферивания с помощью боратного буфера. Каждый документ подвергся практической реставрации: склейка и подклейка разрывов, восполнение утрат, укрепление углов и устранение изломов, упрочнение материальной основы документов (частичное дублирование), удаление деформации методом отдаленного увлажнения, распрессовка, обрезка восполнения по формату. Затем проводилась фотофиксация документов после реставрации на цифровую камеру с последующей записью на цифровой носитель. Для каждого документа были изготовлены папки из чертежной бумаги для последующего хранения документов и составлен паспорт реставрации.

Первые Пчелинские чтения прошли на высоком научном уровне и вызвали неподдельный, живой интерес у всех их участников и слушателей из академических и неакадемических учреждений, вузов, музеев и библиотек. Материалы этих чтений представлены на суд читателя в настоящем сборнике.

Н. Н. Казанский

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

**Приветственное слово от Объединенного научного
совета по общественным и гуманитарным наукам
Санкт-Петербургского научного центра РАН**

Открывая от имени Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам при Санкт-Петербургском научном центре РАН научные чтения, посвященные памяти Евгении Георгиевны Пчелиной (1895–1972), «Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной», необходимо вспомнить не только о ее замечательных научных достижениях, но и о том поколении, к которому она принадлежала. Я специально не буду подробно останавливаться на биографии Е. Г. Пчелиной, поскольку сравнительно недавно появилась содержательная статья Б. А. Калоева «Е. Г. Пчелина — ученый-кавказовед» [Калоев, 2004]. Мне представляется, что уже во вступительном слове есть смысл на основе новых данных, которыми мы располагаем сегодня, подчеркнуть достижения Евгении Георгиевны Пчелиной и оценить ее научный вклад с учетом открытий, сделанных в последние десятилетия.

Представляется нелишним напомнить, что гимназию Пчелина закончила в Тифлисе и что женские гимназии в России императорского времени давали знания как минимум двух иностранных языков и знакомство с латынью. Знание грузинского языка было ей дано с самых ранних лет, и она преподавала его в Москве в 1930-е гг. Как можно видеть, поступая в 1914 г. в Московский археологический институт, она уже имела подготовку, необходимую для научных занятий.

Можно не сомневаться, что она приступила к работе над первой самостоятельной научной темой, располагая обширными знаниями, в том числе благодаря своему воспитанию и знанию кавказских

культур, включая знание грузинского языка. Все эти обстоятельства сыграли свою роль в 1916 г., когда она окончила Московский археологический институт с золотой медалью за сочинение «К вопросу о влиянии Кавказа на домонгольское зодчество Руси».

В последние годы тема армянского влияния на культуру Древней Руси приобрела новую актуальность в связи с находкой в июле 2000 г. так называемой «Новгородской псалтыри», которую руководитель археологической экспедиции академик В. Л. Янин готов был датировать самыми первыми годами XI в. и которую историки более осторожно датируют первой четвертью XI в. [Зализняк, Янин, 2001]. В процессе работы над восковыми табличками (единственными, которые были найдены в Восточной Европе!) под слоем воска обнаружилась надпись, упоминающая об Александре Армянине, о котором нет никаких других свидетельств, но чье влияние на культуру домонгольской Руси теперь стало очевидным. Тем самым, появилось важное свидетельство об армянских связях и влияниях, которые Е. Г. Пчелина прослеживала в архитектуре. Текст под слоем воска, вырезанный владельцем восковых табличек, сообщает, что писавший был рукоположен и стал иеромонахом в $\overline{\text{сфз}}$ (6507) году, т. е. в 999 г. от рождения Христова, в суздальской (Суждаль) церкви Св. Александра Армянина, сведения о котором не сохранились ни в армянской, ни в русской традиции. Тем не менее, данный текст самым непосредственным образом показывает влияние армянской церкви на духовную жизнь Руси уже в первые десятилетия после крещения¹. Как можно видеть, самая первая научная работа Е. Г. Пчелиной, посвященная культурным связям не только непосредственно с Византией, но и с дохалкедонскими церквями по крайней мере на Кавказе, выявила научную прозрачность исследовательницы. Широкие географические связи севера Руси с митрополиями Константинопольской церкви подтверждаются рядом отдельных находок, например вислыми печатями, которые привешивались к документам, что свидетельствует о связях не только киевских, но и новгородских духовных лиц с митрополиями Малой Азии [Казанский, Кирпичников, 1998].

Эта тема приобретает сейчас особую актуальность в связи с подготовкой к празднованию 1100-летия крещения Алании². В настоящее время Санкт-Петербургский филиал Архива РАН проделал огромную

¹ Отмечается и в более позднее время [ср.: Айвазян, 1982].

² См., например: <http://archive.bogoslov.ru/persons/4017206/index.html> (материалы Т. В. Дадияновой; дата обращения: 09.10.2019).

работу по сохранению и описанию архива Е. Г. Пчелиной, в котором среди многих других представлены материалы археологических раскопок, которые на протяжении 1920–1940-х гг. она вела на Кавказе и особенно в Южной Осетии. В 2013 г. был издан сборник ее статей, посвященных осетинским материалам [Пчелина, 2013]. Необходимо специально подчеркнуть широту интересов Е. Г. Пчелиной, которая, проводя раскопки, находила время для фиксации осетинского фольклора и этнографических наблюдений. Эти работы, начатые в 1924 г., сосредоточены на традиционных (частью восходящих еще к языческим представлениям) обычаях³.

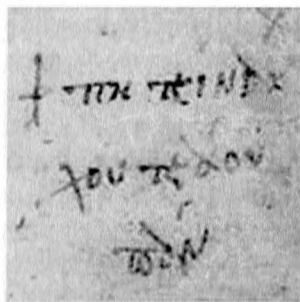
Необходимо подчеркнуть, что Е. Г. Пчелина продолжала всю жизнь расширять свое образование в самых разнообразных направлениях, включая пристальный интерес к Осетии и осетинской культуре. Особую актуальность приобретает ее работа по археологическому исследованию осетинских святилищ Реком и Дзивгис. Интересные интерпретации археологических находок на основе нартовского эпоса с попыткой выявить устойчивое сохранение культурной традиции, а также особое внимание к анализу памятников материальной культуры и художественному творчеству ранних эпох ярко характеризуют Е. Г. Пчелину как исследователя. В настоящее время продолжается изучение текста нартовского эпоса и его разностороннее комментирование, включая сопоставление с археологическими находками — то, чем занималась Е. Г. Пчелина, связывавшая бронзовые фигурки VI–VII вв. из своих раскопок с нартовским эпосом. Я не могу не упомянуть о публикациях, которые специально посвящены этому эпосу. В частности, благодаря деятельности Виталия Михайловича Гусалова и Франсуа Корнийо, а также Баграта Виссарионовича Техова был основан журнал «NARTAMONGAE. Журнал алано-осетинских исследований: эпос, мифология и язык» (Владикавказ — Париж), который в последнее время издается под редакцией Л. А. Чибирова. Одновременно с этим необходимо отметить многолетние работы под руководством А. П. Выдрина по созданию корпуса осетинского языка в Институте лингвистических исследований РАН.

Следует особо сказать об эпиграфических памятниках, среди которых Зеленчукская надпись, найденная еще в 1888 г., является

³ Всего Е. Г. Пчелина опубликовала на эту тему пять статей: «Обычай гостеприимства у осетин», «Родильные обычаи осетин», «Крепость Зилда масыг», «Дом и усадьба нагорной полосы Южной Осетии» и «Осетинская мельница «Када куйрой».

самым ранним свидетельством аланского языка. Вспомним также и исследования проф. Георгия Федоровича Турчанинова, посвященные этому тексту. Напомним, что сама Е. Г. Пчелина в 1946 г. на берегах Большого Зеленчука обнаружила две надписи, сделанные греческим алфавитом⁴.

Зеленчукская надпись может считаться самым ранним свидетельством аланского (осетинского) языка. Менее известны обнаруженные в 1992 г. проф. Энгберг (S. Engberg) маргиналии в греческом служебнике 1275 г., хранящемся в Библиотеке Академии наук — Q12. Как удалось показать А. М. Луботскому [Lubotsky, 2015], маргиналии содержат переводы с греческого на аланский, т. е. прото-осетинский язык. Находки этих маргиналий позволили поставить ряд вопросов, касающихся также политической истории алан, поскольку в глоссах на листе 100r упоминается канун Пятидесятницы τῇ παραμo(νῇ) τῆς μέ(σο)ν (т. е. μεσοπεντηχοστῆς), как ‘Eve of Mid-Pentecost’ с пояснением, что речь идет о «Печенежском воскресении»: πητζινάχ χουτζάου πάν⁵.



Большая часть докладов, представленных на конференции памяти Е. Г. Пчелиной, касается открытий, сделанных ею во время археологических экспедиций и относящихся, прежде всего, к Южной и Северной Осетии. Безусловно, эти уникальные материалы, которые благодаря усилиям Санкт-Петербургского филиала Архива РАН становятся наконец доступными для исследователей, сыграют важную роль в осмыслении истории всего Кавказа и будут востребованы поколениями историков данного региона.

Чрезвычайно важно, что эти чтения проходят в Санкт-Петербурге, который в годы юности Е. Г. Пчелиной был одним из мировых

⁴ Опубликовано в 1960 г. [Пчелина, 1960].

⁵ «which most probably means ‘Pecheneg Sunday’» (ср.: Ivanov, Lubotsky, 2011).

центров кавказоведения, но в настоящее время почти полностью утратил свои позиции. Я очень надеюсь, что мероприятие, посвященное памяти Е. Г. Пчелиной, будет способствовать возрождению интереса к кавказским древностям и что разнообразные направления ее научной деятельности послужат развитию не только археологии, но и этнографии и фольклористики, которые сейчас привлекают намного меньше внимания, чем того заслуживают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазян К. В. Культ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII–XVI вв.) // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 255–332.
- Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородская псалтырь начала XI века — древнейшая книга Руси // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71, № 3. С. 202–209.
- Казанский Н. Н., Киричников А. Н. Печать византийского митрополита из Старой Ладogi // Церковная археология. Вып. 4: Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917). СПб., 1998. С. 115–124.
- Калоев Б. А. Е. Г. Пчелина — ученый-кавказовед // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 98–111.
- Пчелина Е. Г. Ossetica: Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ, 2013.
- Пчелина Е. Г. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 298–302.
- Ivanov S. A., Lubotsky A. M. An Alanic marginal note and the exact date of John II's battle with the Pechenegs // Byzantinische Zeitschrift. 2011. Bd. 103 (2). P. 595–603.
- Lubotsky A. Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript. Austrian Academy of Sciences Press, 2015.

В. А. Дмитриев

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Приветственное слово от отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея

Уважаемые дамы и господа, участники научных чтений «Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной»!

Разрешите передать вам приветствие от коллектива Российского этнографического музея. В первую очередь это будет приветствие от научных сотрудников двух востоковедческих отделов музея, отдела этнографии народов Кавказа и Средней Азии и отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья. Тема работы научных чтений близка к направлению их интересов в науке, ряд сотрудников музея выступят сегодня с подготовленными докладами. Также я передаю приветствие от руководства Российского этнографического музея, давшего мне такое поручение. Для музея в целом настоящая сессия является большим событием в силу того, что она поднимает тему культурного наследия, как в виде самих памятников этнической культуры, так и в виде трудов всех исследователей, изучавших и собиравших эти памятники. Данные чтения представляют большой интерес, учитывая, что исследование этнографии осетин является частью работы Российского этнографического музея. В собирании коллекций по осетинской культуре принимали участие такие сотрудники музея, как Б. А. Бонч-Осмоловский, А. А. Миллер, Е. Н. Студенецкая, представители осетинской интеллигенции, такие как З. П. Валаев, и известные работники других научных учреждений страны, в числе которых были Б. А. Куфтин и Е. Г. Пчелина.

Одной из причин данного научного собрания является комплекс мероприятий по обработке материалов архива Е. Г. Пчелиной. Эта масштабная задача, потребовавшая немалых усилий

интеллектуального и чисто физического порядка, была в короткий срок решена сотрудниками Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Без преувеличений этот труд можно назвать подвигом, и нельзя не отметить участие в этой общей работе сотрудников отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея. С их слов (и не только) известно, что для обрабатывавших эти материалы исследователей соприкосновение с научным наследием Е. Г. Пчелиной явилось еще одним богатым источником изучения этнографии и археологии Кавказа, представляющим широкие перспективы для дальнейшей научной деятельности всех кавказоведов.

Ядром архива Е. Г. Пчелиной являются сведения по этнографии осетин: об их традиционном хозяйстве, социальном устройстве, обрядовой культуре, представленной в различных измерениях, а также результаты археологических исследований различных лет. Не менее важны также материалы по истории взаимоотношений России со странами Южного Кавказа.

Мы понимаем, каких усилий требовали полевые исследования в горах ученого-кавказоведа, археолога и этнографа в 1920–1940-е гг., в каких условиях они проходили. Трудности экспедиционной работы Е. Г. Пчелиной нелегко представить нашему современнику. Достаточно отметить, что до мест, где она собирала этнографическую информацию, добраться зачастую можно было либо пешком, либо верхом на лошади. Немаловажным фактом является то, что Е. Г. Пчелина была отличным наездником, это имело значение в разных аспектах, в том числе в ее восприятии местными жителями, ценившими искусство обращения с конем.

Настоящая научная сессия предоставляет возможность еще раз обратиться к тематике роли женщин-ученых, внесших большой вклад в отечественное кавказоведение в середине XX в. Мы можем вспомнить имена Евгении Павловны Алексеевой (1921–1994), Эммы Григорьевны Аствацатурян (1929–2018), Наталии Георгиевны Волковой (1931–1997), Сакинат Шихамедовны Гаджиевой (1914–2003), Эммы Тиграновны Карапетян (1920–1997), Валентины Павловны Невской (1919–2009), Лидии Георгиевны Нечаевой (1920–1991), Татьяны Дмитриевны Равдоникас (1916–1990), Галины Александровны Сергеевой (1923–2014), Ярославлы Сергеевны Смирновой (1920–2011), Евгении Николаевны Студенецкой (1908–1988). Евгения Георгиевна Пчелина была из их плеяды, и этот факт нам сегодня очень важен.

Следует упомянуть еще об одном моменте. К настоящему научному форуму отдел Кавказа и Средней Азии Российского

этнографического музея подготовил небольшую выставку, где собраны некоторые образцы сакральной культуры осетин, в числе которых — «трон старшего» (кресло старшего мужчины в доме), обрядовые печеня, готовившиеся к празднику зимнего солнцестояния и связанные с магией начала нового годовичного цикла, жертвенные предметы для охранения домашних животных, амулеты в виде стрелы, пожертвованные святилищам-дзуарам, орнаментированные шкатулки, бывшие частью культа домашнего пространства, маска ряженого. В числе сакральных предметов присутствуют жертвенные наконечники стрел из святилища Реком, упоминание которого позволяет еще раз обратиться к научному наследию Е. Г. Пчелиной, много сделавшей для изучения и сохранения этого выдающегося памятника традиционной культуры народов Северного Кавказа.

Мы желаем успеха данным научным чтениям!

**АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ
И ЯЗЫКИ КАВКАЗА
В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ НАУЧНОМ
НАСЛЕДИИ Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ**

DOI: 10.25990/archiveras.pchelina.mzpn-vb59

А. В. Блажко, Е. Г. Застрожная

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Путь ученого: биография Е. Г. Пчелиной

В биографическом очерке на базе документов, хранящихся в фонде № 1017 Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, представлены основные этапы жизненного пути и многоплановой научной деятельности отечественного ученого-кавказоведа, археолога, этнографа, историка Евгении Георгиевны Пчелиной (1895–1972). Материал носит предварительный характер, отражая первичное знакомство с документами фонда, и видится подспорьем для более глубоких исследований научной биографии ученого.

Ключевые слова: Евгения Георгиевна Пчелина, археолог, биография, личный фонд, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

A. V. Blazhko, E. G. Zastrozhnova

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

The Way of a Scholar: E. G. Pchelina's Biography

The biographical essay on the basis of the documents held in Fond № 1017 of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, presents the main life stages as well as multi-aspect scientific activities of an outstanding Russian scholar, expert in Caucasian studies, archaeologist, ethnographer and historian Evgenia Georgievna Pchelina (1895–1972). The material is of preliminary nature, reflecting the initial acquaintance with the contents of the Fond, and can be seen as aid for deeper research into the scientific biography of the scholar.

Key words: Evgenia Georgievna Pchelina, archaeologist, biography, personal fond, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Евгения Георгиевна Пчелина родилась 19 (31) декабря 1895 г. в г. Кутаиси, по семейному преданию — от связи потомственного дворянина Георгия Семеновича Бенедиктовича (1857–1908) с Марией Александровной Шервашидзе (1859–1919) — дочерью барона, члена Госсовета, министра народного просвещения А. П. Николаи и княжны Софьи Чавчавадзе, внучки грузинского поэта и свояченицы А. С. Грибоедова. Супругом Марии являлся князь Георгий Шервашидзе, в будущем особо приближенный к вдовствующей императрице Марии Федоровне. К 1895 г. их брак стал формальным, что сделало возможным выходящие за его рамки отношения. После рождения девочка была передана отцу, а мать с ними больше никогда не виделась.

Документально подтвердить, как и опровергнуть эту версию едва ли возможно. Евгения Георгиевна с понятной скромностью указывала в анкетах «родилась в семье служащего», что было правдой: Георгий Семенович занимал солидную должность в межевых учреждениях Закавказского края. При советской власти княжеское достоинство и потомственное дворянство компрометировали одинаково, и что прибавила бы титулатура к блеску ее собственной личности. Сословные привилегии и права собственности революция отменила, наследство от родителей Евгения Георгиевна получила более ценное: неплохие физические данные, кипучую энергию и твердый характер.

Представляется достоверным то, что бездетная Марфа Георгиевна Бенедиктович (1869–1932) была Евгении приемной матерью. Она полюбила девочку всей душой, вырастила как родную и оставалась с ней, ведя дом и помогая воспитывать внука, до самой кончины [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 130. Л. 10] (ил. 1 на вклейке).

Евгения Бенедиктович (ил. 2 на вклейке) получила хорошее начальное образование в домашних условиях и окончила в 1914 г. 5-ю Тифлисскую женскую гимназию (рис. 1; ил. 3 на вклейке). Владела французским, немецким, английским, грузинским языками, позже самостоятельно выучила осетинский [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 5. Л. 36]. Превосходно играла на рояле, участвуя в общественных вечерах, впоследствии работала тапером в кинотеатрах, записывала нотами в полевых дневниках народные мелодии. У девочки была собственная лошадь, за которой она сама ухаживала и лихо скакала по тифлиским окрестностям. Летом семья выезжала в села Карели, Гомборы, Кикеты, города Мцхет, армянский Делижан (ил. 4 на вклейке). Возможно, это формирование в многоэтничной среде, знакомство с разными местностями и группами населения, контрастная природа

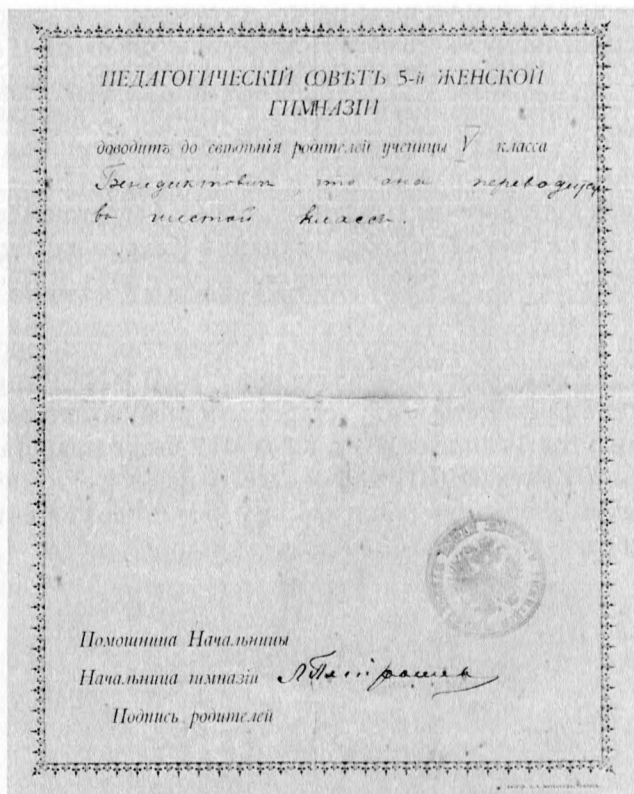


Рис. 1. Уведомление родителей гимназистки Евгении Бенедиктович о переводе ее в 6-й класс Тифлисской 5-й женской гимназии

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 2. Л. 1

гор, запечатленное в памятниках богатое прошлое края обусловили внутреннюю связь с ним и глубокий интерес к его древностям, определивший дальнейшую судьбу Евгении Бенедиктович.

В 1914 г. она поступила в Московский археологический институт (далее — МАИ). В программу обучения входили археология, этнография, история античного, итальянского, русского искусства и архитектуры, палеография, архивоведение, нумизматика, история русского языка и литературы, музеи- и библиотековедение. В институте преподавали известные специалисты из других вузов, архивов, музеев, библиотек — так, занятия по первобытной археологии вел В. А. Городцов. Практическое архивоведение изучалось на базе московских подразделений архивов министерств юстиции, императорского двора

и Главного штаба. В МАИ была начата и трудовая деятельность: согласно составленному много позже «Жизнеописанию», с 1915 до 1919 г. она работала в музее и архиве института, где выполняла сдельную работу по чтению рукописей и снятию копий с докладов и приговоров Сената Петра I в архиве Министерства юстиции в Москве [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 17. Л. 1; Там же. Д. 5. Л. 21].

Окончила МАИ Евгения Георгиевна в 1916 г. с золотой медалью за диссертацию на тему «К вопросу о влиянии Кавказа на домонгольское зодчество Руси», диплом получила в августе 1917 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 17. Л. 1].

В 1917 г. Е. Г. Пчелина поступила в Московский университет на юридический факультет. 12 февраля 1918 г. НКП РСФСР упразднил юридические факультеты ввиду устарелости учебных планов, дав на ликвидацию год. 14 апреля 1919 г. в 1-м МГУ был создан факультет общественных наук (ФОН) с тремя отделениями: экономическим, историческим и юридико-политическим, на которое Евгения Георгиевна перешла после указанной реорганизации (рис. 2).

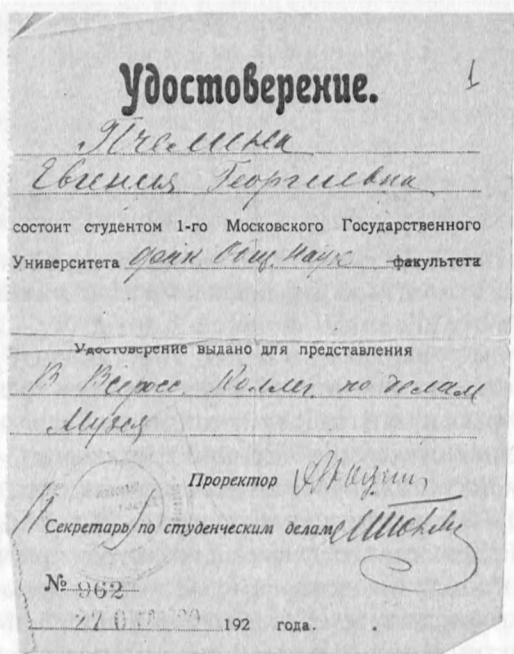


Рис. 2. Удостоверение студентки факультета общественных наук 1-го МГУ Е. Г. Пчелиной, выданное 27 октября 1920 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 4. Л. 1

Сведения о ее личной жизни до революции весьма отрывочны. По информации родных, с первым мужем они снимались в кино; возможно, в Первую мировую войну он был офицером (предположительно его снимок приведен на ил. 5 на вклейке). Среди документов, переданных дополнительно из семейного архива внуком, Николаем Георгиевичем Пчелиным, имеется свидетельство, выданное бюро ЗАГС Сокольнического района г. Москвы 3 ноября 1937 г. Оно удостоверяет, что Пчелин Николай Николаевич (о нем будет кратко сказано ниже) и Данилова Евгения Георгиевна вступили в брак, «о чем в книге записей актов гражданского состояния... 12 августа 1917 г. произведена соответствующая запись», фамилия после брака общая: Пчелины, номер акта 78 (рис. 3) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 12. Л. 1].

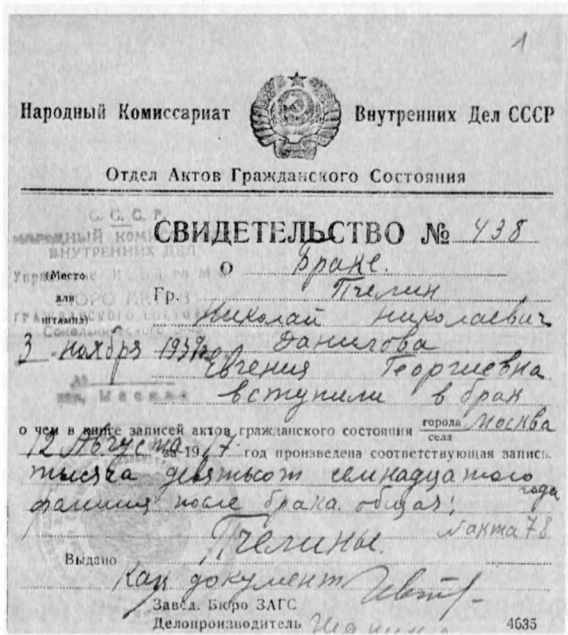


Рис. 3. Свидетельство о браке Н. Н. Пчелина и Е. Г. Даниловой (Пчелиной)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 12. Л. 1

Отчасти нескладные казенные формулировки, «простирающие» власть советской бюрократии в дореволюционное время, дают ценнейшую информацию к биографии будущей исследовательницы. Благодаря архивным документам известно, что первое замужество

состоялось в короткий промежуток очевидно, между окончанием гимназии и указанной в свидетельстве датой, лето 1914 г. — лето 1917 г. Брак же с Н. Н. Пчелиным был заключен 12 августа 1917 г., в «межучебный» год Е. Г. Даниловой (Пчелиной).

В 1919–1920 гг. Е. Г. Пчелина служила хранителем отделов археологии и нумизматики в Ярославском историческом музее, руководила краеведческими экскурсиями студентов, выезжала в командировки для работы по учету, охране и обследованию памятников художественного, исторического и археологического значения (рис. 4) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 61].



Рис. 4. Удостоверение хранителя Ярославского исторического музея Е. Г. Пчелиной (1920)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 61. Л. 9

В декабре 1920 г. Е. Г. Пчелина поступила научным сотрудником в Отдел доисторической археологии Государственного исторического музея (далее — ГИМ) и возвратилась в Московский университет. В 1921 г. она окончила правовое отделение с удостоверением о прослушивании курса [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 5. Л. 21], т. е., по-видимому, на правах вольнослушателя без сдачи экзаменов и подготовки диплома.

В 1921 г. Е. Г. Пчелина поступила в Тифлисский политехнический институт на экономический факультет, где получила дополнительную обширную подготовку в области экономики и финансов, юриспруденции, истории права и народного хозяйства [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 6. Л. 2]. Насколько можно судить, изучала она в большей степени историю и юриспруденцию, нежели финансы

с бухгалтером. В институте преподавал Леон Меликсетович Меликсет-Бек (1890–1963), исследователь культурных связей народов Закавказья, в будущем крупнейший историк, филолог, член-корреспондент АН АрмССР и заслуженный деятель науки ГССР. Возможно, он являлся руководителем ее дипломного труда «Обследование материалов к изучению армянского Нахичеванского судебногоника», посвященного оригинальному памятнику — юридическому кодексу самоуправляемой армянской колонии на Дону, созданному на основе армянского обычного права, российских законов и «Судебника» Мхитара Гоша (конец XII в.). Спустя много лет она вернется к этой научной теме и возьмет указанный диплом за основу при подготовке статьи об армянском Астраханско-нахичеванском судебнике XVIII в.¹

Защитив в 1924 г. дипломную работу и получив тогдашнее звание кандидата экономических наук, Е. Г. Пчелина вернулась в Москву.

Что привело ее на юридический факультет, а затем экономический, где она вновь изучала право в его историческом аспекте, остается гадать. Несомненны живая любознательность, стремление расширить горизонт знаний, не исключено желание получить дополнительную практическую специальность. Допустимо предположить влияние ее второго мужа Николая Николаевича Пчелина (1888–1939), историка права с широким диапазоном научных интересов: экономика, юриспруденция, государственные учреждения и политическое устройство России². Окончив юридический факультет Московского университета, осенью 1917 г. он стал там же приват-доцентом.

Отдельные свидетельства (издания местных вузов, учебные материалы, личные документы типа страховой книжки) указывают на работу Н. Н. Пчелина в Ярославском университете в 1918–1919 г., в Тифлисе в 1922–1924 гг. [Пчелин, 1919; 1924; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 130]. Там же, примерно в то же время справки, мандаты, удостоверения на истрепанных четвертях бумаги с полувыцветшим текстом и неразборчивыми печатями фиксируют пребывание и Е. Г. Пчелиной (рис. 5) [см., в частности: СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 61]. По-видимому, супруги вместе покидали голодную и холодную на рубеже 1920-х гг. Москву, устраиваясь на преподавательскую и научно-музейную работу в других городах.

¹ Подробнее см. статью Л. С. Гушян «Роль Е. Г. Пчелиной в арменоведческих исследованиях первой половины XX в.» в настоящем сборнике.

² См. статью В. В. Онощенко «Документы Н. Н. Пчелина в фонде Е. Г. Пчелиной» в настоящем сборнике.

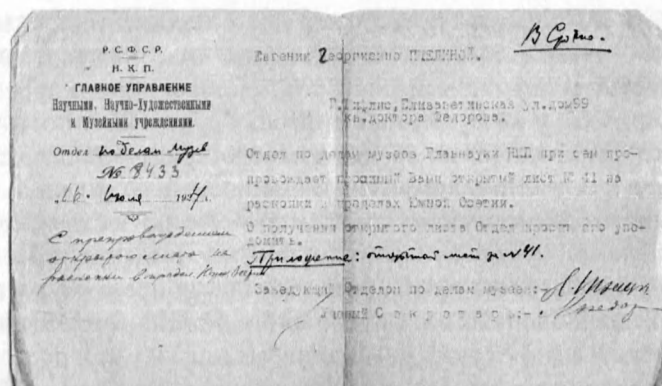


Рис. 5. Сопроводительное письмо от 16 июля 1924 г. к открытому листу на археологические раскопки в пределах Южной Осетии, направленное Е. Г. Пчелиной в Тифлис

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 77. Л. 1

Далее в биографии Е. Г. Пчелиной начинается этап неустанной научной деятельности, уже к середине которого она прочно заняла место в истории изучения Кавказа. В 1920–1932 гг., с перерывом на время командировки в Грузию с 1921 по 1924 г., она состояла в должности научного сотрудника Отдела археологии ГИМ (в 1924–1929 гг. — старший научный сотрудник, 1929–1932 гг. — действительный член музея по Отделу феодализации) (рис. 6).

Во время пребывания в Грузии Пчелина трудилась по совместительству преподавателем истории материальной культуры на рабочем факультете Тифлисского политехнического института. С 1924 по 1930 г. состояла научным сотрудником 1-го разряда (рис. 7), затем в 1925–1926 гг. ученым секретарем НИИ народов Востока РАНИОН в Москве, одновременно вела педагогическую деятельность в вузах: в 1924–1925 гг. преподавала грузинский язык в Московском институте востоковедения, в 1927–1928 гг. руководила музейным практикумом по археологии в том же Институте народов Востока. Кроме того, в 1927 г. Е. Г. Пчелина стала научным сотрудником Московского отделения ГАИМК, а в 1929-м — Осетинского научно-исследовательского института краеведения (г. Владикавказ). В 1930–1932 гг. она являлась по совместительству доцентом на кафедре музееведения МГУ и в Московском институте повышения квалификации музейных работников [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 17. Л. 1–5; Там же. Д. 5. Л. 21, 21 об.].

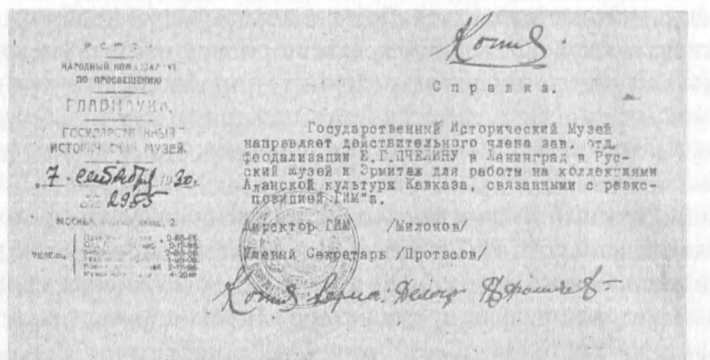


Рис. 6. Документ о командировке заведующего Отделом феодализации ГИМ Е. Г. Пчелиной в музеи Ленинграда для работы с кавказскими коллекциями

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 62. Л. 12

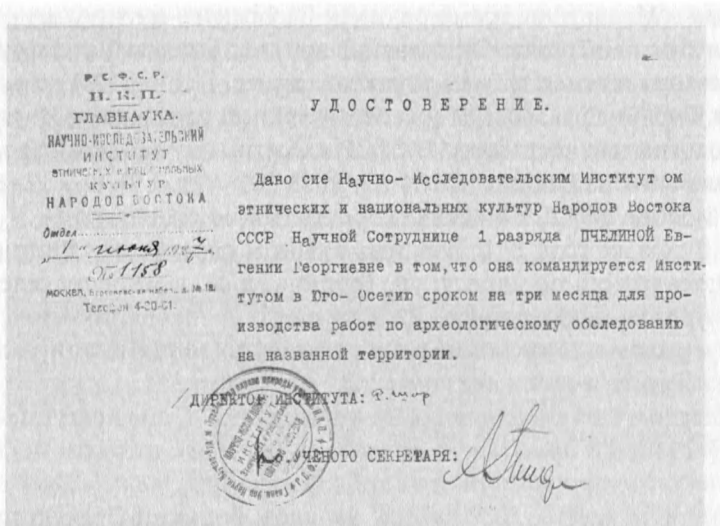


Рис. 7. Командировочное удостоверение от 1 июня 1927 г. «научной сотрудницы 1 разряда» НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН Е. Г. Пчелиной, направленной для археологических работ в Южную Осетию

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 64. Л. 1

В 1925 г. у Пчелиных родился сын Георгий. Летом они выезжали на подмосковные дачи (обстановку этих периодов лучше иных докумен-тов характеризуют фотографии — см. ил. 6–8 на вклейке), а также в Южную и Северную Осетию, где Евгения Георгиевна проводила

экспедиционные полевые работы, в которых при необходимости участвовал и муж. Остальное время он проводил с сыном, отдыхая и работая в ожидании ее возвращений — профессорская должность открывала такие возможности в каникулярный период. Сохранившиеся снимки запечатлели благополучие семьи (ил. 9–10 на вклейке), нежность Пчелина-старшего, познавшего радость отцовства в зрелом возрасте, к сыну (ил. 11 на вклейке). Биография и научно-педагогическая деятельность Н. Н. Пчелина, как бы затененного впоследствии яркой личностью жены (ил. 12 на вклейке), заслуживают специального исследования, основу для которого предоставляют материалы архива в фондах СПбФ АРАН.

В 1932 г. Е. Г. Пчелина по командировке ГИМ была направлена в Азербайджанский комитет по охране памятников старины в качестве археолога, по совместительству работала в Баку директором Азербайджанского антирелигиозного музея. В 1933 г., после возвращения в Москву, на время ревизии Загорского антирелигиозного музея (бывшей Троице-Сергиевой Лавры) она была назначена ученым секретарем и заместителем директора музея. С конца 1933 по октябрь 1939 г. Пчелина руководила археологическими раскопками Института археологии и этнографии АН СССР и Осетинского отдела народного образования на Кавказе [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 17. Л. 2–3].

В ноябре 1939 г. в Москве скоропостижно скончался Н. Н. Пчелин. В том же году Е. Г. Пчелина с сыном переехали в Ленинград, где поселились по адресу: ул. Герцена, д. 11, в многонаселенной коммунальной квартире № 29. Евгения Георгиевна прожила в ней (с перерывом на эвакуацию в годы войны) до конца жизни, занимая вначале одну, а затем две комнаты.

Незадолго до смерти мужа, 14 сентября 1939 г. она поступила в Государственный Эрмитаж на должность научного сотрудника Отдела Востока, где проработала вплоть до 1 декабря 1948 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 5. Л. 35 об.]. С началом Великой Отечественной войны перед коллективом Эрмитажа встала задача подготовки ценностей к вывозу в тыл. При отвлечении части сил на оборонные задачи и начавшейся мобилизации оставшиеся сотрудники, главным образом женщины, в кратчайший срок проделали титанический труд по упаковке назначенных к вывозу предметов.

30 июня 1941 г. на Урал отправился первый эшелон, увозя около полумиллиона единиц учета — почти всю музейную экспозицию. 15 июля был создан филиал Эрмитажа в Свердловске. 20 июля 1941 г. Е. Г. Пчелина эвакуировалась с сыном из Ленинграда вместе

со вторым эшеломом, вывозившим следующую часть экспонатов в филиал. Третий эшелон не смог покинуть город: 29 августа враг захватил станцию Мга, а 8 сентября замкнулось кольцо блокады.

В переполненной эвакуированными предприятиями, учреждениями, вузами столице Урала под хранение ценностей отвели здания, какие смогли освободить. Эрмитажники размещали ящики, таскали тяжести, организовывали отопление и пожарную защиту, обустривали как могли помещения, которые быстро заполнились до потолков штабелями с узкими щелями проходов. В этих лабиринтах сотрудники несли круглосуточные дежурства, поддерживая сохранность экспонатов, иногда жили и — возобновили научную деятельность [Варшавский, Рест, 1965]. Писались статьи, велось преподавание в учебных заведениях города, читались доклады и открытые лекции — для раненых в госпиталях, тружеников предприятий, учителей, студентов и школьников. В 1943 г. Е. Г. Пчелина проводила в армию сына Георгия и, не считаясь с тревогой за его судьбу, недоеданием и морозами, погрузилась в работу. Помимо текущих научных задач она подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Древнебуддийский монастырь в Кара-Тепе. Термез»³ [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 977]. 29 марта 1944 г. на историческом факультете МГУ Евгения Георгиевна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в степени была утверждена 10 апреля 1944 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 13], диплом выдан 31 января 1946 г. (рис. 8).



Рис. 8. Диплом кандидата исторических наук Е. Г. Пчелиной, выданный 31 января 1946 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 13. Л. 1 об., 2

³ Современное написание — Кара-тепе, которое дано, например, в более поздней публикации [Пчелина, 1964]. Сама Евгения Георгиевна с 1930-х гг. использовала прописные буквы, как показывает в частности машинопись указанной статьи [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 981. Л. 1], что было исправлено редакцией при выпуске указанного сборника.

В марте 1944 г. Е. Г. Пчелина была отозвана из Свердловска для участия в восстановительных мероприятиях в Эрмитаже. 8 ноября 1944 г. в залах музея открылась первая, временная выставка [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Д. 67. Л. 12]. 1944–1945 гг., по всей видимости, были отданы общему труду по приведению музея в порядок, работе с пережившими лихолетье и возвращенными в родные стены экспонатами. 1946-й год отмечен возобновлением археологических исследований в Осетии.

С 1 декабря 1948 г. Е. Г. Пчелина перевелась старшим научным сотрудником в Юго-Осетинский научно-исследовательский институт АН ГССР в Сталинире (ныне Цхинвал) «для окончания докторской диссертации на местном материале» [СПбФ АРАН. Оп. 3. Д. 17. Л. 3]. По заданию Северо-Осетинского научно-исследовательского института ею была написана монография объемом в 142 машинописных страницы «Местность Уаллагир и шесть колен рода Ос-Багатара», направленная в указанное учреждение [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 150]. Расширенный вариант (188 страниц текста) с заголовком «Материалы по истории Уаллагира. Шесть колен рода Багатара» был закончен в 1950 г. в Сталинире [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 157], в период работы в местном НИИ. Оставшаяся по неясным причинам в машинописи и, без сомнения, многочисленных копиях работа высоко оценивается специалистами и не утратила значения до сего дня [Чибиров, 2016, с. 41]. В ней обобщены сведения по истории главных осетинских родов и многих фамилий, охарактеризованы места их расселения, социальный строй, традиционная материальная и духовная культура народа.

1 апреля 1952 г. Е. Г. Пчелина с последнего своего места работы вышла на пенсию. Трудовой стаж, исчисляемый с 1915 г., позволял сделать это и ранее (членом профсоюза являлась с 1919 г.; рис. 9). Штатных должностей в научных и музейных учреждениях она более не занимала, в дальнейшем систематизировала и анализировала накопленные материалы. Проводила и новые экспедиционные работы, оформляя временное трудоустройство, прежде всего в Республиканском краеведческом музее Северной Осетии, где также приводила в порядок коллекции.

* * *

Самостоятельные полевые исследования были начаты Е. Г. Пчелиной на рубеже 1920-х гг. В 1921–1923 гг. по командировке ГИМ и Наркомпроса Грузии она провела в районе Триалетского хребта первые самостоятельные разведки и раскопки.



Рис. 9. Членский билет Е. Г. Пчелиной профсоюза работников высшей школы и учебных заведений, уплата взносов отмечена с мая 1946 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 7. Л. 79, 79 об.

От Исторического музея и Закавказской ассоциации востоковедения в 1924 г. приняла участие в комплексной экспедиции по обследованию Юго-Осетии, Курдистанского района Азербайджана, Нахичеванской автономной области и Зангезурского района на юго-востоке Армении [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 916]. Результатом участия в масштабном предприятии стали опыт маршрутного изучения равнинно-горных территорий, их природы, населения, истории, хозяйства, весьма пригодившийся в дальнейшем, а также первая известная публикация молодого ученого: «Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетия)» [Пчелина, 1924]. (Статья о маршрутных исследованиях в советском Курдистане вышла в «Советской этнографии» несколько лет спустя [Пчелина, 1932 а].) Тогда же, в 1924 г. Е. Г. Пчелина осуществила раскопки Сагурамского могильника в Грузии (рис. 10), исследование которого было продолжено в 1925 г. [Пчелина, 1927].

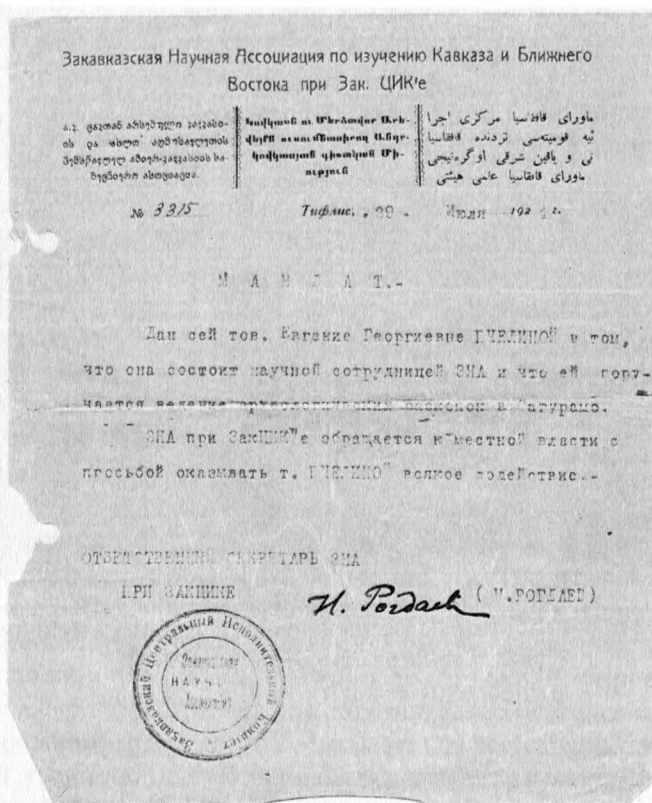


Рис. 10. Мандат Закавказской научной ассоциации, выданный научной сотруднице Е. Г. Пчелиной для археологических раскопок в Сагурамо (Грузия)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 63. Л. 2

По заданию ГИМ и Осетинского научно-исследовательского института краеведения в 1926–1931 гг. она составляла археологическую карту Южной и Северной Осетии. Сама Евгения Георгиевна вела отчет своих работ в горных ущельях, конных маршрутов с единственным проводником, посещения самых глухих сел и заброшенных развалин с 1924 г. Конечным результатом стала археологическая карта обеих Осетий, одной из целей являлось выяснение функциональности транскавказских коммуникаций в прошлом, «проницаемости» горных массивов, которые в обычных представлениях являются непреодолимой преградой. Ею было исследовано 15 перевалов, связывающих Северную и Южную Осетию, с 18 маршрутами

[СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 150. Л. 102]. Позже она написала о тех «научных походах»: «Большинство из этих перевальных троп я прошла пешком с лошастью в поводу в период 1924–1931 гг. и лично удостоверилась в их относительно легкой проходимости» [Пчелина, 2013, с. 152]. Таким образом, ее исследования доказали непрерывную связь населения двух склонов центральной части Кавказского хребта, что меняло существовавшую парадигму культурно-исторического развития региона.

Сознавая важность визуального документирования полевых исследований, Евгения Георгиевна овладела искусством фотосъемки. В фонде имеются сотни фотографий, негативов на стеклянных и целлулоидных пластинках, основная часть которых принадлежит явно ей. На них изображены горные перевалы, селения в ущельях, памятники прошлого (ил. 13–15 на вклейке), улицы и дома, жители в традиционной одежде — все, что было значимо для изучения и привлекало внимание. До наших дней сохранился штатив, который сопровождал ее во всех экспедициях⁴.

В 1928–1929 гг. Е. Г. Пчелина проводила археологические работы в зоне прокладки Дигорского канала, исследовала катакомбные могильники в селах Камунта (Дигория) и Архон в Алагирском ущелье Северной Осетии.

В 1932 г. она руководила раскопками в комплексе Ханского дворца в Баку (рис. 11). С 1920 г. советское правительство начало принимать меры по охране памятника, а в 1932–1934 гг. Азербайджанское центральное управление охраны памятников (АзЦУОП) совместно с Московскими государственными реставрационными мастерскими провело масштабные восстановительные работы, по окончании которых здание дворца было передано Музеем истории Азербайджана. На эти работы Е. Г. Пчелина была приглашена, возможно, через посредство архитектора, одаренного художника, реставратора и знатока кавказских памятников всех эпох Ивана Павловича Щеблыкина. Познакомились они, по-видимому, в 1920-х гг., когда он трудился в Северо-Кавказском институте краеведения во Владикавказе и принимал участие в комплексных экспедициях по историко-археологическому изучению края. Во дворце, который Е. Г. Пчелина именovala в записях по-местному Хансараем, он занимался реставрацией зданий.

⁴ См. статью Л. Д. Бондарь «Материалы Е. Г. Пчелиной в московских коллекциях (по авторским заметкам)» в настоящем сборнике.

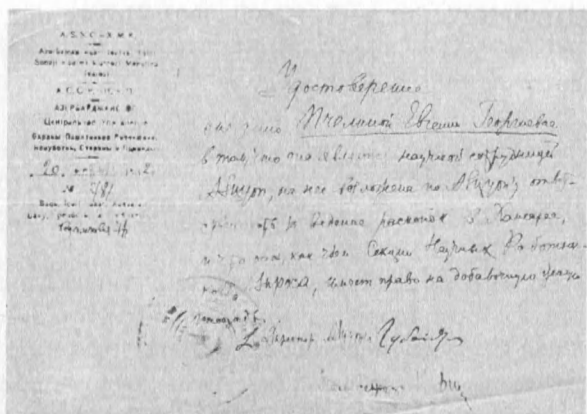


Рис. 11. Удостоверение АзЦУОП от 20 ноября 1932 г., подтверждающее полномочия Е. Г. Пчелиной на раскопки в Хансарае (дворце ширваншахов) в Баку

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 69. Л. 2

Рабочие под началом Евгении Георгиевны раскапывали шанцевым инструментом мощные пласты слежавшегося грунта, заполнявшего внутренние помещения дворца на двух этажах и дворики, выбирая из него находки, в основном обломки керамики. Она добросовестно вела летопись — полевой дневник на больших листах бумаги: «Комната № 5/II. 17/X. Бросали кирпич через окно»; «Комната № 6/II. 11/XI. 1. Осколок дна бутылки. 2. Донышко аптечного пузырька. 3. Черепок от миски зелен. поливы» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 950. Л. 85, 86]. Целью являлась очистка помещений, выяснение состояния стен, создание точных планов. Раскопки длились с 16 октября по 11 декабря 1932 г. и стали одними из самых масштабных в практике исследовательницы, однако особого интереса у нее, судя по всему, не вызвали: в сохранившихся материалах нет обычных заметок, выписок, библиографических подборок, которыми сопровождалось изучение любого научного вопроса. Имеющиеся фотографии высоким качеством некоторой части, сепиевым оттенком и форматом прочих не характерны для ее собственных снимков (ил. 16–19 на вклейке) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 969]. Некоторые из фотографий аннотированы И. П. Щеблыкиным в 1933 г. (неясно, в период работ или позднее) — возможно, подборка была прислана им.

В 1936 г. Е. Г. Пчелина являлась начальником комплексных работ в знаменитом святилище Реком (Цейское ущелье в долине р. Ардона). Огромное значение памятника для истории и духовной жизни

осетин было понятно давно, сам же он к началу 1930-х гг. находился в аварийном состоянии. Ученые, не акцентируя его культовой роли, выдвигая на первый план архитектурную, этнографическую и прочую ценность, не первый год ставили вопрос о необходимости реставрации. Виделась она по-разному: укрепление деревянных конструкций либо их полная замена. А. А. Миллер и его сторонники выступали за первый вариант, Е. Г. Пчелина считала верным второй. Тянулась ведомственная переписка, согласовывались сметы и планы. Одновременно власти Северной Осетии и центр решали вопрос о создании Рекомского заповедника. В 1936 г. после некоторой волокиты, задержавшей дело, немалые тогда средства были отпущены, и работы начались (рис. 12–13). Возможно, Е. Г. Пчелиной пришлось здесь обучение на экономическом факультете — ей приходилось распоряжаться деньгами и вести отчетную документацию. На памятнике она занималась раскопками, а реставрацией — приглашенный из Баку И. П. Щеблыкин, создавший помимо рабочих чертежей немало великолепных зарисовок святилища и окрестностей⁵.

Масштабные работы на памятнике, включавшие обмеры, зарисовки и чертежи, фотофиксацию процесса, проводились в сентябре-октябре 1936 года, рабочие были наняты в селе Цей. Здание было полностью разобрано, на его площади проведены раскопки, в ходе которых было найдено более 11 тыс. археологических предметов различных категорий. В ходе реставрационных работ истлевшие части бревен заменили новыми, из неподверженных гниению пород дерева, настелили заново крышу. К концу работ в Цее выпал снег (ил. 20 на вклейке), но задача была выполнена. Археологические находки были сданы Е. Г. Пчелиной в Северо-Осетинский музей, после чего она продолжила исследовательские работы с ними (ил. 21 на вклейке). Здание святилища Реком обновили столь качественно, что ремонта хватило почти на 40 лет: следующую реставрацию провели в 1971–1972 гг. специалисты Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР [Кузнецов, 1990, с. 13]. Материалы исследования святилища Реком легли в основу докторской диссертации Евгении Георгиевны (работа над ней велась в 1948–1955 гг.), далее переработанной в монографию (1955–1965 гг.), к сожалению, оставшуюся незавершенной⁶.

⁵ Подробнее см. статью А. В. Газдановой «Изучение святилища Реком Е. Г. Пчелиной» в настоящем сборнике.

⁶ См. статью А. В. Дарчиева, Л. Д. Бондарь, А. В. Газдановой «Святилище Реком в Цейском ущелье: рукописное наследие Е. Г. Пчелиной» в настоящем сборнике.

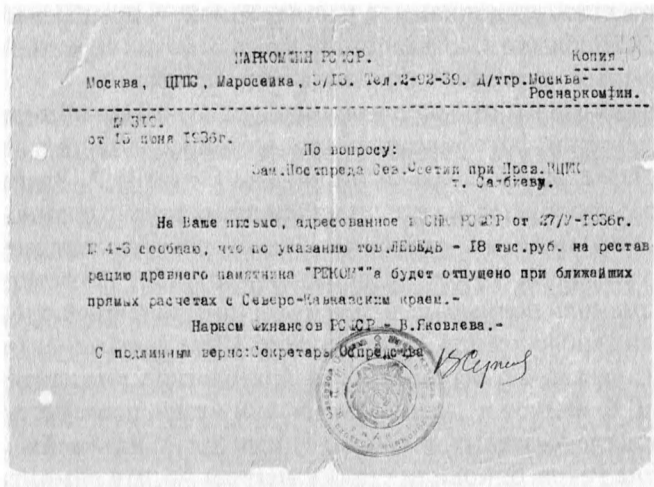
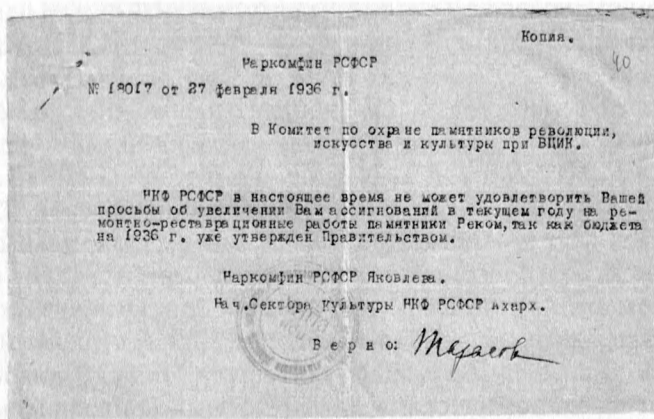


Рис. 12–13. Финансовые документы, связанные с ассигнованием средств на реставрацию «древнего памятника „Реком“»

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 86. Л. 40, 43

В 1937 г. Е. Г. Пчелина проводила археологические раскопки близ Старого Термеза, исследуя буддийский монастырь I–V вв. н. э. у основания холма Кара-тепе⁷. Его открыли в 1926 г., два года спустя были

⁷ См. о них статью М. Ю. Вахтиной «Материалы об исследованиях буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе в личном фонде Е. Г. Пчелиной» в настоящем сборнике.

обнаружены первые заполненные песком и сырцовым кирпичом пещеры — вырубленные в песчанике небольшие храмы. В 1937 г. на памятнике начала крупные работы Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ). Е. Г. Пчелина приехала в Термез в начале апреля 1937 г. и возглавила отряд, «начавший планомерные разведочные раскопки на Кара-Тепе» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 55]. Путем тщательных наблюдений ей удалось выявить поверхностные отличия грунта, отмечающие эрозионные пробои расположенных ниже полостей, и по этим признакам вскрыть три новых пещеры с храмами и прилегающими помещениями иных назначений. В целом исследования доказали, что на холме располагался сложный комплекс древнебуддийского монастыря из наземных построек и искусственных пещер, изучение которых предоставили основу для сопоставлений и датировки. По термезским материалам, как уже говорилось, Е. Г. Пчелиной позже была защищена кандидатская диссертация [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 977].

В течение полевого сезона 1938 г. Пчелиной было проведено археологическое обследование Урсдонского ущелья в Северной Осетии, раскопки святилища Михдау-дзуар, могильников в Дигории (Камунта) и Алагирском ущелье (Архон). В 1939 г. археологические раскопки и разведки велись в Дигорском ущелье Северной и предгорной полосе Южной Осетии (в районе сел Нули, Рустави и Ортеви), были продолжены раскопки Архонского катакомбного могильника [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 17. Л. 4].

Великая Отечественная война прервала экспедиционные полевые работы, которые возобновились только в 1946 г. В этом году были проведены комплексные исследования Нузальской часовни, включающие в себя фиксацию внешнего состояния фресок и археологическое изучение внутренней площади строения. Изучение этого памятника, по мысли Е. Г. Пчелиной, должно была прояснить ряд вопросов средневековой истории Алагирского ущелья и заселявшего его могущественного рода Царазонта, социально развившегося до царской власти, экономически и политически вышедшего на уровень межгосударственных, в том числе династических, связей.

В июне 1946 г. в ходе раскопок земляного пола было обнаружено погребение, содержащее мужской костяк со следами насильственной смерти и скромным инвентарем. На основе обобщения данных грузинских источников и осетинских преданий Е. Г. Пчелина пришла к выводу, что в часовне похоронен муж царицы Тамары, Давид Сослан, из-за чего открытие приобрело черты сенсационности.

Уникальные фрески, выполненные в грузинском стиле, виделись прежде всего доказательством высокого достоинства погребенного, хотя вполне сознавалось их самостоятельное культурное значение, и в дальнейшем они были по возможности тщательно изучены. Интерпретация погребения и памятника в целом вызвала долгую полемику, не стихшую до сих пор. Е. Г. Пчелина в 1946 г. подготовила доклад, прочитанный в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 835], затем большую статью [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 836], однако рукописи отложились неопубликованными в личных бумагах и архиве указанного НИИ. Единственными прижизненными авторскими публикациями о Нузале остались три очерка в газете «Рæстдзинад», переведенные на осетинский язык.

С 1948 по 1952 г. Е. Г. Пчелина работала в Южной Осетии (ил. 23 на вклейке). В 1948 г. она руководила совместной экспедицией Государственного Эрмитажа и Юго-Осетинского музея краеведения, производившей археологические разведки в Джавском районе ЮОАО. В 1949 г. уже в должности старшего научного сотрудника Юго-Осетинского НИИ АН ГССР (ил. 24 на вклейке) она продолжила работы в том же районе. В 1950 г. Пчелина провела археологические раскопки в селах Урс-дзуар, Джомаг, Рук, Цоиси, на горе Кидзилфат, в 1951 г. обследовала археологические памятники в селах Гуфта и Дзарцеми, а также в Знаурском районе, составляла археологическую карту Юго-Осетинской области (рис. 14) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 76].

В рамках свойственного той эпохе «Производственного пятилетнего плана 1951–1955 гг.» она руководила темой «Древняя местная металлургия на территории Юго-Осетинской автономной области и местные металлические изделия». Работы были распланы по годам и предусматривали последовательные экспедиции в Джавский, Сталинирский, Знаурский, Ленингорский районы и подготовку научного труда о древней местной металлургии. Изучением охватывалась вся территория Юго-Осетии (с 1940 г. ее административное деление приняло современный вид) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 76. Л. 170, 171]. Соответственно требованиям времени научное исследование увязывалось с задачами хозяйственного развития, а именно — выявлением мест возможных горных разработок (рис. 15). Масштаб планов отвечал характеру Евгении Георгиевны. Как показывают документы фонда, полевые работы не ограничивались изучением остатков рудоплавильных печей и сборами шлаков — исследовались памятники разных периодов,

расположенные в зоне экспедиционных маршрутов. Были открыты либо обследованы известные ранее могильники эпохи бронзы, поселения, развалины средневековых церквей. Летом 1951 г. в районе селения Лаше-Балта будущий ученый с мировым именем, а тогда аспирант ЛОИА АН СССР, участник экспедиции В. П. Любин обнаружил первые на территории Юго-Осетии палеолитические орудия, три неолитических местонахождения [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 76. Л. 43, 49]. Таким образом уточнялась и пополнялась археологическая карта области, составленная еще в довоенные годы, — задача, которая всегда представлялась для Е. Г. Пчелиной актуальной.

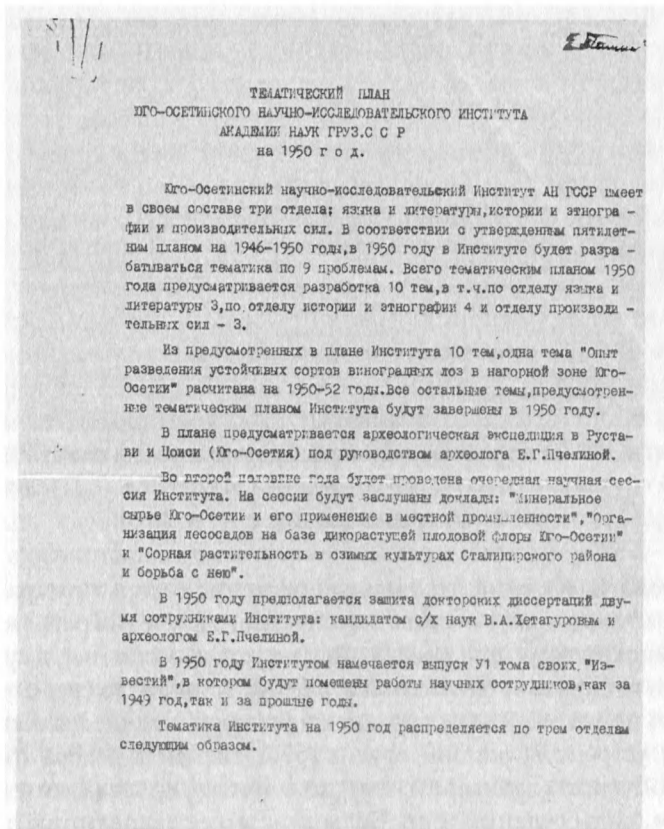


Рис. 14. Первая страница тематического плана работы ИЮНИИ на 1950 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 76. Л. 43

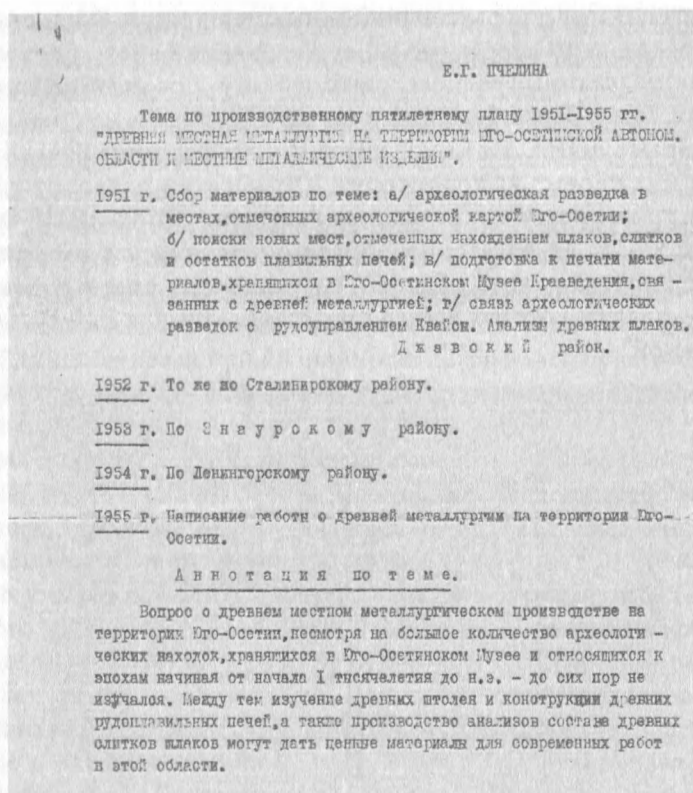


Рис. 15. «Тема по производственному пятилетнему плану 1951–1955 гг.» старшего научного сотрудника ЮОНИИ Е. Г. Пчелиной

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 76. Л. 77

Археологические исследования неизменно велись ею параллельно с этнографическими, в составе комплексного изучения региона. Освоив осетинский язык, она умела найти подход к людям, всегда работала быстро и собирала за один сезон огромное количество сведений, фиксировала нормы обрядовых практик и бытовой жизни, хозяйственные занятия, устройство жилищ, орудия труда, элементы декора предметов и зданий, делала зарисовки и лично фотографировала жителей, постройки, виды селений и пр. Большинство ее экспедиций по горам и равнинам Осетии длилось отнюдь не месяцами, как показывают записи — к сожалению, в основном выдержки, часто поздние, из полевых дневников, а не сами оригиналы. В довоенный период интенсивных полевых работ она успевала в течение двух, самое большее трех

недель выполнить намеченное, вернуться в Цхинвал/Сталинир либо Владикавказ/Орджоникидзе, сдать материалы, поработать в фондах музеев и местных НИИ, отдохнуть с семьей в «дачном» режиме и выехать на очередные разведочно-спасательные раскопки, отправиться в горный маршрут для картографирования памятников.

Активные этнографо-археологические исследования конца 1920–1930-х гг. предоставили необъятный материал, который Евгения Георгиевна не успевала в должной мере обрабатывать (ее требования к собственной работе были крайне высоки). К этому времени относятся немногочисленные, но выделяющиеся по содержательности и тщательной подготовке статьи, прочно вошедшие в базовый фонд отечественного кавказоведения: «Дом и усадьба нагорной полосы Южной Осетии» [Пчелина, 1930 а], «Обряд гостеприимства в Осетии» [Пчелина, 1932 б], «Крепость „Зылды Мæсыг“» [Пчелина, 1934], «Родильные обычаи у осетин» [Пчелина, 1937], «Осетинская мельница»⁸ [Пчелина, 1966] и др. Для трудов Е. Г. Пчелиной характерны многочисленные побочные экскурсии, позволяющие увидеть связи объекта исследования с другими явлениями на обширном историко-культурном фоне. Археологические материалы в ее понимании следовало не только добросовестно описать, но и интерпретировать с привлечением обширного комплекса исторических и этнографических источников. Все работы Пчелиной, равно опубликованные и нет, отличаются тщательным исследованием вопроса, тотальным изучением источников, скрупулезным рассмотрением деталей с дальнейшим построением широких обобщений по изучаемой тематике.

Можно условно выделить два периода работы Евгении Георгиевны после ее официального выхода на пенсию. Первый — 1952–1958 гг., когда раскопок практически не велось, хотя поездки на Кавказ осуществлялись. Так, в 1955 г. с участием В. П. Любина она исследовала в верховьях р. Большой Зеленчук эпиграфические памятники — две плиты с надписями предположительно на аланском (осетинском) языке, обнаруженные ею еще в 1946 г., обеспечила их вывоз и доставку в ГИМ [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 916]. В 1956 г. был проделан маршрут по Куртатинскому и другим ущельям Северной Осетии,

⁸ Первый вариант статьи под названием «Дон Куырой и ее место в хозяйстве горцев Осетин», с написанием осетинских терминов еще латиницей, по-видимому, был создан не позднее 1938 г. (см., в частности: СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 286. Л. 3).

собран новый этнографический материал, данные к исследованию о расселении осетинских родов и функционировании перевальных путей. Е. Г. Пчелина обследовала некоторые памятники, в том числе ранее изучавшиеся ею, — прежде всего Камунтский могильник в Дигории, фиксировала их разрушение и отсутствие охраны, инициировала обращения в органы власти [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 62]. Но все же основной упор делался на обработку масштабных накопленных материалов, подготовку научных работ. Она возвращалась к своим старым трудам, например выпускной диссертации в МАИ о влиянии закавказского зодчества на древнерусское, которую существенно расширила в библиографической части в 1958 г.⁹ Тогда же вновь занялась изучением Астрахано-нахичеванского судебника, бывшего предметом изучения при написании второй дипломной работы, в Тбилисском политехническом институте. Обращение к истории расселения по территории Восточной Европы представителей древнего закавказского народа, первым на государственном уровне принявшего христианство и традиционно активного в экономической и культурной областях, развернулось в широкое исследование русско-армянских отношений со времен Киевской Руси¹⁰. Систематизировались археологические и этнографические материалы по другим исследованиям прошлых лет.

Примерный рубеж этого периода отмечают выявленное среди документов указание о передаче материалов в «научный архив Ак. Наук СССР» (ЛО Архива АН СССР; рис. 16) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 28. Л. 2], а также список подготовленных к печати и находящихся в работе рукописей (рис. 17), датируемые 1958 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 28. Л. 1]. По-видимому, в это время Евгения Георгиевна почувствовала ухудшение здоровья, недомогания беспокоили ее давно, и она на всякий случай привела материалы в возможный порядок. К счастью, судьба отпустила ей еще целых 14 плодотворных лет, а к огорчению будущих исследователей, в фонде выявлены далеко не все труды, перечисленные как законченные. По всей видимости, остановиться в их дополнении, расширении, переработке и разделении на новые статьи и монографии и монографий она по свойствам натуры просто не могла.

⁹ При этом она изменила название, указав на титуле машинописи новое — «Черты армяно-грузинского архитектурного стиля в домонгольской Руси» — с реквизитами Императорского Московского археологического института и датой 1916 г., что может несколько запутать исследователей [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

¹⁰ Подробнее см. статью Л. С. Гушян «Роль Е. Г. Пчелиной в арменоведческих исследованиях первой половины XX в.» в настоящем сборнике.

2

Ручкописный
Материал

Т., подающийся Голубиной,
Энциклопедия, часть сде-
ланных мною работ
Не опубликована
Хранится у меня дома
в специальном шкафу.

Ручкописи эти почти
все подготовлены
к печати, но требуют
перед сдачей дополни-
тельной редакций.

По моему мнению,
по моему мнению, в со-
ответствии с волею
Неопубликованный
Материал будет в
научный архив АН СССР.

Рис. 16. Распоряжение Е. Г. Пчелиной о передаче научных материалов в Архив АН СССР (1958)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 28. Л. 2

Портретные фаджы. Сочинена в Кузальский Тасовне.	5 л. л. и таблица
Архонский каганский "молитвенник" в Сев. Осетии (по рассказам братьев 1928, 1929 и 1938 г.)	3 л. л. и таблица
"Археологическая разведка на Дигорском Канале в Сев. Осетии 1928 и 1929 годов"	2 л. л. и таблица
"Лабиринт карты Сурзона в фанатическом и Археологических памят- никах"	3 л. л.
"Аланы - Асы - Асы - Осы и местных рассказы по Сев. Кавказу"	5 л. л.
Коллекция Багатава Родовые группы и их	15 л. л.

Рис. 17. Список подготовленных Е. Г. Пчелиной к печати и находящихся в работе рукописей (1958)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 11. Л. 1

Второй период «постслужебной» деятельности Е. Г. Пчелиной длился примерно с 1959 г. до 1972 г. Преодолевая заболевания и не мысля себя без работы, она продолжила систематизировать накопленное, изучать литературу и пополнять обширные своды библиографических картотек, переделывать ранее написанные и оставшиеся без публикации тексты. В 1950-е гг. не было опубликовано ни одной ее работы, 1960-е оказались плодотворнее. Так, в начале 1960-х гг. она вновь обратилась к изучению буддийского монастыря в Кара-тепе: сотрудник Эрмитажа Б. Я. Ставиский, готовясь возобновить там раскопки

в 1961 г., обратился к Евгении Георгиевне за консультациями, которые она щедро предоставила вместе с материалами [Ставиский, 1964, с. 7]. Е. Г. Пчелина заинтересовалась ходом исследований и решила опубликовать результаты собственных — возможно, это предложил сделать Борис Яковлевич: под его редакцией готовился сборник о довоенных и новых работах на памятнике¹¹. Для статьи были изучены старые материалы и, естественно, собрана не одна папка новых. Написанная в 1962 г., статья начиналась с объяснительной констатации, звучащей по-человечески проникновенно: «Из археологов, работавших в Термезе над этой темой, почти никого уже не осталось в живых. Поэтому мне, проводившей раскопки на Кара-тепе в 1937 г., выпала задача подвести итоги первого этапа работ» [Пчелина, 1964, с. 82]. Сборник «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе» вышел в 1964 г., и до сих пор актуален среди современных исследователей.

Однако магистральные интересы Е. Г. Пчелиной не покидали русла кавказоведения. Изучение корней осетинского народа неразрывно с историей алан, всестороннее исследование которой демонстрирует объем накопленных материалов. До завершения в 1962 г. и публикации в 1963-м (что было нечастым и, надо думать, радостным событием жизни-труда) дошла разработка лишь одной из тем этого комплекса — о местонахождении известного по летописям города Дедякова (Тетякова), в штурме которого войсками хана Золотой Орды Менгу-Тимура в 1278 г. участвовали с дружинами русские князья. Решение этой вроде бы частной проблемы, спор о которой идет до сего дня, де-факто связано в том числе с определением территории расселения аланов-асов-ясов в XIV в., после монгольского нашествия, а также с вопросом об этнической принадлежности аланов и поныне актуальным вопросом о том, кто являлся их потомками. Е. Г. Пчелина на высоком уровне (что подтверждает включение статьи в авторитетнейшее издание советской поры «Материалы и исследования по археологии СССР») проанализировала данные русских летописей с привлечением большого числа источников и пришла к заключению о локализации города в бассейне реки Сунжи [Пчелина, 1963]. О проделанной ею подготовительной работе свидетельствуют более десятка архивных дел с материалами¹².

¹¹ История создания статьи требует отдельного изучения; так, в документах фонда имеются записи, свидетельствующие, что она завершалась в 1962 г. «для „Трудов“ Эрмитажа» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 350. Л. 74, 75].

¹² Детальный разбор см. в статье Е. А. Анненковой «Е. Г. Пчелина: в поисках города Дедякова» в настоящем сборнике.

Небольшой промежуток 1963–1965 гг. был отмечен экспедиционной активностью, возобновлением полевых исследований, включая и проведение археологических раскопок. Е. Г. Пчелина с начала 1930-х г. поддерживала тесные связи с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом и Республиканским музеем краеведения СОАССР. После ее ухода с официальных должностей главным образом эти два учреждения предоставляли ей возможности для научных исследований, а музей выступал прямым работодателем на время экспедиционных работ, приглашая ее как специалиста. С 19 августа по 23 сентября 1963 г. она проводила раскопки Архонского катакомбного могильника, ранее исследовавшегося ею в 1928, 1929, 1938 и 1939 гг. В 1964 г. готовился подробный отчет (рис. 18), включавший материалы довоенных лет, велась работа в фондах музея, запланированные полевые исследования так и не состоялись [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 576. Л. 4–25]. 1965-й ознаменовался новыми раскопками в Нузальской часовне (была вскрыта оставшаяся часть земляного пола, осуществлены уточняющие обмеры, фотосъемка памятника и общих планов села), обследованием святыща Реком, а также маршрутом по ущельям истоков реки Ардона с посещением тех местностей и сел, где она бывала в 1920–1930-х гг., прослеживая пути древних транскавказских коммуникаций, картографируя и описывая памятники (ил. 25–29 на вклейке) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 8]. Дальнейшие работы планировались, но, судя по документам фонда, не реализовались. По-видимому, Е. Г. Пчелина приезжала в Осетию и позже, однако полевых исследований более не проводила (ил. 30–31 на вклейке). Последовали годы кабинетной работы, за письменным столом и в любимой ею ленинградской Публичной библиотеке, отличавшиеся высокой плодотворностью, хотя ни одной крупной работы закончено опять-таки не было.

Научным содержанием последнего этапа жизни стало обобщение данных по основным темам, прорабатывавшимся ею на протяжении десятилетий. Хронология нуждается в уточнении, поскольку Евгении Георгиевна редко датировала и даже озаглавливала свои рукописи, в ряде случаев можно опираться лишь на сумму косвенных признаков. При поверхностном знакомстве складывается впечатление, что создавались они единовременно — так сходны использовавшаяся бумага, цвет чернил, толщина штриха пера (возможно, одной привычной ручки), характер и состав материалов: последовательный текст, максимум в 20–30 нумерованных страниц крупным почерком, с правкой, вставками, примечаниями и дополнениями,

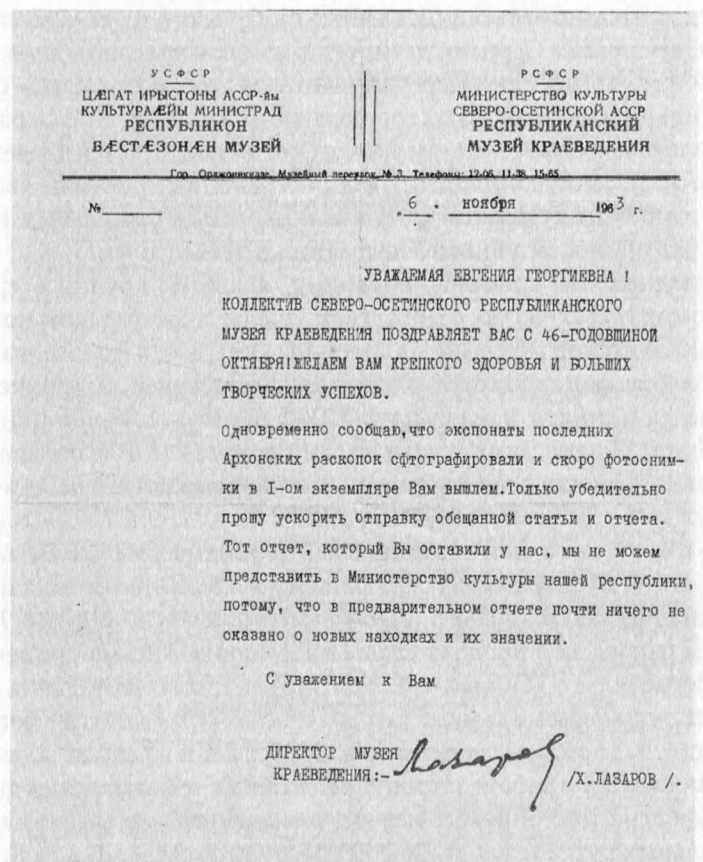


Рис. 18. Письмо директора Республиканского музея краеведения Северной Осетии Х. Г. Лазарова к Е. Г. Пчелиной от 6 ноября 1963 г., связанное с отчетом о проведенных ею раскопках Архонского катакомбного могильника
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 75. Л. 21

затем черновики и целые пакеты заметок, выписок, библиографии на карточках самого разнообразного формата. С долей условности наработки о фресках Нузальской часовни, Давиде Сослане и царице Тамаре [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 848–851; 853–856; 884; 885–887; 889] можно отнести к 1965–1968 гг., не исключая эпизодические возвращаения к ним позже, в форме отдельных записей и пересмотра материалов. Пространный текст с условным названием «Описание земель Царазонта» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 171; 172; 174–177],

предположительно являющийся частью глобального труда «Расселение осетин по ущельям Осетии», датируется приблизительно в диапазоне 1968–1972 гг. А были еще «Перевальные пути», «Охота у осетин» с подробнейшей характеристикой составляющих этого промысла, работы о социальном и хозяйственном укладе Осетии позднего средневековья и нового времени, мифологии, распространении христианства, родовых отношениях и происхождении отдельных фамилий, а также целый ряд других, ждущих исследования и публикации.

Последним по времени, очевидно, является крупный труд в нескольких главах-частях о Дигорском ущелье и Камунтском могильнике («Камунтский могильник в Северной Осетии»), рассматриваемом на широком фоне археологических сопоставлений, исторических параллелей и синкретизма культур [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 640–642; 655; 665]. К написанию статьи по данной теме Е. Г. Пчелина подступала давно: пометка в начале первой части указывает, что работа была начата в 1948 г. в Эрмитаже [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 626. Л. 8], в 1959–1961 гг. она к ней возвращалась периодически [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 628]. За создание финального большого текста исследовательница взялась в 1969 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 666. Л. 18]. В 1971-м работа еще продолжалась: в черновике письма профессору И. В. Мегрелидзе в Тбилиси от 12 мая она сообщала, что должна сдать в Эрмитаж рукопись о камунтских древностях (хранящихся в Золотой кладовой), над которой трудится больше двух лет и не может поставить точку, поскольку в работе затронут ряд важных тем: этногенез дигорцев — субэтноса осетинского народа, таможенные заставы на линиях перевальных путей и т. д. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 325. Л. 5, 6]. При всем том летом того же года она еще собиралась ехать Осетию, где планировалась очередная реставрация Рекома и были необходимы ее консультации [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 113. Л. 4].

Е. Г. Пчелина свидетельствовала, что работа после долгого перерыва была закончена в 1969–1971 гг. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 783. Л. 17]. В фонде имеются завершенные рукописные версии двух разделов (рис. 19) с некоторым количеством дополнений, о законченности третьего раздела и работы в целом затруднительно судить без серьезного изучения текста и многочисленных записей к нему. По объему использованных материалов и рабочего аппарата монография производит колоссальное впечатление. В россыпи среди заметок была отмечена дата — лето 1972 г. (по-видимому, работа шла до пределов физических возможностей автора). Надо ли говорить, что она осталась незавершенной?..

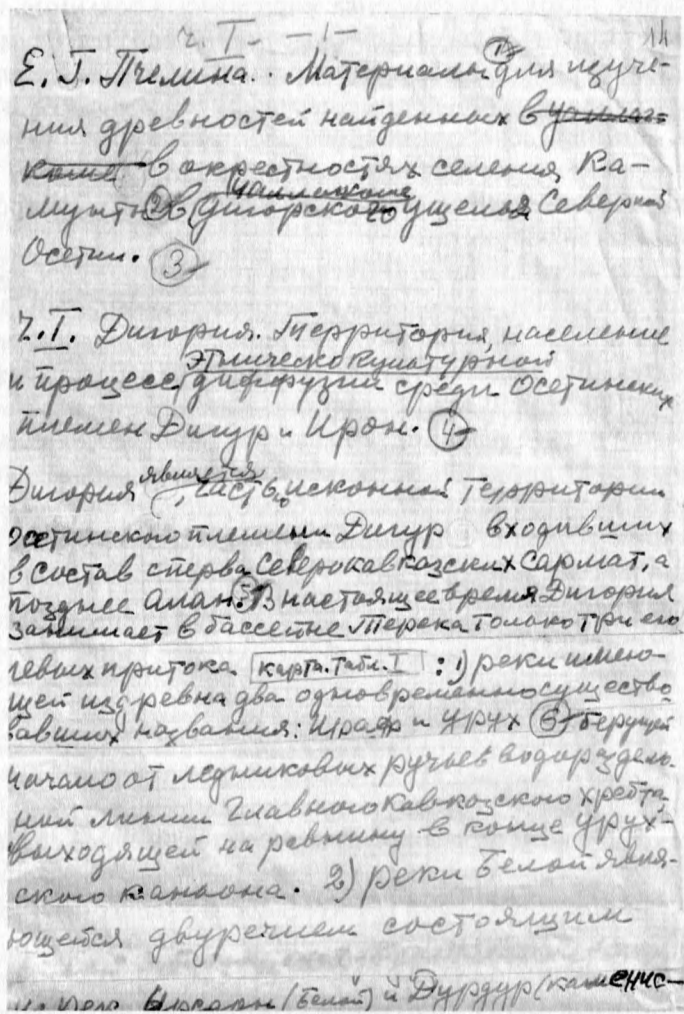


Рис. 19. Первая страница части первой рукописи последней работы Е. Г. Пчелиной, посвященной Камунтскому могильнику в Дигорском ущелье Северной Осетии

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 641. Л. 14

Интеллектуальный потенциал ученого, судя данному объему рабочих материалов, в финальные годы жизни не поблек. Иссаял ресурс здоровья. В конце 1972 г., не завершив написание или отделку большинства основных работ, Е. Г. Пчелина была госпитализирована

и 25 ноября, находясь в сознании, скончалась в больнице. Судьба ценнейшего архива была ею заблаговременно определена, материалы подготовлены и даже частью упакованы. В феврале следующего года, выполняя ее волю, родные передали собрание в Архива АН СССР в Ленинграде. К сожалению, там он десятилетия хранился в неразобранном виде и ненадлежащих условиях, пока в 2019 г. на правительственном уровне не был решен вопрос о финансировании необходимых мероприятий.

Большую часть жизни Е. Г. Пчелина писала огромный научный труд по этнографии, археологии и истории обеих частей Осетии, распадавшийся с накоплением материала на ряд отдельных, самостоятельных разделов, удачно названный на заре исследований «Ossetica» [Пчелина, 1930 б]. Задачу она взяла себе по плечу — будь чуть благоприятнее условия деятельности, терпимее к ярким и непокорным сотрудникам начальство, умереннее требовательность к себе, эти и другие факторы могли бы обусловить своевременную публикацию трудов Е. Г. Пчелиной. Будем надеяться, что в судьбе наследия Евгении Георгиевны Пчелиной наконец происходит кардинальный поворот, и все ее работы займут достойное место в пространстве науки.

* * *

Авторы выражают глубокую признательность внуку Е. Г. Пчелиной — Николаю Георгиевичу Пчелину за всемерное содействие в обработке материалов архива, передачу большого числа документов, касающихся биографии и деятельности ученого-кавказоведа, фотографий и негативов, ценные консультации и увлекательнейшие воспоминания о Евгении Георгиевне, которыми он делился с сотрудниками СПбФ АРАН. Без его помощи выяснение ряда подробностей ее биографии оказалось бы крайне затруднено, а данный очерк получился намного скуднее и формальнее, сведясь к перечислению документов фонда.

Мы также искренне благодарим научного сотрудника Отдела обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов Викторию Витальевну Онощенко за подбор и анализ материалов, использованных при подготовке этого текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варшавский С. П., Рест Ю. И. Подвиг Эрмитажа. Л.; М., 1965. 196 с.
- Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990. 192 с.
- Пчелин Н. Н. Сила и право в деятельности Петра Великого // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1: 1918–1919 г. Ярославль, 1920. С. 89–105.
- Пчелин Н. Н. История России с древнейших времен до преемников Петра Великого: лекции, прочтенные в Тифлисском государственном политехническом институте им. В. И. Ленина в 1923/1924 г. Тифлис, 1924. 189 с.
- Пчелина Е. Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетия) // Труды Закавказской научной ассоциации: Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Сер. I. Вып. 1. Тифлис, 1924 (1925). С. 233–251.
- Пчелина Е. Г. Отчет о раскопках близ деревни Сагурамо // Вестник музея Грузии. Тифлис, 1926 (1927). Т. III. С. 129–163.
- Пчелина Е. Г. Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН. Т. II. М., 1930 а. С. 3–52.
- Пчелина Е. Г. «Ossetica» (опыт библиографии) // Там же. 1930 б. С. 169–232.
- Пчелина Е. Г. По Курдистанскому уезду Азербайджана (путевые заметки) // Советская этнография. 1932 а. № 4. С. 108–121.
- Пчелина Е. Г. Обряд гостеприимства в Осетии // Советская этнография. 1932 б. № 5–6. С. 140–163.
- Пчелина Е. Г. Крепость «Зылды Мæсыг» // Советская этнография. 1934. № 3. С. 87–101.
- Пчелина Е. Г. Родильные обычаи у осетин // Советская этнография. 1937. № 4. С. 85–103.
- Пчелина Е. Г. О местонахождении ясского города Деякова по русским летописям и исторической литературе // Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т. II) / отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1963. С. 152–161. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 114).
- Пчелина Е. Г. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе // Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе: сб. ст. М., 1964. С. 82–99.
- Пчелина Е. Г. Осетинская мельница «Къада куырой» // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1966. Т. XXV (история). С. 254–285.
- Пчелина Е. Г. Ossetica: Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ, 2013. 328 с.
- Ставиский Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961–1962 гг. // Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь... С. 7–61.
- Чибиров Л. А. Научное наследие Е. Г. Пчелиной как образец междисциплинарного исследования // Известия СОИГСИ. 2016. № 19 (58). С. 36–47.

И. В. Тункина

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Материалы к биографии Е. Г. Пчелиной в фонде Комиссии «Наука и ее работники в пределах СССР»¹

В статье впервые публикуются анкеты, заполненные Е. Г. Пчелиной и Н. Н. Пчелиным в 1928 и 1931 гг., из фонда академической Комиссии «Наука и ее работники в пределах СССР». Документы дают новый материал к биографии Е. Г. Пчелиной 1910–1920-х гг.

Ключевые слова: Е. Г. Пчелина, биография, документы.

I. V. Tunkina

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Materials for the Biography of E. G. Pchelina in the Fond of the Commission «Science and its Workers within the USSR»

The article for the first time publishes questionnaires, completed by E. G. Pchelina and N. N. Pchelin in 1928 and 1931, from the Fond of the Academic Commission „Science and its workers within the USSR“. The documents provide new material for E. G. Pchelina's biography of 1910 s – 1920 s.

Key words: E. G. Pchelina, biography, documents.

Доклады Первых Пчелинских чтений, освещающие личную и научную судьбу Е. Г. Пчелиной, продемонстрировали наличие значительного числа «темных пятен» в ее биографии, неизвестных сторон жизни,

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» (I.25).

включая обстоятельства происхождения и рождения, документы о которых отсутствуют в фонде № 1017. О первом ее муже известна только фамилия — Данилов, но ни дата регистрации брака, ни профессия, ни дата и обстоятельства его смерти неизвестны. Пока не ясны и обстоятельства скоропостижной смерти в ноябре 1939 г. ее второго мужа (с 12 августа 1917 г.), историка русского права Н. Н. Пчелина, причины переезда Е. Г. Пчелиной из Москвы в Ленинград в том же году, обстоятельства ее ухода в 1948 г. из Государственного Эрмитажа и пр.

В фонде № 155 СПбФ АРАН — Комиссия «Наука в России» (1916–1923); Комиссия «Наука и ее работники в пределах СССР» (1924–1930), Комиссия «Наука и научные работники СССР» (1930–1932); Комитет учета научных работников и изучения научных сил (1932–1934) хранятся две заполненные рукой Е. Г. Пчелиной анкеты и одна анкета ее второго мужа Н. Н. Пчелина.

Первая анкета подписана Е. Г. Пчелиной 3 мая 1928 г. (ил. 32 на вклейке). Место, число, месяц и год рождения (по старому стилю) указаны так: Кутаис, 19 декабря 1895 г. Образование: Московский археологический институт; Московский университет, юридический факультет; Тифлисский политехнический институт, экономический факультет. На вопрос анкеты с просьбой указать полное название места работы и занимаемые должности дан следующий ответ: Государственный исторический музей, Москва, помощник хранителя археологического отдела; Институт народов Востока (исследовательский РАНИОН), научный сотрудник I разряда (археолог). Специальность (общая и частная): археолог (доистория Кавказского перешейка); научная в ней область (в которой вы преимущественно работаете): «кобанская» культура. Подробный адрес: Москва. Красная пл. № 1/3 кв. 22 б. На просьбу приложить перечень главнейших научных трудов ею перечислены всего две работы: Краткий историко-археологический очерк Юго-Осетии. Юго-Осетинский сборник. Тифлис, 1924². Издание Закавказской научной ассоциации востоковедения; Раскопки в селении Сагурамо в Грузии. Тифлис, 1926. Известия Музея Грузии. Т. 3³ [СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 561. Л. 58].

² Точнее: Пчелина Е. Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетия) // Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Тифлис, 1924. С. 233–251 (Памятники кобанской культуры и раннего железного века).

³ Точнее: Пчелина Е. Г. Отчет о раскопках близ деревни Сагурамо // Вестник Государственного музея Грузии. 1927 (1926). Т. 3. С. 129–163, с 10 илл., 2 л. илл.

Вторая, более подробная анкета «Переписи научных и научно-технических работников 1931 года», заполнена в том же году (ил. 33–36 на вклейке) [СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 561. Л. 59–60 об.]. Место работы указано то же — ГИМ. Сколько минуло от роду лет — 35. В графе народность заполнено — русская, родной язык — русский, социальное положение — служащий. На вопрос «социальное положение отца в момент, когда опрашиваемый стал иметь самостоятельный заработок» Е. Г. Пчелиной указано, что отец умер в 1908 г., а мать пользуется избирательным правом на момент заполнения анкеты.

Графа образование заполнена следующим образом:

Среднее: Тифлисская 5-я женская гимназия, где она училась 4 года и закончила ее в 1913 г.

Высшее: Московский археологический институт, археологическое отделение, специальность бытовая археология, училась 2 года, закончила в 1916 г.

Высшее: I МГУ, ФОН (факультет общественных наук), правовое отделение, проучилась 4 года, окончила без дипломной работы в 1921 г.

Высшее: Тифлисский политехнический институт, экономический факультет, правовое отделение, проучилась 2,5 года, окончила в 1923 г.

Наиболее интересны ответы на вопросы о занятиях опрашиваемой, начиная с 18-летнего возраста, включая занимаемую в настоящее время должность (см. с. 40–41).

Из этой части анкеты впервые выясняется, что Е. Г. Пчелина параллельно с учебой в Московском археологическом институте (1914–1916) была киноактрисой «на жалованье» Кинофабрики Ханжонкова в 1914–1916 гг., т. е. стояла у истоков отечественного кинематографа. Однако неизвестно, под какой фамилией (первого мужа?) или, что вероятнее, сценическим псевдонимом она снималась в первых отечественных фильмах, так как в соответствующем справочнике фамилия Пчелина, как и ее девичья фамилия Бенедиктович и фамилия по первому мужу Данилова отсутствуют⁴. Информацию об этом периоде ее жизни Архив РАН запросил в Госфильмофонде РФ (Белые Столбы) и получил ответ, что «ни в одном из имеющихся

⁴ Великий Кино: Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919 / сост. В. Иванова, В. Мыльникова, С. Сковородникова, Ю. Цивьян, Р. Янгиров. М., 2002.

в архиве Госфильмофонда России фильмографических описаний исполнительницы ролей под фамилиями Бенедиктович или Данилова не обнаружено». Возможно, в кино она снималась как блестящая наездница, а исполнителей эпизодических ролей в титрах обычно не указывали. Одновременно Е. Г. Пчелина являлась практикантом музея и работала в архиве Московского археологического института (1916–1918).

Параллельно с занятиями на юридическом факультете Московского университета (1917–1921) Е. Г. Пчелина подрабатывала частными уроками (1918–1919) и служила инструктором по делам музеев Наркомпроса в Ярославле (1919–1920), научным работником Государственного исторического музея (1920–1921), затем уехала в Тифлис, где одновременно и преподавала на рабфаке, и училась на экономическом факультете Политехнического института. Согласно анкете, в 1924 г. Е. Г. Пчелина вернулась в Москву, работала научным сотрудником (помощником хранителя археологического отдела) Государственного исторического музея (1924–1931) и в Научно-исследовательском институте народов Востока РАНИОН (1924–1931), с 1930 г. стала доцентом Музейного отдела Института повышения квалификации, а с 1931 г. исполняла должность доцента I МГУ.

По основной работе в ГИМ она являлась действительным членом, заведующей отделом феодализации и получала 165 руб. в месяц. В Научно-исследовательском институте народов Востока Е. Г. Пчелина являлась по совместительству научным сотрудником I разряда с окладом 75 руб. в месяц. На историческом факультете I МГУ она исполняла обязанности доцента с нагрузкой 6 часов в месяц и окладом по совместительству 30 руб. в месяц, как доцент в Институте повышения квалификации по совместительству курс 46 часов по 8 руб. в час = 368 руб.

В январе 1931 г. по основной работе ее рабочее время занимало 132 часа, по совмещаемым педагогическим должностям 12 часов, с заработком за месяц соответственно 165 руб. по основной работе, 78 руб. по совмещаемым педагогическим должностям, 75 руб. по совмещаемым прочим должностям, всего 318 рублей в месяц.

В графе «Научная квалификация» записано: действительный член, научный сотрудник I разряда, доцент; в графе «Какие дисциплины разрабатывает по основной научной работе» записано: археология, музееведение, а в графе «Какие дисциплины преподает» — музееведение (археологический уклон).

	Год и месяц поступления	Год и месяц ухода	Продолжитель- ность пребы- вания	Точное указание занятия: должность, специальность	
1	1914	1916	3 года	Студент	
2	1914	1916	3 года	Киноактриса	
3	1916	1918	2 года	Практикант музея, работа в архиве	
4	1918	1919	1 год	Уроки частные	
5	1917	1921	4 года	Студент	
6	1919	1920	1 год	Инструктор по делам музеев	
7	1920	1921	9 мес.	Научный работник	
8	1921	1923	2,5 года	Преподаватель	
9	1921	1923	2,5 года	Студент	
10	1924	1931	6,5 лет	Научный работник	
11	1924	1931	6,5 лет	Научный работник	
12	1931	—		Исполняющая долж- ность доцента	
13	1930	—	1 год	Доцент	

Социальное положение в занятии	Наименование учебного заведения, учреждения	Форма владения (государственная, кооперативная, частная)	Название города
	Московский археологический институт	Гос.	Москва
На жалованье	Кинофабрика Ханжонкова и др.	Частн.	Москва
Служащая	Музей и архив Московского археологического института	Гос.	Москва
		Частн.	Москва
	I МГУ	Гос.	Москва
Служащая	Наркомпрос	Гос.	Ярославль
	Гос. историч. музей	Гос.	Москва
	Рабфак Политехнического института	Гос.	Тифлис
	Политехнический институт	Гос.	Тифлис
	Гос. исторический музей	Гос.	Москва
	Научно-исследовательский институт	Гос.	Москва
	I МГУ	Гос.	Москва
	Институт повышения квалификации — музейный отдел	Гос.	Москва

Какой организацией командирован	Место командировки	Цель командировки	В каком году	Продолжительность командировки	Напечатан ли отчет о командировке	Указать кратко наиболее существенные результаты командировки
1 Наркомпрос РСФСР	Грузия	Археологическая работа	1921	4 мес.	Нет	
2 Наркомпрос Закавказской Федерации	Грузия	Археологическая работа	1921–1923	3 года по 1 месяцу	Напеч.*	Археологическая карта Триалетского района
3 Ассоциация востоковедов	Курдистан	Археологическая работа	1924	4 мес.	Печатная	Карта района
4 Ассоциация востоковедов	Осетия Южная	Археологическая работа	1924	1 мес.	Напеч.**	Карта района
5 Ассоциация востоковедов	Грузия	Археологическая работа	1924	1 мес.	Напеч.	Отчет о раскопках
6 Гос. исторический музей	Грузия	Археологическая работа	1925	1 мес.	Нет	
7 Гос. исторический музей	Ю.-Осетия, Сев. Осетия		1926–1930	4 года по 3 месяца	Напечатан	Ряд статей

* Опубл.: Пиелина Е. Г. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта близ г. Тифлиса. [1921–1923] // Вестник Государственного музея Грузии. Тифлис, 1930. Т. 5 (1928). С. 147–162, 7 илл. Отд. оттиск: Тифлис, 1929.

** Опубл.: Пиелина Е. Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетия) // Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Тифлис, 1924. С. 233–251 (памятники кобанской культуры и раннего железного века).

Пункт в каких научных командировках, включая научные экспедиции, был за границей и внутри СССР после 1917 г. — см. на с. 42 наст. изд.

В графе «На каких иностранных языках свободно говорит» записано: осетинский, грузинский, в графе «С каких иностранных языков самостоятельно переводит литературу по специальности» — немецкий, французский. В отдельной графе подчеркнуто, что ни в каких политических партиях она не состояла и не состоит, является членом профсоюза Рабпрос (Работников просвещения), активную профработу не ведет «по болезни сердца», является членом ударной бригады, состоит членом Секции научных работников и ВАРНИТСО, ведет антирелигиозную работу среди населения, в работе студенческих кружков не участвует, не руководит работой аспирантов и студентов-выдвиженцев, сотрудничает с прессой в изданиях по специальности.

В графе «Связь с семьей» отмечено наличие мужа и детей, которые живут в Баку. Жилищные условия опрашиваемого: Е. Г. Пчелина занимала одну комнату площадью 31 квадратный аршин (15,67 кв. м), причем она не имела жилплощади бесплатно (ни квартиры, ни отопления, ни освещения).

В числе главных научных трудов указаны следующие работы (библиографические описания, написанные явно по памяти, сверены и исправлены по указателю «Советская археологическая литература. Библиография. 1918–1940» (М.; Л., 1965)):

Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетия) // Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Тифлис, 1924. С. 233–251.

Arxeologon Kuyst Xussar Irystony // Fidiuage. Цхинвали, 1927. № 9/10. На осетин. яз.⁵

Отчет о раскопках близ деревни Сагурамо // Вестник Государственного музея Грузии. 1927 (1926). Т. 3. С. 129–163, с 10 илл., 2 л. илл. На рус. яз.

⁵ Так в документе. «Fidiuage» — написание ошибочное, должно быть «Fidiuæg». Вероятно, Е. Г. Пчелина хотела написать осетинскую «æ» в виде диграфа «ае», но перепутала последовательность, и «е» оказалось в конце слова. Возможно также, что она подразумевала «[в] „Fidiuag“-е». Перевод на рус. яз.: Археологическая работа в Южной Осетии // Фидиуаг. Цхинвал, 1927. № 9/10. По современным нормам библиографического описания: Археологон куыст Хуссар Ир ыстоны // Фидиуæg. Цхинвал, 1927. № 9/10. (На осет. яз.). Благодарю за консультацию А. В. Дарчиева.

Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац // Труды Секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. IV. С. 408–426, с 58 илл.; 1 л. илл. На рус. яз.

Zwei Grabfunde aus der Zeit der Alan-Chozarischen Kultur im Nord-Kaukasus // *Artibus Asiae*. Ascona, 1928–1929. № 2–3. S. 144–165. На нем. яз.

Ein Katakombengrab der Völkerwanderungszeit in Nordossetien // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsingfors, 1929. Т. 4. S. 211–213. На нем. яз.

Дом и усадьба в нагорной полосе Юго-Осетии // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН. М., 1930. Т. II. С. 3–52. На рус. яз.

«Ossetica» (Опыт библиографии) // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН. М., 1930. Т. II. С. 169–232 (1050 названий). На рус. и иностр. яз.

Не издано:

Отчет о поездке в Курдистан (археологическая карта)⁶
Археологическая карта Южной и Северной Осетии
Kurdica (библиографический указатель 650 названий)
Монография о Кобанском могильнике
Раскопки на Дигорском канале и др.

До нас дошла только краткая анкета второго мужа Евгении Георгиевны, историка русского государственного права Николая Николаевича Пчелина, заполненная 2 мая 1928 г. (ил. 37 на вклейке) [СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 561. Л. 54]. Он родился 24 марта 1888 г. (старого стиля) в Казани. В графе «Образовательный ценз и научное звание» указано: Московский университет, юридический факультет, магистрант истории русского права. Для современного читателя поясню, что магистрантами назывались лица, закончившие университет и оставленные при нем для подготовки к профессорскому званию и защите диссертации, как правило, сдавшие магистерские экзамены и допущенные к чтению лекций, но диссертации не защитившие. В качестве специальности в анкете указано: историк русского права, а научная в ней область (специализация) — древний период, Петровская эпоха и время Екатерины. Полное название места

⁶ Опуubl. позднее: Пчелина Е. Г. По Курдистанскому уезду Азербайджана. (Путевые заметки) // Советская этнография. 1932. № 4. С. 108–121, с 18 илл. (сведения об архитектурных памятниках XV–XVI вв.).

работы и занимаемые должности: РАНИОН, научный сотрудник I разряда. Как место жительства указано: Москва, Красная площадь, д. 1/3, кв. 22 г.

Надеюсь, новые архивные поиски и открытия смогут прояснить таинственные страницы биографии Е. Г. Пчелиной и членов ее семьи, что немаловажно для понимания того, почему именно так, а не иначе сложилась ее научная судьба, почему столько неопубликованных работ осталось в рукописях в ее личном архивном фонде.

Р. Х. Гаглойти

Юго-Осетинский НИИ им. З. Н. Ванеева (Цхинвал)

Евгения Георгиевна Пчелина — исследователь древней истории Осетии

В статье охарактеризованы научные исследования Е. Г. Пчелиной по археологии и древней истории Южной Осетии, в которой она много лет вела полевые работы и в 1948–1953 гг. работала научным сотрудником в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте. Ею был открыт и раскопан целый ряд археологических памятников большого научного значения, составлена археологическая карта, собран уникальный этнографический материал.

Ключевые слова: Е. Г. Пчелина, Южная Осетия, древняя история Южной Осетии, археологические исследования, археологическая карта.

R. Kh. Gagloiti

Z. N. Vaneev South-Ossetian Scientific Research Institute (Tskhinval)

Evgenia Georgievna Pchelina — Researcher of the Ancient History of Ossetia

The article describes E. G. Pchelina's scientific research on archaeology and ancient history of South Ossetia, where she conducted field studies for many years and in 1948–1953 worked as a researcher at the South-Ossetian Scientific Research Institute. She discovered and excavated a number of archaeological sites of great scientific importance, compiled an archaeological map and collected unique ethnographic materials.

Key words: E. G. Pchelina, South Ossetia, ancient history of South Ossetia, archaeological research, archaeological map.

Изучение памятников разных исторических периодов, начиная с эпохи камня и вплоть до позднего средневековья, т. е. XV–XVII вв., на богатой древностями территории Южной Осетии представляет в научном плане особый интерес. Ученые и общественность Осетии в целом считают безотлагательной необходимостью тщательное археологическое исследование данной территории. Для этого надо использовать все имеющиеся возможности. Промедление грозит потерей сотен памятников материальной культуры самого разнообразного характера — не только находящихся под землей и ожидающих раскопок, но и расположенных открыто: селища, святилища, архитектурные сооружения и т. д.

Особую тревогу вызывает тот факт, что с нашей территории активно вывозятся предметы материальной и духовной культуры для последующей их реализации за пределами республики. И у нас появились так называемые «черные» археологи — лица, не имеющие права на ведение каких бы то ни было раскопок. Их действиями грубо нарушается республиканский закон «Об охране и использовании памятников культурного наследия Южной Осетии». А ведь немало сил было отдано учеными разных поколений, разных национальностей для освещения многих «темных» сторон исторического прошлого нашего края, истории нашего народа. Их трудами многие памятники Южной Осетии пополнили списки объектов, имеющих мировое значение.

В первую очередь здесь следует упомянуть Кударские пещерные стоянки эпохи древнего камня, памятники энеолита Нацаргора, Кулбакеби, Прис, Скорпионов склон и т. д., известные широкой аудитории ученых как у нас, так и в ближнем и дальнем зарубежье, а также Тлийский могильник эпохи бронзы, который благодаря, без преувеличения, титаническим усилиям нашего земляка, известного археолога-кавказоведа, доктора исторических наук Б. В. Техова занял достойное место в ряду замечательных памятников мировой цивилизации.

Особое место занимают памятники античности Сохта, Стырфаз, Аркнет, Монастер, Паткнет, Велура, Жриа, Шипран, Хвце, Дыргъджын, Рук, Къобет, Цъоис, Куылыхты-хъау и др. Большую научную значимость имеют средневековые памятники Южной Осетии, и в особенности Царциатское городище в селе Едыс, заслужившее широкую известность в научном мире благодаря плодотворной изыскательской работе докторов исторических наук, профессоров Б. В. Техова и Р. Г. Дзаттиаты.

Рамки статьи не позволяют в полной мере, с заслуживающей подробностью осветить вопросы, касающиеся деятельности ряда известных ученых, внесших существенный вклад в дело изучения древностей Южной Осетии. И все же необходимо отметить деятельность тех, кто внес огромный вклад в кавказоведение в целом и осетиноведение в частности. Без сомнения одно из первых мест в этой плеяде принадлежит выдающемуся ученому и замечательному человеку, память о котором и сегодня жива в нашей республике, — Евгении Георгиевне Пчелиной.

Прежде чем обратиться к основным этапам научной биографии Е. Г. Пчелиной, хотелось бы сделать маленький экскурс в историю изучения древностей Южной Осетии.

Еще в 70-е годы XIX в. многие памятники горной зоны Южной Осетии привлекли внимание как краеведов, так и крупных российских и зарубежных исследователей, но ни один из них не ставил перед собой цели изучить эти памятники с научной точки зрения. Большим подспорьем для археологического изучения Кавказа в целом и отдельных районов Южной Осетии стало проведение в Тифлисе V Археологического съезда в 1881 г., инициатором которого выступило Императорское Московское археологическое общество. В 1981 г. учеными-археологами, кавказоведами отмечалось 100-летие со дня проведения этого значимого научного мероприятия. В юбилейных мероприятиях активное участие приняли ученые из Южной Осетии, выступившие с рядом содержательных докладов. На конференции многими известными археологами была отмечена роль тех ученых, которые внесли свой вклад в исследование древней истории и этнографии края, работая в разное время на Кавказе и, в частности, в Южной Осетии.

На территории нашего региона впервые археологические раскопки, в основном разведочного характера, в 80-е годы XIX в. начал вести корреспондент Императорской Археологической комиссии В. И. Долбежев. Видное место в истории развития археологической науки Южной Осетии занимает председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова, которая в 1891 г. провела разведочные археологические работы в селе Тли. В Москве (из-за труднодоступности этого места и организационных сложностей) данный факт был оценен как научный подвиг!

В период после 1917 г. изыскательские работы археологического характера в зоне Южной Осетии расширились. В разное время

здесь плодотворно работали такие известные ученые-археологи, как Е. Г. Пчелина, А. П. Смирнов, Б. А. Куфтин, В. П. Любин и др.

С 1957 г. в Южной Осетии начала работать Юго-Осетинская археологическая экспедиция на базе Юго-Осетинского научно-исследовательского института (далее — ЮОНИИ), и в результате достигла определенных успехов в деле выявления потенциальных объектов исследования и проведения изыскательских работ на памятниках археологии, начиная с эпохи камня и до зрелого средневековья. Результатом этой работы явилось открытие большого числа новых памятников, анализ материалов которых позволил обогатить новыми данными нашу историю.

С 70-х годов XX в. в ЮОНИИ начал функционировать Отдел археологии, где плодотворную работу вели его заведующий Б. В. Техов, а также научные работники Р. Г. Дзаттиаты, А. Х. Сланов и автор данной статьи. С 1980-х гг. в том же отделе начал работать и нынешний министр иностранных дел Республики Южная Осетия Д. Н. Медоев, активный участник археологических экспедиций ЮОНИИ в течение пяти лет (1983–1988 гг.).

Институтом были выпущены десятки монографий и статей по осетиноведению. Югоосетинские ученые принимали самое активное участие в республиканских, всесоюзных и международных симпозиумах и конференциях. Мы не станем останавливаться здесь на достижениях археологов Южной Осетии, наша задача — осветить некоторые штрихи жизни и деятельности Человека с большой буквы, оставившего не просто заметный, а без преувеличения огромный след в кавказоведении, собравшего значительный фольклорный и этнологический материал, изучившего десятки памятников материальной культуры. Это была Евгения Георгиевна Пчелина — первая из археологов, которая объездила и обошла все районы Южной Осетии, собрала уникальные материалы по древней металлургии и металлообработке, составила археологическую карту региона и сделала многое другое.

Е. Г. Пчелина, изучая древние и новые пути сообщения, первая из ученых-археологов пешком и на лошади прошла большинство перевалов Центрального Кавказа, фиксируя как основные дороги, так и ответвления и отдельные тропы. Почти в одно время с составлением археологической карты Е. Г. Пчелиной подробная карта Южной Осетии, с указанием местонахождения природных ресурсов, была составлена Рутеном Гаглоевым. К сожалению, последняя считается утерянной.

Кем же была Евгения Георгиевна Пчелина, внесшая значительный вклад в дело изучения древней культуры и обычаев, археологических памятников Южной Осетии? Для нас она прежде всего коллега, бывшая сотрудница Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Личное дело Е. Г. Пчелиной, с ее собственноручными записями, бережно хранится у нас в институте.

У нас также хранятся копии трех научных статей, написанных в разное время, как ранее, так и в период ее работы в Юго-Осетинском НИИ: «Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии» [Пчелина, 1930]; «Нузальская часовня в Северной Осетии» (на 49 машинописных страницах, статья осталась неопубликованной); «К истории осетино-грузинских взаимоотношений» (статья с рецензией Д. Гвритшвили и Ш. Месхия, которая была переведена с грузинского самой Е. Г. Пчелиной и записана ее рукой на русском языке).

Е. Г. Пчелина родилась 31 декабря 1895 г. в городе Кутаиси, в семье служащего. Молодые годы она провела на Кавказе. То, что мать Евгении Георгиевны была абхазкой, еще больше связывало ее с Кавказом. Всю свою жизнь она посвятила scrupulezному изучению культуры этого региона и, в частности, Южной Осетии.

В 1914 г. Евгения Георгиевна закончила 5-ю Тифлисскую женскую гимназию. В том же году поступила и в 1916-м успешно закончила Московский археологический институт. За дипломную работу «К вопросу о влиянии Кавказа на домонгольское зодчество Руси» она была награждена золотой медалью.

В те же годы она заканчивает и юридический факультет Московского государственного университета и Тифлисский политехнический институт (факультет экономики).

С 1915 по 1919 г. Е. Г. Пчелина работала в музее и архиве Московского археологического института.

В 1919–1920 гг. — в Ярославском историческом музее.

В 1921–1923 гг. являлась преподавателем истории материальной культуры в Тбилисском политехникуме-рабфаке.

В 1924–1931 гг. работала научным работником 1-го разряда в Московском научно-исследовательском институте народов Востока.

В 1931–1932 гг. была доцентом кафедры музееведения Московского института истории.

В 1932 г. работала директором Бакинского антирелигиозного музея.

Затем в течение ряда лет, на которые пришелся и тяжелый период Великой Отечественной войны, трудилась в Отделе Востока Государственного Эрмитажа в Ленинграде.

Научные изыскания Е. Г. Пчелиной были посвящены изучению древнейшей, древней и средневековой истории и этнографии кавказских народов, археологии региона. Она выросла в этом крае и ощущала с ним неразрывную кровную связь.

В 1921–1923 гг. во время археологических разведочных изысканий в Триалети Е. Г. Пчелина впервые на Кавказе обнаружила памятник энеолитического периода (IV тыс. до н. э.).

В 1924 г. по поручению Закавказской ассоциации востоковедов и Московского исторического музея она принимала участие в работе комплексной экспедиции, проводившей разведочные работы в Осетии, Азербайджане, Нахичевани и Зангезурском районе Армении. По результатам работы этой экспедиции Е. Г. Пчелина написала ряд статей.

В 1925 г. она опубликовала работу «Краткий историко-археологический очерк Южной Осетии (Хуссар Ир)» [Пчелина, 1924]. Обнаруженные Е. Г. Пчелиной в селе Хуыце археологические материалы были ею переданы в Музей краеведения Южной Осетии.

Надо отметить, что Е. Г. Пчелина с 1926 по 1965 г. провела много археологических и этнологических экспедиций как в Южной, так и в Северной Осетии. Уже в 1924 г. она начала составлять археологическую карту Южной Осетии. В том же году, чтобы нанести на карту новые археологические объекты, она произвела широкие разведки в Цхинвале, Ванате, Ортъеу, Джере, Църу, Хуыце, Къусджыте, Хуссар Ципране, Тли, Цъаритте, Згъубыре, Сыбе, Едысе, Челиате, Дзау. При этом в Тли, Едысе и Хуыце она провела разведочные и стационарные (малого масштаба) раскопки.

В 1926 г. Е. Г. Пчелина продолжила составление археологической карты. Для пополнения данных ей опять пришлось изучать новые районы Южной Осетии. Она побывала в селах Ципран, Мсхлеб, Сохта (где были произведены археологические раскопки), Цъон, Джалабет, Карзман, Цъоис, Синагур, Теделет, Сырх Лабырдта, Часавал, Лесор, Кобет, Ерцъо, Къемулта и в других пунктах.

Тогда же близ селения Сохта Е. Г. Пчелина раскопала могильник античного времени. Были обнаружены бронзовые и серебряные перстни, браслеты, бусы из египетского фаянса, фибулы и другие предметы, датируемые I–III вв. н. э. В конце 70-х годов XX в. сотрудником ЮОНИИ А. Х. Слановым, продолжившим археологические изыскания на том же месте, были обнаружены очень интересные материалы, в том числе датирующие нумизматические находки I–IV веками н. э. Здесь было выявлено более 35 погребений и поселение.

В 1927 г. под руководством Е. Г. Пчелиной была проведена экспедиция в селение Урдзуар, где был также обнаружен могильник античного времени. Результаты раскопок опубликованы только в 1968 г. [Пчелина, 1968].

В 1931 г. Е. Г. Пчелина совместно с археологом А. П. Смирновым провела археологические работы разведочного характера в с. Нул Южной Осетии, где были обнаружены медные и каменные предметы, которые датируются приблизительно XVII–XVI вв. до н. э.

Интересен тот факт, что Е. Г. Пчелина также составила карту расположения древних святилищ и культовых мест. При этом, параллельно с изучением памятников материальной культуры, она много работала по сбору фольклорного и этнографического материала.

В 1949 г. Е. Г. Пчелина вместе с Б. А. Куфтиным, известным археологом-кавказоведом, обследовала холм Кулбакеби к востоку от Цхинвала, близ селения Прис. Материалы, обнаруженные на Кулбакеби, относятся к так называемой куро-аракской культуре (III тыс. до н. э.). Здесь были найдены керамические сосуды, глиняная статуэтка барана, предметы кухонного инвентаря, украшения и т. д.

В 1948 г. Е. Г. Пчелина начала работать в ЮОНИИ. Отсюда она вышла на пенсию в 1952 г., но продолжала заниматься любимым делом, совершала экспедиционные вылазки-разведки, чередуя их со стационарными работами, как непосредственно в Южной Осетии, так и по всему Кавказу.

С ее помощью и личным участием были приведены в порядок материалы Юго-Осетинского музея краеведения. Совсем недавно нами обнаружены негативы на стекле, сделанные Е. Г. Пчелиной. Мы еще не успели их оцифровать, но сама находка представляет определенный интерес.

В 1955 г. по практическим указаниям Е. Г. Пчелиной археолог В. П. Любин, получивший в будущем широкую известность, открыл памятники мирового значения: нижнепалеолитические пещеры Кударо I, II, III, IV, V, а также Бубы-лагат («лагат» по-осетински значит пещера) в селе Цъон. Эти стоянки первобытного человека считаются одними из древнейших на территории бывшего СССР и зафиксированы ЮНЕСКО как памятники древних цивилизаций.

В течение десятков лет В. П. Любиным был выявлен огромный материал периодов средневековья, эпох железа и бронзы, неолита и палеолита. Его работа в Южной Осетии заслуживает отдельного изучения и проведения специальных научных мероприятий, которые должны стать делом ближайшего будущего.

Как уже было сказано, Е. Г. Пчелина отдавала много сил изысканиям этнографического характера. Она долгие годы готовила по частям крупную монографию по этнографии осетин под названием «Ossetica». Наряду с этим ею был написан ряд других монографий и научных статей, которые она, к сожалению, не успела опубликовать. К ним относятся: «Святылище Реком в Цейском ущелье», «Могила-погребение Сослана-Давида в Нузальской часовне», «Аланы-асы», «Ясы и их местопроживание на высокогорном Кавказе», «Фамильные объединения и их родственные отношения у осетин», «Заселение осетинским народом ущелий Северной и Южной Осетии» и ряд других.

Е. Г. Пчелина скончалась в Ленинграде 25 ноября 1972 г., отдав служению науке 50 лет и внося крупный вклад в осетиноведение.

По мнению научной общественности Южной Осетии и моему в частности, имя большого ученого Е. Г. Пчелиной не должно быть забыто новыми поколениями исследователей. На заседании Ученого совета Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Н. Ванеева вынесено решение раз в два года проводить научные чтения, посвященные Е. Г. Пчелиной. Мы собираемся обратиться в Правительство РЮО с инициативой о придании этим чтениям международного статуса.

Ставится вопрос и об увековечении памяти большого ученого — присвоении имени Е. Г. Пчелиной одной из улиц города Цхинвала, а также об учреждении памятной медали, посвященной исследовательнице. 125-летний юбилей со дня рождения Е. Г. Пчелиной в декабре 2020 г. мы собираемся достойно отметить организацией крупной научной конференции в Южной Осетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Пчелина Е. Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетия) // Труды Закавказской научной ассоциации: Материалы по изучению Грузии. Сер. I. Вып. 1. Тифлис, 1925 (1924). С. 233–251.
- Пчелина Е. Г. Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН. М., 1930. Т. II. С. 3–52.
- Пчелина Е. Г. Погребальные комплексы из Сохта, Урсдзуар и Рук Юго-Осетии // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Цхинвали, 1968. Вып. XV. С. 131–154.

Р. Г. Дзаттиаты

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева (Владикавказ)*

Воспоминания о Е. Г. Пчелиной (диктофонная запись выступления на чтениях)*

Вы, вероятно, готовитесь услышать воспоминания о совместной работе с Е. Г. Пчелиной? Увы, мне довелось увидеться с ней лишь однажды, хотя о Евгении Георгиевне я знал задолго до нашей короткой встречи.

Еще будучи студентом Цхинвальского пединститута, я знал, что Е. Г. Пчелина работала в Южной Осетии. Позднее, уже являясь аспирантом Института археологии АН СССР (моим научным руководителем был Евгений Игнатьевич Крупнов¹), я находился в командировке в Ленинграде и смог ознакомиться с хранящимся в архиве Ленинградского отделения Института археологии кратким описанием научной биографии Е. Г. Пчелиной (т. н. Curriculum vitae). После этого я еще больше заинтересовался ее исследованиями и узнал много интересного от людей, которым довелось работать с Е. Г. Пчелиной. К сожалению, этих людей уже нет в живых, и я могу привести лишь некоторые фрагменты их воспоминаний.

В селении Сохта Дзауского района работала председателем колхоза близкая родственница моей супруги Вера Константиновна

* К публикации подготовили И. В. Тункина, А. В. Дарчиев, А. В. Газданова.

¹ Крупнов Евгений Игнатьевич (1904–1970), археолог-кавказовед, специалист по древней и средневековой и истории Северного Кавказа и этногенезу кавказских народов; доктор исторических наук (1961), лауреат Ленинской премии (1960), профессор (1964), заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской АССР (1964) и Кабардино-Балканской АССР (1967). Научный сотрудник ГИМ (1929–1941, 1945–1951), МО ИИМК АН СССР (с 1937, по совместительству), заместитель директора (1951–1960), заведующий Сектором неолита и бронзы (1963–1970) ИИМК-ИА АН СССР. — *Ред.*

Остаева. С Евгенией Георгиевной ее связывали дружеские отношения, и потому во время своих визитов в Южную Осетию Е. Г. Пчелина нередко гостила в ее доме. В других югоосетинских селах Е. Г. Пчелина также имела друзей и просто хороших знакомых, у которых могла остановиться во время своих командировок.

Еще до войны, во время работы в селениях горной Осетии, Е. Г. Пчелину сопровождал молодой человек Елиоз Габараев. Надо сказать, что Е. Г. Пчелина не просто привлекала добровольцев к участию в экспедициях, но и обладала настоящим талантом вдохновлять их на археологическую работу. Елиоз тоже был заражен ее исследовательским энтузиазмом и рассказывал мне, что очень хотел стать археологом, однако начавшаяся вскоре война не позволила осуществиться этому желанию. Его призвали в армию, а после войны боевого офицера Елиоза Габараева направили на службу в органы внутренних дел. Он много лет проработал начальником милиции, но всегда сожалел о том, что ему так и не удалось посвятить жизнь археологии.

После войны Евгения Георгиевна стала сотрудницей нашего института² и занималась подбором новых кадров для проведения археологической работы. В это время в трудовой колонии г. Сталинир (так назывался тогда Цхинвал) работал отставной офицер Василий Прокофьевич Любин³. Тогда же он стал преподавать историю в сталинирской средней школе № 3 (моя супруга там училась и хорошо его помнит). Встреча с Евгенией Георгиевной оказалась для В. П. Любина судьбоносной. Поняв его стремление заниматься археологией, она оказала ему всемерную помощь и поддержку. И вы знаете, он стал мировой величиной, хотя сфера его научных интересов (палеолит) далека от тех вопросов, которые разрабатывала

² Юго-Осетинский научно-исследовательский институт. В 1968–1990 гг. Р. Г. Дзататиаты являлся старшим научным сотрудником этого института. — *Ред.*

³ Любин Василий Прокофьевич (1918–2018), археолог, специалист по каменному веку Кавказа; кандидат (1953), доктор (1976) исторических наук, профессор (1998). Выпускник исторического факультета Одесского государственного университета (1941), участник Великой Отечественной войны, демобилизовался в звании капитана (1946), трудился в колонии для несовершеннолетних в Цхинвале, привлечен Е. Г. Пчелиной для составления археологической карты Южной Осетии и по ее протекции в 1950 г. направлен в аспирантуру ИИМК-ЛОИА АН СССР/РАН (руководитель кандидатской диссертации Б. Б. Пиотровский), где трудился до конца своих лет: научный сотрудник (1954–2018), заведующий отделом археологии палеолита (1978–1988), начальник Кавказской палеолитической экспедиции (1955–1987), ведущий научный сотрудник-консультант. — *Ред.*

Е. Г. Пчелина. К сожалению, едва перейдя вековой рубеж, Василий Прокофьевич покинул этот мир, не успев завершить капитальный труд, подводящий итог его многолетним изысканиям. Разумеется, В. П. Любин нередко бывал у Е. Г. Пчелиной дома, где, кстати говоря, познакомился со своей будущей супругой. Как видим, Евгению Георгиевну всегда окружали интересные, достойные люди, и в этом, конечно же, была ее заслуга.

После завершения аспирантуры я работал в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте. В 1968 г. в 15-м томе «Известий ЮОНИИ» была опубликована статья Е. Г. Пчелиной об археологических памятниках Урсдзуар, Сохта и Рук⁴. Директор института Баграт Виссарионович Техов⁵ поручил мне отправить Евгении Георгиевне письмо и копию ее статьи, опубликованной в наших «Известиях». Возможности сделать отдельные оттиски статей у нас тогда не было, поэтому мне не оставалось ничего другого, как вырезать статью из нескольких экземпляров и отправить Е. Г. Пчелиной. В ответ она прислала мне письмо, полное возмущения: «Что Баграт сделал с моей статьей?! Он же провел над ней вивисекцию!» Видимо, Баграт Виссарионович подверг статью уж очень заметному редактированию, что, конечно же, не могло понравиться автору. Б. В. Техову я об этом письме ничего не сказал. Книга вышла, что еще можно было исправить?

Некоторое время я переписывался с Е. Г. Пчелиной, отправил ей три письма. В ответных письмах она живо интересовалась тем, что происходит в Южной Осетии. Хотелось бы показать вам эти письма, но, к сожалению, перед отъездом я не успел найти их в своем архиве (все же уверен, что они обнаружатся позднее). Однажды, находясь в командировке в Ленинграде, я решил навестить Евгению Георгиевну. Узнал ее адрес и после продолжительных поисков нашел наконец-то ее квартиру на втором или третьем этаже небольшого

⁴ Пчелина Е. Г. Погребальные комплексы из Сохта, Урсдзуар и Рук Юго-Осетии // Известия Юго-Осетинского НИИ. Цхинвали, 1968. Вып. XV. С. 131–154 с ил; 5 л. илл., карт. — *Ред.*

⁵ Техов Баграт Виссарионович (1930–2017), известный археолог, специалист по эпохе поздней бронзы и раннему железному веку Центрального Кавказа; кандидат (1958), доктор (1974) исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Южной Осетии, научный сотрудник (с 1959), директор (1978–1992) Юго-Осетинского НИИ, Северо-Осетинского центра скифо-аланских исследований им. В. И. Абаева (с 2008). Исследовал Тлийский могильник Кобанской культуры на юге Осетии. — *Ред.*

дома на набережной канала Грибоедова. Дверь мне открыла сама Евгения Георгиевна, и с первого же момента я ощутил очень доброжелательное отношение ко мне. Даже на склоне лет она выглядела прекрасно. Можно легко представить, какой красивой женщиной она была в молодости, о чем свидетельствуют и ее фотографии, которым, однако, не под силу передать всю глубину ее очарования. Конечно, она могла быть объектом мужского внимания, и сама могла увлекаться. Живые люди, куда денешься! Может быть, кавказское происхождение объясняет эмоциональность и даже страстность ее характера.

До сих пор археологи удивляются ее выносливости. Я прошел 4–5 перевалов между севером и югом, но когда прочитал, сколько она прошла перевалов, был потрясен! Какая же она была неутомимая! Это просто удивительно! И ведь речь идет не о туристических походах: все нужно было замечать и записывать. Я, кстати, во время нашего разговора посетовал: «Местные жители рассказывают всякие байки, зачем же мне это записывать?» Она мне горячо возразила: «Нет-нет-нет, записывай всякую чушь. Записывай, это может пригодиться. Потом может оказаться, что все это действительно верно. Записывай!»

Потом мы заговорили о Давиде Сослане, считавшемся осетинским царевичем, хотя вряд ли он являлся таковым, поскольку единого царя у осетин не было. Царевичем его назвали грузинские летописцы. В осетинской истории о нем мало что известно. Он был из большого владетельного рода Царазонта, однако называть его царевичем или царем Осетии нет никаких оснований. Осетия никогда не была объединена под властью одного осетинского правителя, только на севере разные ущелья могли объединиться. Но речь даже не об этом. Е. Г. Пчелина раскопала в Нузальской часовне погребение и сказала, что это Давид Сослан. То есть Сослан — это его осетинское имя, а потом при крещении ему дали христианское имя Давид. Воспитывался он при грузинском дворе, и у него сложились хорошие отношения с представителями грузинской аристократии. Первый брак Тамары оказался неудачным, и ее выдали за Давида. В мужа царице Тамаре искали достойного кандидата, титул которого позволял бы ему породниться с царствующим домом Грузии и который при этом не имел бы излишних притязаний на верховную власть. Таким кандидатом оказался Андрей Боголюбский, который бежал после смерти отца на Кавказ. Однако со временем Боголюбский возжелал полновластного царствования вместе

с Тамарой, поэтому грузинская элита, не гнушаясь фальсификациями, выставила его в крайне невыгодном свете, как настоящего врага Грузии. Опасаясь физической расправы, Боголюбский бежал, но все же не оставлял попыток вернуться на грузинский престол при помощи враждебно настроенных соседей Грузии и в конечном итоге погиб.

Новым кандидатом в мужья царицы Тамары стал вот этот наш царевич, и специально для этого ему придумали царскую родословную. Этот самый царевич, или Давид Сослан, соправитель Тамары, был якобы убит и, по версии Евгении Георгиевны, похоронен в родовой усыпальнице, позднее ставшей известной как Нузальская часовня. Версия Е. Г. Пчелиной практически сразу подверглась жесточайшей критике (причем не всегда справедливой) со стороны историков. Пчелина с ними полемизировала, но в целом, конечно же, очень остро все это переживала. Надо сказать, что на каждый аргумент в пользу того, что в Нузальской часовне погребен Давид Сослан, можно привести контраргумент. Вероятно, там погребен кто-то из Царазоновых, но был ли это Давид Сослан, или кто-то другой, точно установить нельзя. Однако Е. Г. Пчелина была убеждена, что это Давид Сослан.

Далее мы заговорили о не менее интересной теме, которую я не мог не затронуть:

— А что вы думаете о месте погребения царицы Тамары? Уже давно ведь идут поиски...

— А я уже знаю, где она захоронена.

— О! — У меня от такого заявления, что называется, «уши торчком». — Где?

— Не скажу!

— Как? Мне хоть скажите! А почему сами не раскопали?

— Мне не дали раскопать.

Она жаловалась на всевозможные препоны, которые ей чинили в работе. Кажется, ее двоюродная сестра была женой репрессированного, Евгения Георгиевна думала, что из-за этого не дают ходу статьям. Насколько это верно, я не знаю. И все-таки она мне сказала, где захоронена царица Тамара. Но я вам не открою этот секрет, буду сам копать, если смогу. Скажу лишь, что на территории Осетии. Это опасное дело. Думаю, вряд ли это будет богатое захоронение, потому что сохранилось народное предание о царице Тамаре, в котором говорится, что она, владевшая столькими богатствами, ничего с собой не взяла и так далее. Вот так мы и беседовали обо всем с Евгенией Георгиевной.

Ее бумаги в папках и сложенные стопками хранились в двух пожелтевших фанерных шкафах. Я хотел было сфотографировать Евгению Георгиевну на фоне этого архива, но какой из меня папарацци. Она заметила и запротестовала: «Ни в коем случае!» А жаль, у нас была бы сейчас ее домашняя фотография. Но у меня есть другой снимок! На нем Евгения Георгиевна, девушка сотрудница (не знаю ее имени), сидит в очках, черноволосый — Виталий Харитонович Тменов⁶, а сзади с рогом в руках Т. Б. Мамукаев⁷, который восстанавливал череп Давида Сослана по методу М. М. Герасимова⁸ (М. М. Герасимов, правда, сказал, что ничего подобного не было). Снимок сделан где-то в горах Северной Осетии после раскопок. Год не знаю, и спросить уже некого (ил. 38 на вклейке).

В прошлом году во втором номере «Российской археологии» была напечатана статья о крепостях железного века в Закавказье⁹. В ней приводятся интересные сведения о десятках, если не сотнях, маленьких крепостей. Их описание абсолютно точно повторяет описание крепости Зылды маьсыг из статьи Е. Г. Пчелиной в «Советской этнографии»¹⁰. Очень жаль, что эта работа Евгении Георгиевны осталась вне поля зрения автора, ведь она проливает дополнительный свет на проблему, расширяя территорию распространения этих памятников к северу, т. е. в сторону Южной Осетии. Совсем недавно вышла моя статья, в которой я обращаю внимание

⁶ Тменов Виталий Харитонович (1944–2005), археолог, этнолог, специалист по позднесредневековой археологии и этнографии Северной Осетии; кандидат (1973), доктор (1995) исторических наук, заслуженный деятель науки РФ (2003). Выпускник СОГПИ (1966), со студенческих лет принимал участие в экспедиции Е. Г. Пчелиной, изучавшей могильники в Алагирском ущелье (Архон), а также во многих археолого-этнографических экспедициях, проводившихся Институтом археологии АН СССР. Аспирант (1966–1969, ученик В. А. Кузнецова), научный сотрудник, заведующий (с 1984) Отделом археологии и этнографии СОНИИ, доцент (с 1992), профессор (1995), заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков СОГУ. — *Ред.*

⁷ О нем см. в статье А. В. Блажко «О публикации материалов Е. Г. Пчелиной по исследованию Нузальской часовни» в настоящем сборнике. — *Ред.*

⁸ Герасимов Михаил Михайлович (1907–1970), антрополог, археолог, скульптор, доктор исторических наук (1956), автор методики восстановления внешнего облика человека на основе скелетных остатков («метод Герасимова»). — *Ред.*

⁹ Кастрелучча М. Крепости железного века в Закавказье // Российская археология. 2018. № 2. С. 49–67. — *Ред.*

¹⁰ Пчелина Е. Г. Крепость Зильде Машиг в Юго-Осетии // Советская этнография. 1934. № 3. С. 87–101. — *Ред.*

на этот факт, тем самым отдавая должное памяти выдающейся исследовательницы¹¹.

Е. Г. Пчелина работала в Армении, Азербайджане, Грузии, но особенная любовь у нее была к Южной Осетии. Может быть, к ней там лучше относились. Вы знаете, в осетинской речи до сих пор сохранилось такое устойчивое выражение: «Даже из самого Ленинграда приехали!» — так говорили об очень представительном собрании (пиршестве), на котором присутствовали весьма почетные гости. Видимо, еще с тех времен, когда Санкт-Петербург был столицей Российской империи, приезд гостей из этого города считался чем-то более почетным, чем даже приезд гостей из Москвы. Такие вот краткие воспоминания.

Я надеюсь, что в итоговую резолюцию наших чтений будет включено предложение Роберта Хазбиевича [Гаглойти] об увековечении памяти Евгении Георгиевны как в Южной, так и в Северной Осетии.

¹¹ Дзаттиаты Р. Г. По поводу одной публикации в «Российской археологии» // Вестник ВНЦ. 2019. Т. 19, № 3. С. 33–36. — *Ред.*

НАСЛЕДИЕ Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ В АРХИВНЫХ СОБРАНИЯХ

DOI: 10.25990/archiveras.pchelina.hs6h-be05

Е. Г. Застрожнова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Обозрение личного фонда Е. Г. Пчелиной (№ 1017) в СПбФ АРАН

Статья представляет научный обзор личного фонда Е. Г. Пчелиной, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Изложена история поступления документов в учреждение, принципы обработки, подробно характеризуются их состав и численность, что позволит будущим исследователям эффективно ориентироваться в крупном фонде.

Ключевые слова: Е. Г. Пчелина, личный фонд, СПбФ АРАН.

E. G. Zastrozhnova

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Review of E. G. Pchelina's Personal Fond (№ 1017) in SPbB ARAS

The article presents a scientific review of E. G. Pchelina's personal papers, stored in the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences. It describes the documents' acquisition history by the institution as well as the processing principles and also gives detailed description of their composition and number, which will allow future researchers to effectively navigate within a major fond.

Key words: E. G. Pchelina, E. G. Pchelina's archive, E. G. Pchelina's fond in SPbB ARAS.

Документы Евгении Георгиевны Пчелиной поступили в ЛО Архива АН СССР 6 февраля 1973 г. от ее невестки Марии Леонидовны Пчелиной (Рудовой), старшего научного сотрудника Государственного

Эрмитажа, в объеме 2800 см (научные труды и материалы к ним). В учетных документах архива фонд был зарегистрирован под № 1017. 11 сентября 1998 г. от искусствоведа Эллы Дмитриевны Гнедовской к фонду поступило дополнительное поступление в объеме 4,5 см (статьи и иллюстрации по реставрации святилища Реком в Северной Осетии). В течение июля–декабря 2019 г. от внука Е. Г. Пчелиной — Николая Георгиевича Пчелина в архив поступило 210 см россыпи (документы к научным трудам, биографии и по деятельности, материалы по деятельности Н. Н. Пчелина) и коллекция негативов, включающая 685 экз. на стекле и 95 экз. на пленке (206 см).

Весь объем россыпи по фонду составил 3220 см. Крайние даты документов 1887–2001 гг. В результате научно-технической обработки было сформировано 4 описи и 1521 единица хранения.

Опись 1. Научные труды и материалы к ним — содержит 1084 ед. хр. за 1916–1972 гг.

Большая часть фонда состоит из научных трудов и материалов к ним. Подавляющее число научных работ не было опубликовано при жизни фондообразователя. Начиная с 1958 г. Е. Г. Пчелина осуществляла систематизацию комплекса своих документальных материалов для дальнейшей их передачи на хранение в архив (черновые варианты монографий и статей, библиографические выписки и списки, конспекты лекций). Разделить весь комплекс материалов к научным трудам на отдельные работы и материалы к ним, согласно правилам научно-технической обработки, в данном случае не представлялся возможным, поскольку принцип систематизации менялся Е. Г. Пчелиной в разные годы жизни. Структура первой описи была сформирована по принципу деления на основные направления научных работ Е. Г. Пчелиной. Это история взаимоотношений России и стран Кавказа; история, археология, этнография, религия и культура Северной и Южной Осетии, Грузии.

На основе перечня неопубликованных трудов, подготовленного Е. Г. Пчелиной в конце 1958 г., внутри соответствующих тематических разделов были выделены небольшие группы подготовительных материалов к главам монографий и статей. Названия этих работ заключены в квадратные скобки, поскольку в настоящее время невозможно установить, сохранилось ли авторское название без изменений к моменту смерти фондообразователя.

При систематизации россыпи принцип выделения единиц хранения в подавляющем большинстве случаев соответствовал

сформированным фондообразователем комплексам. Основная трудность датирования научных трудов заключалась в том, что автор неоднократно возвращался к начатой им ранее работе, с промежутком от одного года до нескольких лет. В некоторых случаях, опираясь на данные дневниковых записей Е. Г. Пчелиной, удавалось восстановить точный хронологический период работы над той или иной темой исследования, но в большинстве случаев указаны достаточно широкие хронологические рамки: 1920-е гг. — 1972 г. В заголовках единиц хранения главным образом сохранены оригинальные заглавия автора (они отмечены ее рукой на сформированных конвертах с материалами), соответственно, названия таких единиц хранения заключены в кавычки.

Практически все материалы к научным трудам снабжены большим количеством иллюстраций на кальках, фотографиями и рисунками. Зачастую отдельные рисунки и фотографии, относящиеся к одной единице хранения, находились в разных конвертах, что обусловило необходимость их объединения с отсылками к тем текстовым документам, откуда они были изъяты. Для облегчения работы с описью иллюстрации не выделены в один большой подраздел, а располагаются после текстовых частей соответствующих тематических комплексов (хронология иллюстративной части самостоятельная).

Раздел 1. История взаимоотношений России и стран Кавказа — включает 70 ед. хр. за 1916–1972 гг. и состоит из двух тематических подразделов.

Подраздел 1.1. Россия и Армения: экономические связи, торговля и культурное взаимодействие (1916–1958 гг.) — включает подготовительные материалы к нескольким научным трудам Е. Г. Пчелиной: «Черты армяно-грузинского архитектурного стиля в домонгольской Руси», «Обследование материалов к изучению армянского Нахичеванского Судебника» и «Расселение армян на территории России». Черновой рукописный, а также машинописный тексты дипломной работы «Черты армяно-грузинского архитектурного стиля в домонгольском зодчестве Руси» относятся к 1916 г., а комплекс подготовительных материалов по переработке в статью — к 1958 г. Работа над текстом статьи об Астраханском и Нахичеванском судебниках была окончена защитой дипломной работы в апреле 1924 г. В 1957–1958 гг. текст диплома был переработан в статью «Материалы к изучению армянского Астрахано-нахичеванского (на Дону) Судебника XVIII века», сопровождавшийся сбором библиографического материала по теме. В 1920-х гг. было начато и вплоть до 1958 г.

продолжалось формирование обширной библиографии и заметок к работе «Расселение армян на территории России».

Подраздел 1.2. История и этнография Грузии (1920-е — 1967 г.) — содержит подборки материалов, которые отражают этническую картину грузиноязычных горцев, историю Грузии с XVIII в., историю грузинских царей, отношения с Россией в XV–XIX вв. Отдельные дела — это обширная подборка библиографии (библиографических карточек) по теме «Грузия и грузины».

Раздел 2. История, этнография, религия и культура Осетии — включает 489 ед. хр. за 1920-е — 1972 г. и состоит из тринадцати тематических подразделов.

Большая часть документов этого раздела являются подготовительными материалами к главам незаконченной и неизданной монументальной монографии «Ossetica», объединяющей крупные тематические подразделы по истории Осетии и народов Кавказа. Этот труд готовился начиная с 1920-х гг. и вплоть до конца жизни Е. Г. Пчелиной. Для подготовки работы было собрано огромное количество этнографических наблюдений, материалов археологических раскопок и подборок архивных материалов и комплекса научно-исследовательской литературы. Первое дело в данном разделе — план предполагаемой монографии, который был составлен в 1920-х гг.

Подраздел 2.1. История Осетии (1920-е — 1960-е гг.) — содержит подборку материалов по основным событиям внутренней и внешнеполитической истории страны.

Подраздел 2.2. Этногенез осетин ([1926] — 1960-е гг.). Часть документов, относящихся к проблеме происхождения осетин и формирования осетинского этноса, отражает скрупулезную историографическую работу фондообразователя. Сформированы единицы хранения, содержащие документы по вопросам классификации источников для изучения истории и этногенеза осетин, археологического изучения Осетии, названия и самоназвания осетин и др. Обширен блок документов, посвященный проблеме алан и идентификации их с осетинами, который включает солидную библиографическую подборку по этому вопросу и источниковые свидетельства об аланах, начиная со средневековых авторов. В документальных материалах отражены вопросы смешения асов и осов, расселения алан, истории аланских царей. В этом разделе материал представлен не только выписками и краткими заметками: до нас дошли небольшие тексты по темам «Племена алан», «Аланское время. Аланская культура», «Критика теории „Осетины — аланы“», а также более пространная,

но представленная во фрагментах рукопись, посвященная проблеме происхождения осетин в связи с «аланским вопросом».

Подраздел 2.3. Расселение осетинских родов по ущельям Северной, Южной Осетии и Грузии: подготовительные материалы к [монографии «Расселение осетин по ущельям Главного Кавказского хребта в связи с историческим социально-культурным развитием»] (1924–1972 гг.). Документы подраздела являются обширным комплексом подготовительных материалов к большому научному труду «Расселение осетин по ущельям Главного Кавказского хребта в связи с историческим социально-культурным развитием». Сбор материалов по данной теме был начат примерно с 1926 г. Расположение материала внутри раздела обусловлено географическим расположением ущелий по регионам: ущелья Северной Осетии (Тагаурское, Куртатинское, Алагирское, Туалгом (Закинское, Зругское, Мамисонское), Дигория), Южной Осетии и Грузии (Трусовское). Внутри раздела «Алагирское ущелье (Ардонское, Урсдонское)» выделены два отдельных подраздела, посвященные подготовительным материалам к монографии «Местность Уаллагир и шесть колен рода Ос-Багатар» (1928–1968 гг.) и к более позднему ее варианту «Описание земель рода Царазонта» (1934–1972 гг.). Работа над данной монографией была начата в контексте подготовки диссертации «Святылище Реком в Цейском ущелье», по мере написания которой, само святылище Реком должно было стать составной частью более масштабной работы о роде Багатаров и их расселении в Алагирском ущелье. Работа над этой монографией продолжалась вплоть до смерти Е. Г. Пчелиной. Сохранились авторизованные машинописные тексты с правками Е. Г. Пчелиной, подготовительные материалы в виде большого количества черновых вариантов текста, заметок и библиографических выписок.

Подраздел 2.4. Социальный строй (1920-е — 1972 г.) — включает перечисление основных сословий в осетинском обществе во второй половине XIX — начале XX в. Е. Г. Пчелина в своих подготовительных материалах приводит общие списки фамилий-мыггаг и разделение мыггаг на сильные и слабые. Ею указываются причины превращения пришлых семей в сильные мыггаг. В данном разделе дается подробное описание родовой аристократической верхушки и процесса разложения родового строя в регионе. При этом отдельно ею выделено Алагирское общество.

Подраздел 2.5. Хозяйство Осетии (сельское хозяйство, ремесла, промыслы, охота, торговля и торговые пути) (1920-е — 1972 г.).

В начало подраздела вынесен примерный план главы посвященный «Занятию и хозяйству осетин». Помимо сформированных единиц хранения, посвященных земледелию, птицеводству, пчеловодству, скотоводству, собирательству и общим вопросам экономического развития, в отдельный подраздел (2.5.1.1) вынесены подготовительные материалы к статье «Осетинская мельница Къада Куырой» (1956–1963 г.). Отдельно выделен подраздел 2.5.2., посвященный главе монографии Ossetica «Охотничьи обычаи у осетин по археологическим, этнографическим и фольклорным источникам» (1920-е — 1972 г.).

Подраздел 2.6. Пути сообщения, таможенные заставы и средства передвижения за 1934–1960-е гг. Состоит их двух подразделов.

2.6.1. Подготовительные материалы к [главе монографии Ossetica «Пути сообщения и таможенные заставы в средневековой Осетии»] за 1934–1960-е гг. В подразделе содержатся материалы, связанные с торговыми путями через Главный Кавказский хребет, функциями и ролью проводников. Раздел состоит из подготовительных материалов к статьям.

Подраздел 2.6.2. Подготовительные материалы к статье Е. Г. Пчелиной «Татартуп (Деяков)», «О местонахождении ясского города Деякова по русским летописям и исторической литературе» (1957–1965 г.). Материалы раздела включают черновые варианты статьи Е. Г. Пчелиной о Деякове, опубликованной в 1963 г. (Пчелина Е. Г. О местонахождении ясского города Деякова по русским летописям и исторической литературе // Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1966 гг., т. II). Материалы и исследования по археологии СССР, № 114 / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 152–161), переписку Е. Г. Пчелиной с коллегами-учеными по вопросу о локализации города Деякова, а также многочисленные заметки и библиографические выписки по теме.

Подраздел 2.7. Военное дело (1926–1957 гг.) — включает материалы по различным аспектам военного дела осетин (оружие, военная одежда, снаряжение верховых коней, военные сооружения, набег осетин по нарттовскому эпосу, военные союзы у осетин по свидетельствам авторов XVIII в., ополчение и его сбор, численность военных отрядов, библиография по военному делу и др.). Е. Г. Пчелиной был собран также материал к словарю военной терминологии осетин.

Подраздел 2.8. Род и семья у осетин (1930-е — 1967 г.). В сформированных делах приводится подробное описание специфики

рода у осетин, отличительные признаки родовой организации, родства по линии отца, пережитков родового строя в хозяйственной деятельности, культа предков. Здесь же научные исследования автора с использованием метода исторический ретроспективы по следующим направлениям: семья как хозяйственная единица в экономике осетин, родовые поселения, семейная собственность, левират, вторичное выделение осетинской семьи из рода, «бинонтае», «хинау», «хистер», семейное самоуправление, семейная община, большая и малая семья, пережитки большой семьи, распад большой семьи (сегментация), разделение труда в семейной общине, терминология семейного родства, женские и мужские имена у осетин. Рассматривается также проблематика мужских и женских возрастных групп, проблемы половозрастного разделения труда, положение женщины у осетин, взаимоотношения мужа и жены, воспитание и отношение к детям.

Подраздел 2.9. (1938–1960-е гг.). Традиционные религиозные представления и христианство у осетин. Состоит из двух подразделов.

2.9.1. Подготовительные материалы к [главе монографии Ossetica «Религиозные представления осетин»] (1938–1960-е гг.). Материалы подраздела включают многочисленные заметки и библиографические выписки, сделанные Е. Г. Пчелиной в ходе изучения вопросов, связанных с язычеством и зороастризмом в древней Осетии, а также с появлением и распространением христианства на территории Осетии.

2.9.2. Христианство в Осетии. Подготовительные материалы к [главе монографии Ossetica «Осетинская комиссия. Общество восстановления православного христианства на Кавказе» / «Христианство в Осетии»] (1920-е — 1960-е гг.).

Подраздел 2.10. Мифология осетин. Нартовский эпос (1920-е — 1958 г.). Материалы разделены на три подраздела.

2.10.1. Нартовский эпос (1920-е — 1950-е гг.). Основу подраздела составляют сказания о происхождении и приключениях героев-богатырей «нартов»: Батрадз, Сослан, Сатана и др., и включает в себя обширный авторский материал по исследованию и научной обработке культурного и национально-фольклорного наследия осетинского этноса: истолкование названия нарт (термин «нарт»), объяснение слова «Нарт», роды (мыгаг) и имена нартов, фамилии и Нартовский эпос. Библиографический материал по нарттовскому эпосу представлен двумя отдельными единицами хранения: «Нартовские сказания.

Библиография по изданиям», «Нарты. Библиография по изданиям», «Сводные тексты нартовских сказаний на осетинском языке», «Сводные библиографии изданий Нартовского эпоса» и «Библиография Нартовского эпоса по изданиям (оглавления)», «Библиография по Нартовскому эпосу, по авторам». Каждая подборка отражает тщательное изучение автором представленных источников и содержит подробные библиографические выписки, критические замечания к ним, рабочие заметки, рецензии на статьи, фрагменты текстов, многочисленные цитаты по проблеме из трудов ученых.

2.10.2. Подготовительные материалы к статье: «„Æртыкъахыг“ — осетинский мифологический конь» (1930-е — не ранее 1945 г.).

2.10.3. Подготовительные материалы к статье «Нарт Сирдон, его лабиринт и арфа с рисунком лабиринта» (1936–1958 г.). Работа была подготовлена Е. Г. Пчелиной на основе археологического и фольклорного материала с включением записи основ игры на дуадестеноне и нартовских запевов.

Подраздел 2.11. Обряды молений (кувд) (1920–1940-е гг.). Содержит материал, собранный во время этнографических экспедиций по тематике «молитва, пир, ритуальная трапеза».

Подраздел 2.12. Обряды жизненного цикла: родильные обычаи, свадебные обычаи, погребальный обряд (1928–1964 гг.).

2.12.1. Родильные обычаи (1934–1937 гг.). В подразделе содержится большое количество этнографического материала, собранного во время поездок по ущельям Северной и Южной Осетии в 1920–1930-х гг. Он включает опросные листы, записи рассказов местных жителей, фиксацию свидетельств о бытовании обрядов в различных ущельях.

2.12.2. Свадьба у осетин. Подготовительные материалы к [главе монографии Ossetica «Свадебные обряды у осетин»] (1928–1964 гг.).

2.12.3. Погребальный обряд. Подготовительные материалы к главе монографии Ossetica «Страна мертвых у осетин» (1932–1949 гг.).

Подраздел 2.13. Нормы поведения в быту, медицина, знахарство (1924–1930-е гг.). В рамках проблемы этногенеза осетин и формирования их этнической общности представлены отдельные темы полевых исследований Е. Г. Пчелиной по следующим направлениям: традиционное жилище, национальный костюм, истоки местной топонимики, традиционные верования, народная медицина, народные знания и фольклор, тексты и виды песен, клятвы, присяги и проклятия у осетин, язык и национальная терминология с переводом как на осетинский, так и на русский языки.

Раздел 3. Археология Кавказа и Узбекистана — содержит 450 ед. хр. за 1926–1972 гг. и включает два подраздела: Археология Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края и Археология Азербайджана, Грузии, Узбекистана и Южной Осетии. Материал внутри подразделов расположен согласно хронологии проведения Е. Г. Пчелиной разведок и раскопок на территории археологических памятников. Внутри каждого подраздела материал размещен в следующем порядке: полевая документация, отложившаяся в ходе проведения раскопок; материалы к научным трудам и иллюстрации (в конце подразделов, принцип систематизации — по хронологии иллюстративного материала).

Подраздел 3.1. Археология Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края.

Подподраздел 3.1.1. Археологические раскопки западнее близ с. Нижний Садон (1928 г.). Содержит полевые записи обследования склеповых сооружений, их зарисовки и схемы.

Подподраздел 3.1.2. Археологические разведки. Дигорский канал (1928–1929, 1949 шш.). Включает в себя материалы о проведении археологических разведок на трассе Дигорского канала в 1928 и 1929 гг. и полевую документацию — отчеты о произведенных раскопках, опись найденных предметов, чертежи и планы раскопа, изображения археологических находок, а также подготовительные материалы Е. Г. Пчелиной — заметки и библиографические выписки о месте проведения раскопок.

Подподраздел 3.1.3. Катакомбный могильник в окрестностях села Архон Алагирского района (1928–1971 гг.). В 1928 г. Е. Г. Пчелина произвела раскопки нескольких погребений, в 1938 г. продолжила работы. В августе 1963 г. Е. Г. Пчелиной были проведены разведочные раскопки по определению площади могильника и его частей, доступных для исследования после застройки нижней части могильника. Ею были открыты катакомбные погребения и составлен сводный план исследованного участка.

Подподраздел 3.1.4. Могильники Царца, Мусте-Тиг и Гуронта в окрестностях села Камунта в верховьях Дигорского ущелья (1928–1972 гг.). Состоит из двух частей: археологические раскопки, куда включены археологические отчеты и описи, а также типологические таблицы археологических находок и аналогии к ним. Вторая часть — подготовительные материалы к монографии «Камунтский могильник в Северной Осетии». Принцип систематизации предполагает сохранение структуры авторской работы, поэтому дела

расположены не по хронологии, а согласно замыслу Е. Г. Пчелиной. Всего в ходе НТО было выделено три незаконченных варианта текста монографии и по этой причине дела внутри подраздела размещены по хронологическому принципу написания работы. Первый текст был написан в 1949 г. и посвящен археологическим находкам из раскопок близ села Камунта. В 1960-е гг. Е. Г. Пчелина начала подготовку монографии, состоящей из трех обширных частей. В первую включен переработанный текст 1949 г., во вторую речь идет о территории, населении и синкретизме культуры Дигории. В третью должен был войти дневник археологических работ на могильниках Царца, Мусте-Тиг и Гуронта, однако эти материалы в архив не поступили. В 1968–1972 гг. Е. Г. Пчелина вновь переработала предыдущий вариант текста, основное внимание сосредоточив на археологических находках из могильника Царца и сгруппировав находки тематически. Этот вариант предстает наиболее полным и законченным.

Подподраздел 3.1.5. Святилище Реком в Цейском ущелье (1928–1972 гг.). Материалы по святилищу Реком разделены на три подраздела, в соответствии с ходом исследования памятника Е. Г. Пчелиной: археологические раскопки 1936 г., реставрация 1936 г., работа над монографией (1936–1948 гг.) и докторской диссертацией (1936–1965 гг.). В подраздел «Реставрация» вошли материалы, касающиеся хода реставрационных работ: фрагменты дневников, данные о размерах и конструкции сруба, его декоре; заметки и библиографические выписки о материале, из которого построено здание, деревянном зодчестве у осетин и других кавказских народов, строительной терминологии и т. д. Его дополняют иллюстративные материалы — фотографии, фиксирующие ход ремонтных работ, фотопортреты участников реставрации, а также чертежи и рисунки И. П. Щеблыкина. Второй подраздел «Археология», помимо описей археологических находок, добытых во время работ в святилищах Реком и Майраем, включает дела, сформированные с сохранением авторского принципа — распределение находок и аналогий к ним по хронологическим периодам и культурам: от кобанской, скифской, сарматской и аланской до осетинской XIX в. Третий подраздел «Реком в Уаллагире как культурно-исторический источник»: введение, главы диссертации/монографии (1945–1972 гг.) выстроены не хронологически, а логически в соответствии с главами работы и включает отдельные главы монографии. Сохранившаяся неполная монография является переработанным вариантом диссертации,

подготовительные материалы к которой включены в отдельный подраздел. Поскольку сама диссертация перерабатывалась Е. Г. Пчелиной несколько раз, но в итоге окончательный вариант текста так и не был подготовлен, в архиве сохранились лишь некоторые ее фрагменты. Оба текста не были опубликованы. Сформированные дела содержат сохранившиеся фрагменты докторской диссертации (главы, приложения), выстроенные согласно содержанию автореферата 1949 г. и отражающие ход работы над диссертацией (планы, введение), а также посвященные критике работы.

Обширный комплекс подготовительных материалов к диссертации/монографии вынесен в отдельный подраздел — Подготовительные материалы к диссертации/монографии: «Реком в Уаллагире как культурно-исторический источник» (текстовые фрагменты, заметки, библиографические выписки) (1920-е — 1972 г.).

Подподраздел 3.1.6. Археологические раскопки в Дигорском ущелье у с. Махческ (камень Сирдона) (1938–1939 гг.). Исследование Е. Г. Пчелиной изображения лабиринта, выгравированного на плоском валуне в Дигорском ущелье, и дальнейшее его изучение в Северо-Осетинском музее краеведения.

Подподраздел 3.1.7. Нузальская часовня в Алагирском ущелье (1946–1972 гг.) — включает в себя материалы по изучению одного из важнейших христианских памятников на территории Северной Осетии. Документы внутри этого подраздела размещены в следующем порядке: документы полевых и охранных исследований; опубликованные научные труды, состоящие в основном из общих, небольших по объему обзорных работ, в которых Е. Г. Пчелина тезисно суммировала свои основные представления о времени бытования и назначении этого историко-культурного памятника. Три больших подраздела посвящены материалам масштабной, но неопубликованной монографии «Нузальская часовня». Это подготовительные материалы к вводным разделам монографии, подраздел, посвященный изучению фресок Нузальской часовни и подраздел, посвященный Давиду Сослану, погребенному по мнению Е. Г. Пчелиной в полу часовни. Материалы к данному подразделу содержат обширные тезисные обоснования этой гипотезы, приведенные автором и подробные ответы на всестороннюю критику данной теории.

Подподраздел 3.1.8. Долина реки Большой Зеленчук (с. Нижний Архыз) в Карачаево-Черкесии (Закубанье) и Ставропольский край (Прикубанье) (1946–1960 гг.). Содержит материалы изучения камней с древнегреческими надписями в селении Нижний Архыз, а также

материалы по археологии других памятников Ставропольского края и Карачаево-Черкесии.

Подраздел 3.2. Археология Азербайджана, Грузии, Узбекистана и Южной Осетии — 88 ед. хр. за 1924–1972 гг.

Подподраздел 3.2.1. Село Коджори Тифлисской губернии, Тriaлетский хребет, Грузия (1929 г.). Небольшой подраздел, состоящий из публикации результатов первых самостоятельных разведочных раскопок 1922–1923 гг., проведенных в районе села Коджори Тифлисской губернии (Тriaлетский хребет).

Подподраздел 3.2.2. Курдистанский уезд Азербайджана (1924–1932 гг.). Содержит тексты статей «Армянские памятники в Советском Курдистане» и «Курды», а также путевые заметки, сделанные в поездке по маршруту Зангезур–Курдистан во время проведения археологических разведок у могильника близ селения Сагурамо (Мцхет, Грузия).

Подподраздел 3.2.3. Могильник близ дер. Сагурамо, берег р. Арагвы (1927 г.). Содержит отчет о раскопках Е. Г. Пчелиной, опубликованный в 1927 г. в Вестнике музея Грузии (Тифлис. Т. III).

Подподраздел 3.2.4. Могильники близ селений Сохта, Урс-Дзуар, Туалта в Южной Осетии (1926–1969 гг.). Состоит из материалов полевых исследований (полевые дневники, описи археологического материала, зарисовки погребений) и материалов к научным трудам (заметки, библиографические выписки и таблицы аналогий к пряжкам, найденным на территории могильников).

Подподраздел 3.2.5. «Археологическая карта Южной Осетии»: подготовительные материалы (1925–1968 гг.). Включает археологические исследования на территории Юго-Осетии, которые Е. Г. Пчелина проводила, начиная с конца 1920-х гг., составляя археологическую карту местности.

Подподраздел 3.2.6. Дворец ширваншахов (Хансарай) в Баку, Азербайджан (1928 — не ранее 1952 г.). Включены полевые дневники реставрационных работ, дела по истории изучения памятника, а также выделены в отдельные единицы хранения фотографии процесса археологических работ и реставрации.

Подподраздел 3.2.7. Могильник в селе Нули Знаурского района Южной Осетии (1931 г.). Содержит одно дело — дневник археологических раскопок Е. Г. Пчелиной и А. П. Смирнова, опись иллюстраций к дневнику, описание открытых погребений, костяков и погребального инвентаря.

Подподраздел 3.2.8. Буддийский храм в Кара-тепе (Старый Термез), Узбекистан (1937–1972 гг.). Включает материалы по работе

Е. Г. Пчелиной в составе ТАКЭ: археологическая документация, описи, полевые дневники, а также большое количество иллюстраций (альбомы, чертежи и схемы ярусов пещер). На основании этих материалов Е. Г. Пчелиной была подготовлена и защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Буддийский монастырь в Кара-Тепе. Термез» (1944 г.).

Раздел 4. Материалы к изучению народов Кавказа — 31 ед. хр. за 1921–1972 гг. Включает подборки материалов, сформированные последовательно согласно систематизации фондообразователя, по наименованию этноса: народы Дагестана, тюркоязычные и монголоязычные народы Кавказа, Чечня, адыгейские племена и Абхазия, ясы, чечено-ингуши и др. Каждая подборка отражает тщательное изучение автором источников и содержит многочисленные библиографические выписки, критические замечания к ним, рабочие заметки, фрагменты текста.

Раздел 5. Материалы к научным трудам: библиография. Состоит из 33 ед. хр. за 1922–1972 гг. Автором сформирован, сгруппирован по алфавиту и представлен в виде карточек довольно обширный корпус библиографии, затрагивающей вопросы истории и археологии Осетии, стран и народов Кавказа, на основе сравнения и проведения исторических параллелей. Раздел содержит библиографические списки, выписки и карточки, систематизированные в алфавитном и тематическом порядке.

Раздел 6. Рецензии Е. Г. Пчелиной (1947 — не ранее 1968 г.). Содержит 11 ед. хр. Это рецензии Е. Г. Пчелиной на научные работы В. И. Абаева, К. А. Берладиной, С. А. Бритаева, Б. А. Калоева, В. А. Кучкина, В. А. Кузнецова, А. Х. Магометова и других исследователей.

Опись 2. Негативы на стекле и пленке к научным трудам. 90 дел за 1924–1946 гг.

Опись сформирована из дополнительного поступления негативов на стекле и пленке, принятых от Н. Г. Пчелина в октябре 2019 г. (685 экз. на стекле, 95 экз. на пленке). В ходе научно-технической обработки было выделено несколько разделов, основанных на предварительной систематизации Е. Г. Пчелиной.

1. Расселение осетин по ущельям Северной Осетии (1928–1939 гг.): Алагирское ущелье (археологические раскопки близ с. Архон, дзуары Михдау, Хетаджикох, Сидан, Саниба, Уацилла, Саубареа, Хцаудзур, Аларды-дзуар, Урсдонская крепость; общие виды с. Дагом, Урсдон,

Донисер, Цомад, Нижний Зинцар); Куртатинское ущелье; Кобанское ущелье; Дигорское ущелье.

2. Археологические раскопки Е. Г. Пчелиной в Грузии, Северной Осетии, Узбекистане и Карачаево-Черкесии (Закубанье) (1924–1946 гг.).

2.1. Катакомбный могильник у села Архон Алагирского района Северной Осетии (1928, 1929, 1938 гг.).

2.2. Святилище Реком в Цейском ущелье (1936 г.) (археологические раскопки, реставрационные работы, категории археологических находок; участники археологических и реставрационных работ; общие виды с. Цей).

2.3. Буддийский храм в Старом Термезе (Кара-тепе), Узбекистан, 1936, 1937 гг. (общие виды горы Кара-тепе; ход археологических раскопок, фиксация археологических комплексов на I, II и III ярусах пещер; археологическая база и участники раскопок).

2.4. Эпиграфические памятники на правом берегу реки Большой Зеленчук (с. Нижний Архыз), Карачаево-Черкесия (общие виды и копии надписей на камнях).

2.5. Нузальская часовня в Алагирском ущелье Северной Осетии (1946 г.).

3. Материалы этнографических экспедиций Е. Г. Пчелиной (1926–1938 гг.) (предметы быта, хозяйственные орудия, архитектурные сооружения, внутреннее убранство жилищ, группы жителей в традиционной одежде, обрядовые и ритуальные танцы и моления).

Опись 3. Документы к биографии, по научно-организационной деятельности, переписка и труды других лиц — 183 дела за 1907–2001 гг.

Раздел 1. Документы к биографии Е. Г. Пчелиной (урожд. Бенедиктович) — содержит 60 дел за 1907–2001 гг.

Подраздел 1.1. Личные документы — 17 дел за 1907 — [1960-е] гг. Дипломы выпускницы Московского археологического института и кандидата экономических наук Тифлисского государственного политехнического института, удостоверения, членские билеты, трудовые списки, автобиография и списки научных трудов.

Подраздел 1.2. Дневники и заметки (1943–1964 гг.). Дорожные и путевые заметки; дневники работ над научными трудами, посвященными могильникам у сел Архон и Камунта, святилищу Реком, Нузальской часовне и др.; личные дневники за 1948–1956 гг.

Подраздел 1.3. Документы имущественно-хозяйственного и бытового характера (1924–1972 гг.). Расчетные книжки, справки

о проживании, завещание, опись рукописного архива и топография его размещения в квартире Е. Г. Пчелиной.

Подраздел 1.4. Документы о Е. Г. Пчелиной (1932–2001 гг.). Отзывы Е. И. Крупнова, Е. Ф. Снежко, И. В. Мегрелидзе и др. о статьях и проектах экскурсий Е. Г. Пчелиной; некрологи; документы о поступлении материалов Е. Г. Пчелиной на постоянное хранение в ЛО Архива АН СССР.

Подраздел 1.5. Фотографии Е. Г. Пчелиной (урожд. Бенедиктович), членов ее семьи и знакомых ([1900]–1972 гг.). Содержит индивидуальные и семейные фотографии, фотографии с коллегами и фотографии различных лиц, сотрудничавших на том или ином отрезке времени с Е. Г. Пчелиной.

Раздел 2. Документы по деятельности — 53 ед. хр. за 1920–1972 г.

Подраздел 2.1. Документы о работе в различных учреждениях (1920–1966 гг.). Содержит приказы, уведомления, командировочные удостоверения, переписку за время работы в Ярославском музее, ГИМ, Закавказской научной ассоциации по изучению Кавказа и Ближнего Востока при Закавказском ЦИК, НИИ этнических и национальных культур народов Востока, ГЭ, Загорском краеведческом музее, ИАЭ АН СССР и др.

Подраздел 2.2. Документы по археологической и реставрационной деятельности на территории Северной и Южной Осетии и Узбекистана (1921–1972 гг.).

Подподраздел 2.2.1. Документы по археологической и реставрационной деятельности на территории Северной и Южной Осетии и Узбекистана (1921 — [не позднее 1965] г.). Содержит открытые листы, переписку с ГАИМК, СОНИИ и другими учреждениями по вопросам проведения археологических раскопок и дальнейшей реставрации открытых археологических комплексов.

Подподраздел 2.2.2. Документы по археологической и реставрационной деятельности на территории святилища Реком в Цейском ущелье (1935–1972 гг.). Сюда включена организационная документация по проведению раскопок святилища Реком и дальнейшей реставрации разобранной конструкции сруба.

Подраздел 2.3. Документы по редакционно-издательской деятельности (1933–1966 гг.). Содержит приглашения редакций к публикации научных работ Е. Г. Пчелиной и ее переписка с Узбекским научно-исследовательским институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина о публикации статьи о Кара-тепе и с Институтом истории и археологии АН УзССР о публикации кандидатской диссертации по материалам раскопок в Кара-тепе.

Подраздел 2.4. Переписка по деятельности (1932–1972 гг.). Включена переписка Е. Г. Пчелиной с К. В. Тревер, Х. З. Джигоевым, К. А. Берладиной, Т. Б. Мамукаевым, Б. А. Куфтиным и др. по научным вопросам (о публикации работ, написании рецензий и отзывов, отправке иллюстраций к рецензируемым статьям и др.).

Раздел 3. Переписка — 16 ед. хр. за 1937–1972 г.

Подраздел 3.1. Письма Е. Г. Пчелиной содержит 1 дело — черновик письма к неустановленному лицу, отправленный не позднее 1972 г.

Подраздел 3.2. Письма к Е. Г. Пчелиной — 16 дел за 1948–1971 г. Включает письма к Е. Г. Пчелиной от московских, ленинградских и осетинских коллег и друзей (В. П. Любина, Е. И. Крупнова, Д. П. Гордеева, Мзоковых и др.).

Раздел 4. Документы родственников Е. Г. Пчелиной — 3 ед. хр. за 1904–1961 г.

Раздел 5. Документы и труды других лиц — 51 ед. хр. за 1902–1972 г.

Подраздел 5.1. Коллекции документов других лиц (1939–1960 гг.).

Подподраздел 5.1.1. Берладина Ксения Акимовна (1894–1960). Содержит комплекс документов сотрудника Республиканского краеведческого музея Северной Осетии, искусствоведа К. А. Берладиной. Совместно с Е. Г. Пчелиной К. А. Берладина участвовала в раскопках Нузальской часовни в 1946 г., затем работала в экспедициях в верховьях р. Кубань и р. Большой Зеленчук (с. Нижний Архыз). Е. Г. Пчелина высоко ценила научный авторитет К. А. Берладиной в области изучения фресок Нузальской часовни и поддерживала с ней как научные контакты, так и дружеские отношения. После скорпостижной смерти К. А. Берладиной в 1960 г. часть ее личного архива была передана в СОНИИ, где и хранится в настоящее время, а другую часть общие знакомые переслали Е. Г. Пчелиной (черновики статей, зарисовки, личные фотографии).

Подраздел 5.1.2. Кесаев Владимир Николаевич — 4 ед. хр. за 1928–1958 г. Содержит статью, заметки и фото В. Н. Кесаева.

Подподраздел 5.1.3. Куфтин Борис Алексеевич (1892–1953), археолог, этнограф, академик АН ГССР (1946 г.). Включает комплекс документов, собранных Е. Г. Пчелиной, содержащий научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписку по деятельности и его письма к Е. Г. Пчелиной.

Подподраздел 5.1.4. Документы об Иване Павловиче Щеблыкине, этнографе, кавказоведе (1939–1949 гг.) — содержит статью, некролог и фото (3 ед. хр.).

Подраздел 5.2. Труды других лиц — 13 ед. хр. за 1902–1972 г. Включает отдельные оттиски научных статей Л. С. Бретаницкого, Г. Джусоева, Г. Х. Вермишева, И. Ю. Крачковского и других авторов.

Опись 4. Документы историка Н. Н. Пчелина, мужа Е. Г. Пчелиной, и его родственников (не позднее 1887 — [1950-е] гг.) — 164 ед. хр.

Основу данной описи составили документы историка государственного права России Николая Николаевича Пчелина (1888–1939), второго мужа Е. Г. Пчелиной.

1. Документы Пчелина Николая Николаевича, мужа Е. Г. Пчелиной (не ранее 1906 — 1939 г.).

1.1. Научные труды и материалы к ним (не ранее 1911 — 1939 г.) — 64 ед. хр.

1.1.1. Монография, статьи, очерк и тезисы по истории России — 15 дел за 1915–1939 гг. Сохранилась монография «Екатерининская комиссия „О сочинении проекта нового Уложения“ и современное ей русское законодательство», за которую Н. Н. Пчелин получил диплом I степени на юридическом факультете Императорского Московского университета, а также статьи различной тематики по истории государственного права России.

1.1.2. Статьи по истории народов России — 11 дел, не ранее 1911–1938 гг. Здесь собраны статьи о народах Балтийского Поморья, о расселении семитских народов на Кавказе, а также об аграрных вопросах в Азербайджане.

1.1.3. «Основы экономического развития сельского хозяйства России первой половины XIX в.»: докторская диссертация, статьи и подготовительные материалы — 38 ед. хр. за 1937–1930-е гг. Разделен на три небольших подраздела.

1.1.3.1. Монография (докторская диссертация) и статьи — 3 дела за 1937–1939 гг.

1.1.3.2. Выписки из архивных документов для работы над монографией — 14 дел, [не ранее 1918] — 1930-е гг.

Сохранился машинописный текст монографии (докторской диссертации) «Основы экономического развития сельского хозяйства России первой половины XIX в. Возникновение капиталистических отношений в недрах помещичьей России в царствование Николая I», документы по проекту и структуре исследования, а также различные тематические выписки из документов московских архивов.

1.1.3.3. Подготовительные выписки и библиография к докторской диссертации (не ранее 1930-х — 1938 г.) — 21 дело. Представлены

выписки и библиографические списки к докторской диссертации Н. Н. Пчелина.

1.2. Документы к биографии Н. Н. Пчелина — 19 дел за [1898]–1940 гг.

1.2.1. Личные документы — 14 дел за 1907–1939 гг. В раздел включены личные документы, среди которых: экзаменационная книжка студента Константиновского межевого института за 1907–1908 г., удостоверение о прохождении двух летних геодезических практик, уведомление Московского городского присутствия по воинской повинности о возможных получениях льгот и отсрочки при прохождении воинской повинности, документы об учебе на юридическом факультете Императорского Московского университета, удостоверение личности (с 22 мая 1928 по 7 сент. 1932 г.) и личная карточка, расчетные книжки и др.

1.2.2. О Н. Н. Пчелине — 3 дела за 1927–1940 гг.

1.2.3. Групповые фото — 4 дела за [1898]–1938 гг. В раздел включено одно детское фото и фотографии 1930-х годов с сыном Георгием на отдыхе.

1.3. Документы по деятельности — 10 дел за 1917–1940 гг. Среди документов материалы о работе на юридическом факультете Московского университета: свидетельство о получении магистрантом истории русского права звания приват-доцента; удостоверения приват-доцента на право беспрепятственного въезда в Москву, справка об утверждении профессором по кафедре Истории русского права 9 октября 1918 г. Представлены также материалы о работе в Ярославском государственном университете (1919–1921 гг.), в Тифлисском государственном политехническом институте, Институте торговли и кооперации, Управлении по организации и строительству «Дворца техники» др.

1.4. Труды других лиц за [1920-е]–1936 г. — отсылки на научные труды Т. Л. Берина, А. А. Новосельского и К. В. Сивкова.

2. Документы Пчелина Павла Семеновича (1867–1919), дяди Н. Н. Пчелина (не позднее 1887 — 1919 г.).

2.1. Научные труды и материалы к ним — 12 дел, не позднее 1887–1919 гг. Рукописи представлены статьями, рассказами, переводами произведений Г. Ибсена, М. Гауптмана и др.

2.2. Документы к биографии П. С. Пчелина — 3 дела за 1888–1919 гг.

2.3. Переписка — письмо к брату Владимиру Семеновичу Пчелину и письмо к П. С. Пчелину от Ивана Анкудинова за 1892, 1912 г. (2 ед. хр.).

2.4. Труды других лиц — 5 ед. хр. за 1889 — не позднее 1919 г. Представлены статьи разной тематики.

3. Фотографии Пчелина Сергея Семеновича, дяди Н. Н. Пчелина, младшего брата П. С. Пчелина, и его семьи — 2 дела за 1888–[1920-е] гг.

4. Документы Пчелина Владимира Семеновича, дяди Н. Н. Пчелина — 2 дела за 1896 г.

4.1.2. Фотографии Серебровских И. А. и А. Л., дочери и внука А. П. Серебровского, друга семьи Н. Н. Пчелина — 2 дела за 1932, 1950-е гг.

Всего в 4 описях содержится 1521 ед. хр.

Фонд обработан при участии: Е. А. Анненковой, А. В. Блажко, Л. Д. Бондарь, М. Ю. Вахтиной, А. В. Газдановой, Л. С. Гусян, Е. Г. Застрожной, Р. Ш. Зельницкой (Шларба), Е. В. Колчиной, Н. В. Крапошиной, В. В. Лебедевой, В. В. Онощенко, Н. А. Павличенко, Я. Э. Рыженковой, Г. П. Супрунович.

Рецензирование описей и актов на уничтожение документов, не подлежащих постоянному государственному хранению: И. В. Тункина, М. В. Мандрик, И. М. Щедрова, О. В. Иодко, Н. С. Прохоренко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лолашвили И. А. Тайна гробницы Давида Сослана. Тбилиси, 1971. (На груз. яз.)
- Пчелина Е. Г. О местонахождении яского города Деякова по русским летописям и исторической литературе // Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1966 гг. Т. II) / отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1963. С. 152–161. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 114).
- Пчелина Е. Г. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе // Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе: сб. ст. М., 1964. С. 82–99.
- Пчелина Е. Г. Погребальные комплексы из Сохта, Урсдзуар и Рук Юго-Осетии // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Цхинвали, 1968. Вып. XV. С. 131–154.

А. Д. Власов, Е. Г. Хосид

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Микологический анализ состояния документов и среды хранения фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН

Фонд Е. Г. Пчелиной до обработки находился в архивохранилище № 10, расположенном в Коломягах, в условиях отклонения температурного режима от нормы и запыленности помещения. В связи с необходимостью перевоза и обработки фонда Е. Г. Пчелиной было проведено всестороннее микологическое обследование как среды хранения фонда, так и самих документов.

Ключевые слова: фонд Е. Г. Пчелиной, среда хранения, микологический анализ, защита документов.

A. D. Vlasov, E. G. Hosid

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

The Mycological Analysis of the Documents' Condition and the Storage Environment of E. G. Pchelina's Archive

Before processing, E. G. Pchelina's Fond had been stored in the repository № 10 located in Kolomyagi, in the conditions of the temperature regime deviation from norm and the premise dustiness. In connection with the need for transportation and processing of E. G. Pchelina's Fond, there was conducted a comprehensive mycological examination of both the storage environment of the Fond and the documents themselves.

Keywords: E. G. Pchelina's Fond, storage environment, mycological analysis, documents' protection.

Первым этапом работы микологов с фондом Е. Г. Пчелиной в 2019 г. стало обследование воздушной среды архивохранилища № 10. Отбор проб воздуха проводился при помощи пробоотборного устройства ПУ-1 Б. Пробы воздуха были отобраны на три типа питательных сред с целью выявления широкого спектра микроорганизмов (среда Чапека, среда Сабуро, среда с целлюлозой). Пробы воздуха отбирались до поднятия пыли в помещении и после работы сотрудников с папками.

Результаты анализа проб воздуха показали, что численность микроорганизмов в воздухе до начала работы оказалась высокая, но не превышала ПДК (менее 500 КОЕ/м³). Однако после работы сотрудников в помещении их численность заметно увеличилась (около 1000 КОЕ/м³). Кроме этого, около 50% видов от общего количества выделенных микроорганизмов показали способность расти на целлюлозе. По анализам проб воздуха стало ясно, что большая часть микроорганизмов содержится именно в пыли. Поэтому в дальнейшем предметом изучения стала пыль, осевшая на полках и папках в архивохранилище.

Пробы пыли, отобранные стерильными ватными тампонами и палочками, высевались также на три типа питательных сред. Результаты анализа проб пыли показали высокое содержание живых микроорганизмов на поверхности папок и полок. Наблюдалось превышение нормального содержания на поверхности микроорганизмов (плесневых грибов), среди которых преобладали условно-патогенные виды *Aspergillus* sp., *Penicillium* sp., *Chaetomium* sp., *Cladosporium* sp. [Саттон, 2001].

При осмотре помещений хранилища местами был отмечен белый плесневой налет на стеллажах, стенах, отдельных папках. Для анализа плесневых колоний были отобраны пробы при помощи стерильной ватной палочки. Результаты микологического анализа проб показали рост грибов *Geotrichum candidum* и *Penicillium commune*. Гриб *Geotrichum candidum* является частым представителем микрофлоры пыли, почвы, воздуха [Саттон, 2001] и относится к условно-патогенным видам.

Следующим этапом работы стал анализ состояния документов, находящихся внутри папок, на предмет биоповреждений. Предварительно перед отбором проб старые запыленные и зараженные папки удалялись. Отбор проб производился с каждой россыпи документов стерильным ватным тампоном как снаружи, так и внутри (между листами). Всего было отобрано 172 пробы. Посев проб производился на среду Чапека.

Результаты обследования документов показали, что видовой состав и численность грибов в отобранных пробах оказались значительно беднее по сравнению с пробами, отобранными ранее с запыленных папок. Анализ большинства проб не выявил активного роста микроорганизмов. Однако некоторые документы оказались запыленными с наружной стороны (в основном конверты, в которых хранились документы). Отобранные пробы показали умеренный рост грибов и бактерий. Внутри дел был отмечен рост только единичных колоний. Среди выделенных грибов преобладали виды *Aspergillus* и *Penicillium*.

Микологами было проведено обследование 7 м россыпи документов архива Е. Г. Пчелиной, ранее прошедших обработку парами тимола с целью обеззараживания. Как при визуальном осмотре, так и по результатам посева микологических проб биологических повреждений документов и фотографий выявлено не было. Рост грибов отмечался только на некоторых ранее запыленных папках и конвертах, которые впоследствии были заменены. В документах отмечался только рост единичных колоний грибов и бактерий.

Результаты анализа отобранных проб показали, что дезинфекция всего фонда не целесообразна, а остаточные споры микроорганизмов могут быть удалены в процессе обеспыливания документов. Большинство загрязненных папок и конвертов были заменены на новые.

Таким образом, микробиологическое обследование фонда Е. Г. Пчелиной показало, что на документах внутри папок не выявлены признаки биоповреждения, а численность микроорганизмов находится на умеренном уровне, может быть снижена в процессе обеспыливания и реставрации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Саттон Д., Фотергилл А., Ринальди М. Определитель патогенных и условно-патогенных грибов. М., 2001. 486 с.

Н. М. Осипова
Архив РАН (Москва)

Документы Е. Г. Пчелиной в Архиве РАН

Документы Архива Российской академии наук представляют новые факты о жизни и деятельности известного кавказоведа Евгении Георгиевны Пчелиной.

Ключевые слова: Е. Г. Пчелина, Академия наук, архив, документ, Кавказ, Осетия.

N. M. Osipova
The Archive of the RAS

Documents by E. G. Pchelina in the Archive of the RAS

Documents of the Archive of the Russian Academy of Sciences present new facts about the life and activities of a famous Caucasian scholar Evgenia Georgievna Pchelina.

Key words: E. G. Pchelina, Academy of Sciences, archive, document, Caucasus, Ossetia.

В Архиве Российской академии наук хранятся ценнейшие документы по истории российского и мирового научного сообщества, среди которых есть и имеющие отношение к жизни и деятельности Евгении Георгиевны Пчелиной.

Наиболее объемный комплекс таких документов находится в фонде Института языка и письменности народов СССР Академии наук СССР (№ 677). Это название учреждение получило в 1938 г., а до этого носило следующие наименования: Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов советского Востока РАНИОН (1925–1930), Научно-исследовательский институт народов советского Востока при ЦИК СССР (1930–1932),

Научно-исследовательский институт национальностей ЦИК СССР (1933–1936), Центральный научно-исследовательский институт языка и письменности народов СССР при Совете национальностей ЦИК СССР (1933–1936).

В фонде Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов советского Востока РАНИОН сохранилось личное дело Пчелиной Евгении Георгиевны (96 листов, относящихся к периоду с 28.11.1925 по 30.06.1931) [АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 129]. Первым по хронологии документом является копия удостоверения, выданного 28 ноября 1925 г. научному сотруднику Комитета по изучению этнических и языковых культур народов Северного Кавказа Наркомпроса РСФСР Е. Г. Пчелиной для дачи объяснений на открытии выставки 29 ноября 1925 г. в Российском историческом музее [АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 129. Л. 1]. В деле содержатся заявления, справки, удостоверения, учетные карточки работника РАНИОН, отчеты о работе за 1928–1930 гг. [АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 129. Л. 68–68 об., 72–76 об.], анкеты, распоряжения по институту, выписка из протокола № 133 заседания подсекции ВУЗ научно-политической секции ГУС 12 января 1926 г. об утверждении Е. Г. Пчелиной научным работником по Комитету по изучению этнических культур и языков восточных народностей, Curriculum vitae Е. Г. Пчелиной (ил. 39–41 вклейки) от 19 марта 1926 г. [АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 129. Л. 14–15], краткий машинописный отчет о командировке с 20 июня по 19 августа 1927 г. в Северную и Южную Осетию (второй экземпляр с правкой и более расширенный рукописный вариант находится в деле «Планы по экспедициям и сметы научно-исследовательских экспедиций института 1927–1928 гг.» (ил. 42–45 вклейки) [АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 129. Л. 26–27 об.; Оп. 1. Д. 29. Л. 71–75 об.], список научных работ Е. Г. Пчелиной от 28 января 1928 г. [АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 129. Л. 31–31 об.], автобиография Е. Г. Пчелиной (не ранее 1928 г.) [АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 129. Л. 33–35].

Отдельные документы находятся в различных делах фонда. Так, в деле «Отчеты о работе научных сотрудников Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока» сохранились отчеты Е. Г. Пчелиной за 1925–1926 гг. [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 19. Л. 15–18], а в деле «Индивидуальные планы работ научных сотрудников и аспирантов Кавказской секции Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока» — план ее научной работы с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 13. Л. 10].

В деле «Учебные планы и программы института на 1926–1927 гг.» сохранился трехгодичный план подготовки аспирантов Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР, где в Разряде материальной культуры проведение музейно-библиографической практики было возложено на Е. Г. Пчелину [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 12. Л. 96].

В делах «Списки научных сотрудников (штатных и нештатных) и административно-технических работников» и «Учебный план института на 1927–1928 гг.» в списках сотрудников Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР с 1 января 1927 г. по 15 апреля 1929 г. значится научный сотрудник Евгения Георгиевна Пчелина [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 6. Л. 30 об., 48, 61, 65 об., 119 об., 134 об., 135 об., 141, 159 об., 164, 165 об., 170, 171 об., 173 об., 175 об., 183 об., 187, 200, 219, 239, 254 об., 256 об.; Д. 33. Л. 133 об.]. В сводке индивидуальных заявок на экспедиции и поездки действительных членов, научных сотрудников и аспирантов института на 1927 г. Е. Г. Пчелиной указана экспедиция в Южную Осетию для этнографических исследований и поездка в Ленинград для изучения памятников Кавказа в Эрмитаже [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 6. Л. 51, 54]. Научно-организационная работа Е. Г. Пчелиной в качестве и. о. секретаря Разряда материальной культуры и секретаря Кавказской секции включена в сведения о нагрузке научных сотрудников института в 1927–1928 гг. [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 6. Л. 121–185], в данных о работе научных сотрудников за 1926–1927 учебный год упоминается о ее докладах «Раскопки в Сагурамо в Грузии» и «Результат археологических работ в Южной Осетии в 1926 г.» [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 6. Л. 139, 201]. Здесь же упоминается о Николае Николаевиче Пчелине [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 6. Л. 50].

В деле «Планы по экспедициям и сметы научно-исследовательских экспедиций института 1927–1928 гг.», в кратком отчете от 15 декабря 1927 г. об экспедициях, проведенных летом того же года научными сотрудниками и аспирантами Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока, значится археологическая экспедиционная поездка в Северную и Южную Осетию научного сотрудника Е. Г. Пчелиной с описанием маршрута и результатов экспедиции [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 29. Л. 81]. В том же деле сохранилась смета с мотивировкой Е. Г. Пчелиной на поездку в Абхазию летом 1928 г. для археологических работ [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 29. Л. 95–95 об.], а также протокол заседания Кавказской территориальной комиссии института от 15 мая 1928 г. о возложении

обязанностей секретаря комиссии на Е. М. Шиллинга в связи с болезнью Е. Г. Пчелиной [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 29. Л. 216].

В деле «Индивидуальные отчеты аспирантов о научных командировках 1928–1929 гг.» сохранилось письмо от 14 января 1929 г. заместителя директора НИИ этнических и национальных культур народов Востока в Русский музей и Эрмитаж о предполагаемой командировке в 1929 г. научной сотрудницы института Е. Г. Пчелиной в Ленинград для работы с предметами из раскопок в Осетии Северного и Южного склонов [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 34. Л. 48].

В деле «Учебные планы и расписания занятий аспирантов на 1928–1929 гг.» в календарном плане Секции этнологии и материальной культуры Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока указано, что доклад Е. Г. Пчелиной «Камунтский могильник времени Алано-хазарской культуры» запланирован на 9 мая [1929 г.] [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 40. Л. 54].

В деле «Списки научных сотрудников и административных работников на 1928–1929 гг.» в письме от 23 мая 1929 г. Научного института народов Востока в РАНИОН об имеющих совместительство в учреждениях Главнауки сотрудников, которые работают «в институте по совместительству, но получающие полные оклады в силу нагрузки, которая не могла быть институтом уменьшена среди академического года», сообщается, что основное место службы научного сотрудника 1-го разряда Е. Г. Пчелиной — Государственный исторический музей [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 39. Л. 134].

В деле «Протоколы Общих собраний аспирантов и научных сотрудников» Научно-исследовательского института народов Востока при ЦИК СССР в протоколе № 17 заседания бригады института по изучению курдов от 19 марта 1931 г. отмечено выступление Е. Г. Пчелиной о том, что она «предлагает результаты марксистской научной проработки литературного материала опубликовать в печати для широкого использования, так как существующая литература в своей массе однообразна и дилетантски публицистична» [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 79. Л. 19].

В деле «Штатные расписания на 1935 г.» Института национальностей ЦИК СССР личное дело Е. Г. Пчелиной числится в списке личных дел сотрудников, выбывших из института в 1929–1932 гг. [АРАН. Ф. 677. Оп. 5. Д. 33. Л. 54].

В фонде Института философии Коммунистической академии ЦИК СССР есть информация, что на заседании Бюро Президиума

РАНИОН 10 октября 1929 г. рассматривался вопрос об оплате командировочных в Ленинград научному сотруднику 1-го разряда Института народов Востока Е. Г. Пчелиной [АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 81. Л. 35].

Интересные документы Е. Г. Пчелиной сохранились в фонде академика М. Н. Тихомирова. Это статья Е. Г. Пчелиной «Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе» (1955) [АРАН. Ф. 693. Оп. 1. Д. 320. Л. 108–121] и ее письма к М. Н. Тихомирову 1959 г. К этим письмам приложены фотографии местностей в районе реки Большой Зеленчук, сделанных Е. Г. Пчелиной и В. П. Любиным в 1946–1957 гг., составленных Е. Г. Пчелиной схематических карт основных путей сообщения домонгольской эпохи по Северному Кавказу и древних перевальных путей через Главный Кавказский хребет и находения средневековых надписей в Закубанье, «перетирка» надписи на кресте в 1957 г., а также письма К. Ф. Медведевой [АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 511. Л. 1–54]. В своих письмах Е. Г. Пчелина пишет об интересующем ее «вопросе о русских на Северном Кавказе и путях сообщения по нему в домонгольское время» [АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 511. Л. 1].

Все эти документы представляют новые факты жизни и деятельности известного кавказоведа Евгении Георгиевны Пчелиной и, возможно, послужат стимулом для дальнейших исследований ее биографии и научной деятельности.

Л. Д. Бондарь

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Материалы Е. Г. Пчелиной в московских коллекциях (по авторским заметкам)

В статье дается обзор заметок, составленных самой Е. Г. Пчелиной, о наличии в коллекциях московских музеев и архивов негативов, которые сняла исследовательница, и собранных ею во время этнографо-археологических экспедиций в Северную Осетию предметов. Предположительно в заметках представлена информация на начало 1930-х гг.

Ключевые слова: Е. Г. Пчелина, этнографические материалы, архивные и музейные коллекции.

L. D. Bondar

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

E. G. Pchelina's Materials in Moscow Collections (According to the Author's Notes)

The article gives an overview of the notes compiled by E. G. Pchelina herself, regarding the presence in the collections of Moscow museums and archives of the negatives and objects made and collected by the researcher in North Ossetia during her ethnographic and archaeological expeditions. Presumably, the notes provide information for the early 1930 s.

Key words: E. G. Pchelina, ethnographic materials, archival and museum collections.

Научное наследие Е. Г. Пчелиной, помимо трудов по осетинской истории и этнографии, в большинстве своем оставшихся в рукописях, составляют также материалы, привезенные из ее

этнографо-археологических экспедиций. Прежде всего, это фотодокументы. Большое число фотографий сохранилось в документах Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН в качестве иллюстративного материала к ее рукописям и заметкам по этнографии и археологии осетин. Как известно (это подтвердил в своих воспоминаниях внук исследовательницы Н. Г. Пчелин), Е. Г. Пчелина овладела искусством фотографии и сама осуществляла фотофиксацию своих полевых исследований¹.

Еще больший объем представляют собой фотонегативы на стекле и пленке. В октябре 2019 г. Государственный Эрмитаж передал в СПбФ АРАН 685 негативов Е. Г. Пчелиной [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Дело фонда], иллюстрирующих археологические и этнографические работы разных периодов в Северной Осетии (Алагирское ущелье), Старом Термезе (Узбекистан), на реке Большой Зеленчук (Прикубанье) и др. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2].

Между тем, документы фонда Е. Г. Пчелиной свидетельствуют о том, что это — не единственная коллекция ее фотонегативов. В СПбФ АРАН имеется дело «Списки негативов Е. Г. Пчелиной и Г. А. Кокиева по этнографии Южной и Северной Осетии» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 528], которое содержит авторские указания о наличии негативов в коллекциях Москвы.

Первое такое указание касается фотокиноархива. Сохранилось три авторских документа, которые содержат названия этого архива как места хранения негативов. В первом документе (рис. 1) название архива дано как Фотокиноархив, Лефортовский дворец [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 528. Л. 1; ср. Л. 3]. На втором документе — отметка «Кино-фото» исправлена на «Кинофонофото» с указанием адреса: ул. 2-я Бауманская, д. 3 [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 528. Л. 2]. И в том, и в другом документе речь идет об учреждении, основанном в 1926 г. как Центральный фотокиноархив; с 1928 г. он разместился в Лефортовском дворце, по адресу: ул. 2-я Бауманская, д. 3. В 1934 г., после объединения с Центральным архивом звуковых записей, был переименован в Центральный фотофонокиноархив и до 1953 г. оставался в Лефортовском дворце; в 1953 г. переехал в Красногорск.

¹ Штатив Е. Г. Пчелиной, который использовался для проведения фоторабот в экспедиционных условиях, был любезно предоставлен ее внуком, Николаем Георгиевичем Пчелиным, для организации выставки во время проведения в Малом конференц-зале СПбНЦ РАН Первых Пчелинских чтений 17 октября 2019 г. (ил. 46 на вклейке). Штатив имеет раздвижные ноги, позволяющие регулировать его высоту, полная длина каждой ноги составляет 132 см.

Сегодня это Российский государственный архив кинофотодокументов. Употребление Е. Г. Пчелиной двойного названия архива и исправление названия должно говорить о том, что эти записи делались в период, близкий ко времени переименования учреждения — можно предполагать, что речь идет о 1930-х гг. Еще один документ содержит указание на номера серий в данном архиве — № 24 и 28 [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 528. Л. 3]. Первый из трех документов уточняет, что это материалы по Северной и Южной Осетии.

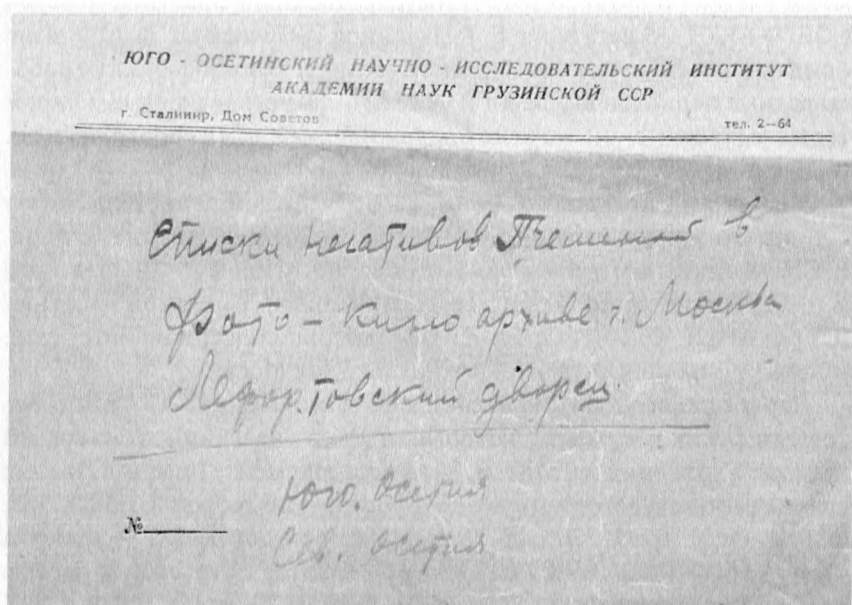


Рис. 1. Конверт, в котором находились документы, содержащие сведения о материалах Е. Г. Пчелиной в московских коллекциях
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 1

Следующее упоминаемое самой Е. Г. Пчелиной учреждение — Институт народов Востока [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 4]. Очевидно, что речь идет об институте, созданном в 1925 г. как Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур советского Востока РАНИОН². Сотрудником этого института

² О переименованиях этого института см. статью Н. М. Осиповой «Документы Е. Г. Пчелиной в Архиве РАН» в настоящем сборнике.

Е. Г. Пчелина состояла в конце 1920-х гг.³ Однако составленный ею перечень негативов относится ко времени после 1930 г., поскольку содержит название института, данное ему в 1930 г. Как и в случае с предыдущей коллекцией, указаны номера серий, в которых имеются негативы Е. Г. Пчелиной, — № 33, 47, 50, 54 (осетинские материалы), 53 (курдские материалы) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 4]; другие записи исследовательницы содержат перечни номеров негативов в каждой серии [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 5, 6].

В другом документе того же дела указано большее число серий фотокolleкций института (коллекции негативов) как содержащих материалы Е. Г. Пчелиной [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 10]. Помимо пяти перечисленных выше, указаны еще серии № 16 и 39. Кроме того, документ содержит указание на года (судя по всему, время поступления негативов в институт, поскольку имеются отсылки к записям в книге поступлений) и место съемок: серия 16 — 1927 г., Северная Осетия; серия 33 — 1929 г., Северная Осетия; серия 39 — 1924 г., курдская Шальва⁴; серия 47 — 1930 г., Южная Осетия; серия 50 — 1924 г., Южная Осетия; серия 53 — 1924 г., курды⁵; серия 54 — 1928 г., Северная Осетия⁶.

Еще одно учреждение, упоминаемое в записях Е. Г. Пчелиной в качестве места хранения ее негативов, — Исторический музей [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 4]. Без сомнения, речь идет о Государственном историческом музее⁷, где материалы Е. Г. Пчелиной (с изображением предметов из бронзы, как указано самим автором документов) хранились в серии № 30 [СПбФ АРАН. Ф. 1017.

³ См. статью Н. М. Осиповой «Документы Е. Г. Пчелиной в Архиве РАН» в настоящем сборнике.

⁴ Село в бывшем Курдистанском уезде Азербайджанской ССР.

⁵ Пояснений о месте сбора нет; очевидно, имеется в виду тот же Курдистанский уезд.

⁶ В том же документе перечислены осетинские коллекции негативов и других исследователей 1920-х гг. Кроме того, коллекция Г. А. Кокиева подробно описана в другом документе дела, озаглавленного как «Негативы по этнографии Юго-Осетии (Юго-Осетинская экспедиция Института народов советского Востока в 1931 г. Г. А. Кокиев)» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 8–9]. Это три машинописных страницы с аннотированным перечнем 59 негативов (составленным, судя по подписи, самим Г. А. Кокиевым).

⁷ О сотрудничестве с этим учреждением, в частности об участии Е. Г. Пчелиной в выставке 1925 г., сообщает документ АРАН. См. статью Н. М. Осиповой «Документы Е. Г. Пчелиной в Архиве РАН» в настоящем сборнике.

Оп. 1. Д. 559. Л. 4, 7]. Иных сведений об этой серии негативов в деле нет.

Другой этнографический материал, указанный Е. Г. Пчелиной, — это музейные предметы. Мы располагаем рукописным перечнем 44 предметов, озаглавленным «Список предметов, привезенных т[оварищем] Пчелиной»; на перечне пометка Е. Г. Пчелиной — «Этногр[афический] отдел ЦАМа в Москве» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 11–12]. Речь идет о Центральном антирелигиозном музее, созданном в 1929 г. и размещавшемся изначально в Страстном монастыре; в 1936 г. музей переехал в перестроенный храм Святителя Николая в Новой Слободе (по адресу: ул. Каляевская (сегодня — Долгоруковская), д. 23), а в 1945 г. под новым именем (с 1942 г. назывался Центральный музей истории религии и атеизма) — в храм Вознесения Господня у Никитских ворот (ул. Большая Никитская, д. 36). Не все предметы перечня имеют сугубо культовое назначение. Приведем перечень полностью⁸:

«1. Ступка. 2. Шапка. 3. Пояс [три первых предмета объединены фигурной скобкой с пометкой „Магический амулет против бога волков“]⁹.

4. Турьи рога для пива. 5. Рахис [ræxys, „цепь“]¹⁰ из бедного дома. 6. Длинный стол (малый), служит для пиршеств для стариков. 7. Стол (дар) служит для пиршеств для младших.

8. Хлебец для молитвы перед охотой. 9. Три молитвенные лепешки-хлебцы. 10. Печенье в честь св. Василия¹¹.

⁸ Автор благодарит А. В. Дарчиева за помощь в подготовке к публикации данного документа.

⁹ Осетины Кударского ущелья использовали аналогичный составной амулет в магическом обряде, призванном защитить домашний скот от падежа и хищных животных: «Вечером в праздник Тутыртæ пастух клал в ступку свиной окорок, покрывал его своей фуражкой и перевязывал поясом. В молитве, произносимой утром следующего дня, он просил благополучия скоту. После молитвы развязывал свой пояс, вынимал окорок и выбрасывал его через дымовое отверстие (ердо). Если удавалось выбросить окорок через ердо, считали, что скот полностью будет сохранен, иначе ожидался падеж скота» [Чибилов, 2008, с. 399]. — Примеч. А. В. Дарчиева.

¹⁰ В скобках восстановлены правильные формы терминов, которые могли быть искажены при позднейшем переписывании.

¹¹ Имеются в виду *басылта* — фигурные пирожки, выпекавшиеся в подарок детям на Новый год. Согласно В. И. Абаеву, название хлебцев является старым христианским наследием и происходит от имени св. Василия Великого. Новогодние фигурные хлебцы с аналогичными названиями известны и другим кавказским

11. Светец (црахдаран) [*цырагъдарæн* „светец, подсвечник“], употребляется в доме для освещения ходзара [*хæдзар* „дом“] — главной ячейки дома. 12. Кресло для старшего в доме мужчины¹². 13. Светец для лучины (црахдаран) [*цырагъдарæн* „светец, подсвечник“].

14. Святилище¹³.

15. Оленьи рога (жертвоприношение). 16. Череп быка (жертвенного). 17. Восковые свечи. 18. Рогульки¹⁴ — деревянные амулеты против бога оспы. 19. Два восковых шарика на нитке — амулет против болезни глаз. 20. Ветка самшита — священное дерево. 21. Белые нитки, которыми обматывают капище¹⁵. 22. Мох со следами воска от подоножия¹⁶ святилища. 23. Бокал для пива, употребляется при молении. 24. Рог коровий, употребляется при молении. 25. Бокал для пива, употребляется при молении. 26. Рога коровий и козий для водки — при молении. 27. Ярмо для жертвенного животного. 28. Цепь над очагом (из богатого дома). 29. Скамеечка трехногая для мужчины. 30. Скамеечка для женщины.

народам [Абаев, 1958, с. 240; Осетинская этнографическая энциклопедия, 2013, с. 105]. — *Примеч. А. В. Дарчиева.*

¹² Такое кресло экспонировалось среди предметов осетинской коллекции Российского этнографического музея во время выставки, подготовленной отделом этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана РЭМ в рамках работы научных чтений «Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной» 18 октября 2019 г. (ил. 47 на вклейке). Кресло было получено в РЭМ от Е. Г. Пчелиной.

¹³ Напротив этого слова, очевидно, Е. Г. Пчелиной поставлен знак вопроса. Действительно, «святилище» не является предметом, как и выражение под № 31 — «Култ очага», напротив которого также стоит знак вопроса. Вероятно, в обоих случаях мы имеем дело с попыткой систематизации предметов внутри перечня и объединения их в тематические группы, названия которых («Култ очага», «Святилище») могли быть механически пронумерованы вместе с названиями предметов. Таким образом, предметов в списке 42. — *Примеч. А. В. Дарчиева.*

¹⁴ Мы располагаем описанием обряда, который наблюдала Е. Г. Пчелина, и указанием на место происхождения предмета, откуда он был взят ею, а также фотографиями двух рогулек разных типов: Южная Осетия, капище (святилище) селения Часовали, 1926 г. [Гревенс, 1961, с. 346–347]. — *Примеч. А. В. Дарчиева.*

¹⁵ Ср. похожий обычай, существовавший у грузин в XIX в.: в церкви Горис-джвари во время престольного праздника (10 ноября) девушки обматывали церковь нитками [Кавказский календарь, 1884, с. 35, 36], вероятно, стараясь обеспечить таким образом удачное замужество. — *Примеч. А. В. Дарчиева.*

¹⁶ Так слово написано в документе; здесь мы либо имеем дело с редкой (устаревшей) формой слова «подоножие», либо в этом слове была сделана ошибка лицом, записавшим перечень. — *Примеч. А. В. Дарчиева.*

31. Культ очага¹⁷.

32. Шипцы деревян[ные] для очага. 33. Солонка. 34. Тарелка. 35. Чаша. 36. Ящичек для хранения амулета в честь бога волков Тутыра¹⁸.

37. Стол, на котором приносятся жертвы.

38. Кувшин для арака [арахъхъ „самогон, водка“].

39. Спицы для пря[де]ния.

40. Чаша для воды.

41. Жертвен[ный] нож.

42. Чесалка для шерсти, употребляется как магическое средство для долголетия новорожден[ного].

43. Котел медный, вешают над очагом.

44. Столик круглый, жертвенный».

Судьбу этих предметов необходимо уточнять: в конце 1946 г. музей был ликвидирован, и в 1947 г. экспонаты передали в Музей истории религии АН СССР в Ленинграде¹⁹.

Таким образом, документы изученного дела из фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН расширяют круг учреждений, в которых можно проводить выявление научного наследия ученного-кавказоведа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 4 т. М.; Л., 1958. Т. 1. 655 с.
- Кавказский календарь на 1885 год: 40-й год / под ред. Е. Кондратенко. Тифлис, 1884.
- Гревенс Н. Н. Культурные предметы адыгейцев и осетин // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1961. Т. 5: О преодолении религии в СССР. С. 339–348.
- Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2013.
- Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин / под ред. Ю. Ю. Карпова. М., 2008.

¹⁷ См. примеч. 10.

¹⁸ Мы располагаем описанием этого предмета: деревянный ящичек размером 18×10 см, с резными стенками и ручкой в виде выступа [Гревенс, 1961, с. 348].

¹⁹ Из публикации Н. Н. Гревенс ясно, что по крайней мере часть предметов в 1961 г. находилась в Музее истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде [Гревенс, 1961, с. 346].



Ил. 1. Семья Бенедиктовичей: Георгий Семенович, Евгения,
Марфа Георгиевна. Ок. 1900 г., Москва



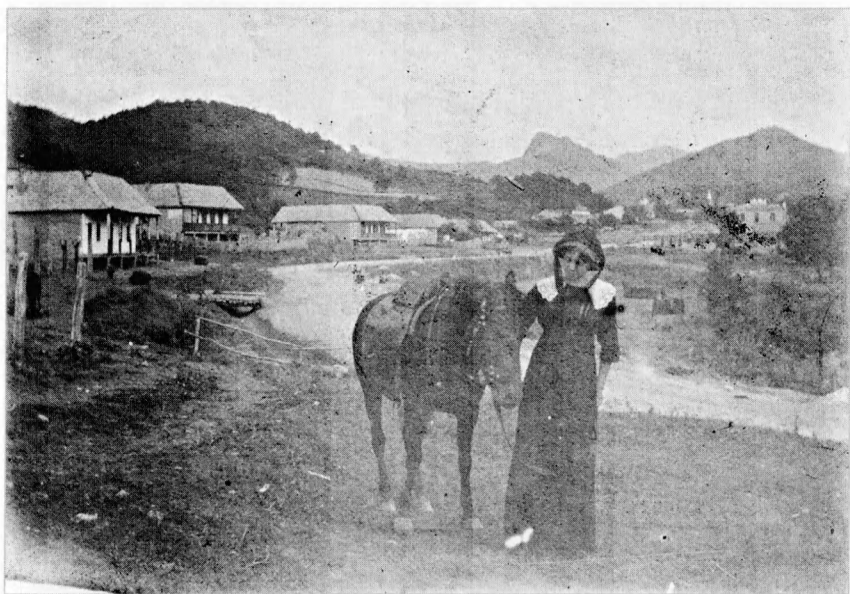
Ил. 2. «Женя Бенедиктович с Петровыми»
(надпись на негативе).
Ок. 1905 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 43. Л. 1



Ил. 3. Евгения Бенедиктович
в гимназические годы.
Ок. 1910 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 3. д. 41. Л. 1



Ил. 4. Евгения Бенедиктович на конной прогулке
(атрибуция Н. Г. Пчелина, внука Е. Г. Пчелиной).

1913 г., местность Гомборы (Грузия) (аннотировано Е. Г. Пчелиной)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 41. Л. 8



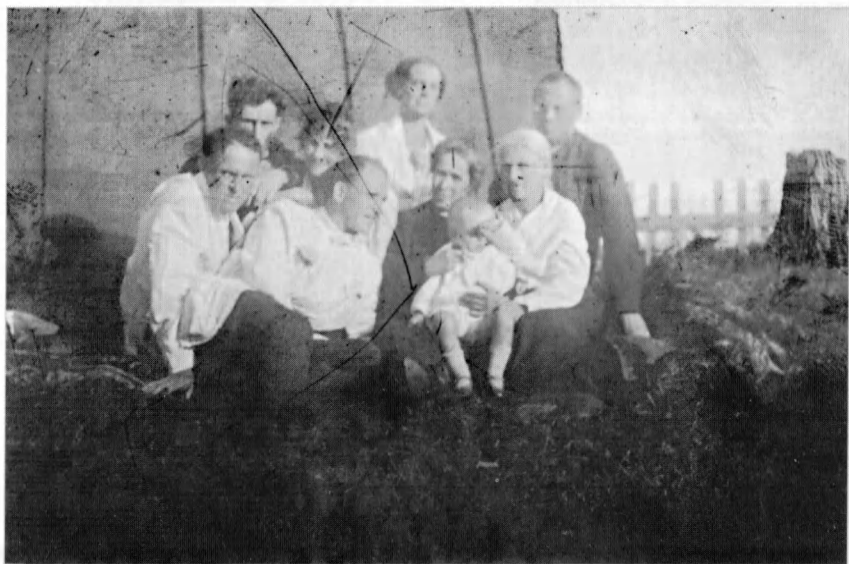
Ил. 5. Первый муж
Е. Г. Бенедиктович
(Даниловой) [?].
Ок. 1914–1917 гг.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 3. Д. 47. Л. 1



Ил. 6. Летний отдых. Слева направо:
Е. Г. Пчелина, М. Г. Бенедиктович,
Н. Н. Пчелин.
Июль 1926 г., с. Кикеты (Грузия)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 45. Л. 1



Ил. 7. На даче. В первом ряду сидящих внука Георгия держит
на руках М. Г. Бенедиктович; во втором ряду справа налево:
Н. Н. Пчелин, Е. Г. Пчелина. 1927 г., Химки (Подмосковье)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 45. Л. 4



Ил. 8. На природе. Сидят справа:
впереди Е. Г. Пчелина,
сзади Н. Н. Пчелин. 1930-е гг.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 3. Д. 45. Л. 3



Ил. 9. Евгения Георгиевна
с сыном Георгием (Гогой).
1930 г., Москва

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 3. Д. 44. Л. 4



Ил. 10. Семья Пчелиных. 1933 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 44. Л. 5



Ил. 11. Н. Н. Пчелин с сыном.
Сер. 1930-х гг.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 4. Д. 123. Л. 3



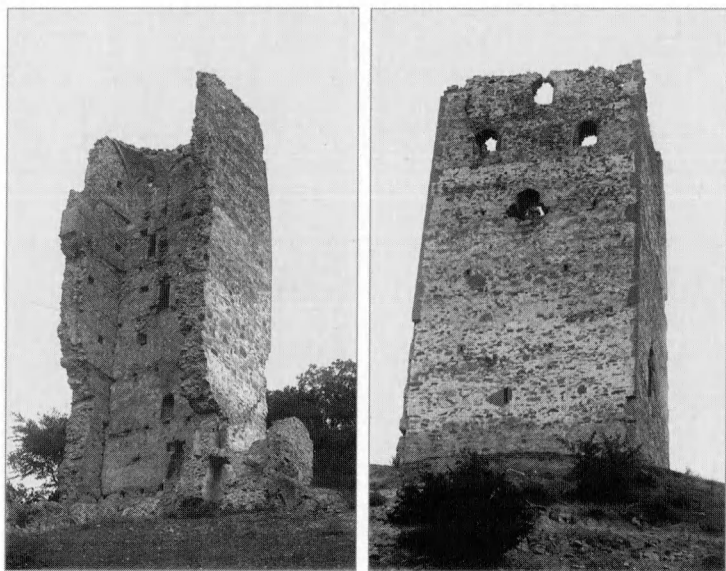
Ил. 12. Евгения Георгиевна Пчелина.
Кон. 1930-х гг.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 3. Д. 41. Л. 2



Ил. 13. Вид с. Рок (Рук) в Южной Осетии. 1920–1930-е гг.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 235. Л. 56



Ил. 14. Башня в с. Корниси, Южная Осетия. 1930-е гг.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 235. Л. 79, 80



Ил. 15. Мамисонский перевал между Северной и Южной Осетией. 1934 г.

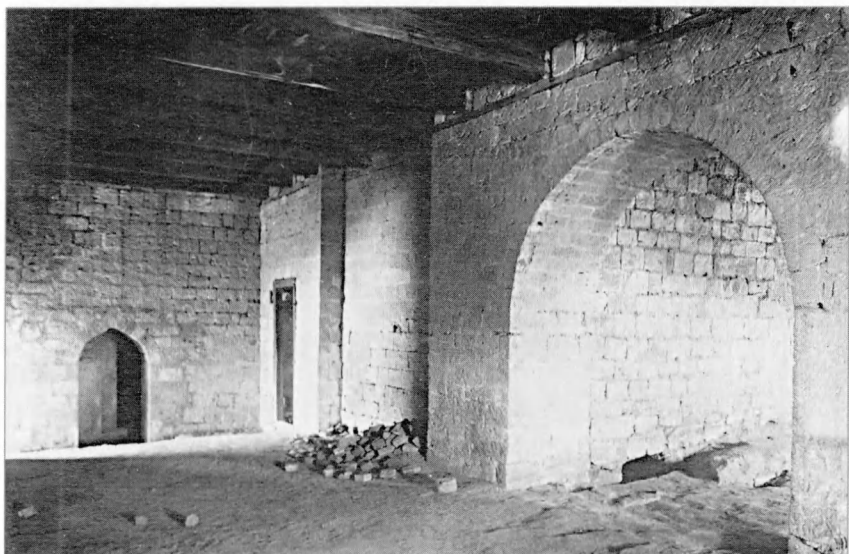
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 178. Л. 21



Ил. 16. Общий вид Хансарая (дворца ширваншахов) в Баку. 1932 г.
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 953. Л. 10



Ил. 17. Хансарай в Баку.
Разбор развалов кладки стен дворца.
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 953. Л. 23



Ил. 18. Хансарай в Баку. Внутренние помещения с вековыми наслоениями, где вела раскопки Е. Г. Пчелина

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 954. Л. 12



Ил. 19. Хансарай в Баку. Реставрационные работы в комплексе дворца

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 1. Д. 953. Л. 24



Ил. 20. Реставрация святилища Реком в Цейском ущелье Северной Осетии.
Снимок и аннотация И. П. Щелыкина на обороте:

«Е. Г. Пчелина фотографирует рабочих. 1936 [г.]»

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 757. Л. 5



Ил. 21. Работа Е. Г. Пчелиной с коллекциями в Северо-Осетинском
научном музее. 1937 г., г. Орджоникидзе

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 41. Л. 5



Ил. 22. Приезд должностных лиц правительства и партийных органов
СОАССР, научных работников и др. в с. Нузал перед вскрытием
обнаруженной в часовне гробницы. В центре группы стоит Е. Г. Пчелина
(в берете). 6–9 июня 1946 г., Алагирское ущелье Северной Осетии



Ил. 23. «Экскурсия с Домом учителя Юго-Осетии».

Е. Г. Пчелина сидит в центре группы участников.

12 сентября 1948 г., г. Гори (Грузия) (аннотировано Е. Г. Пчелиной)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 51. Л. 1



Ил. 24. Раскопки погребения, обнаруженного при прокладке канала.

1949 г., с. Осприси [осет. Приси], Южная Осетия

(аннотировано Е. Г. Пчелиной)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 50. Л. 3



Ил. 25. Развалины башен в Назиджине — согласно преданиям, родовом селении Давида Сослана. 1965 г., Алагирское ущелье Северной Осетии

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 179. Л. 69



Ил. 26. Истоки р. Ардон. Слияние потоков, образующих водную артерию Алагирского ущелья, археолого-этнографическому изучению которого Е. Г. Пчелина посвятила многие годы. 1965 г., с. Верхний Зарамаг

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 180. Л. 4

Ил. 27. Крепость
в с. Нижний Зарамаг, 1965 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.

Оп. 1. Д. 180. Л. 30



Ил. 28. Зарамагская крепость.

Архитектурная деталь —
стрельчатый проем. 1965 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.

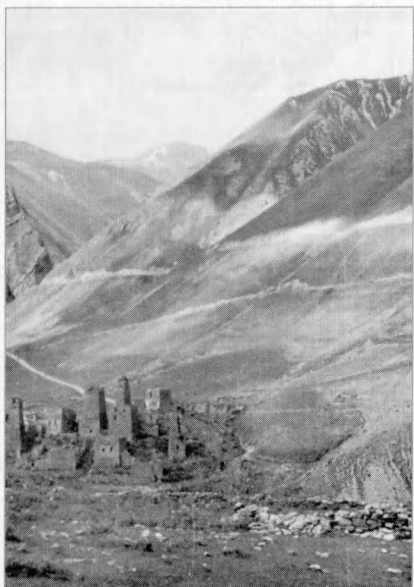
Оп. 1. Д. 180. Л. 34

Ил. 29. Комплекс оборонительных
сооружений в с. Лисри. 1965 г.,

Мамисонское ущелье
(бассейн р. Ардона)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.

Оп. 1. Д. 178. Л. 16





Ил. 30. Е. Г. Пчелина
передает материалы
в неуставленный музей.
Ок. 1968 г. (аннотировано
Н. Г. Пчелиным)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 3. Д. 52. Л. 1



Ил. 31. Евгения Георгиевна
Пчелина. Ок. 1968 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 3. Д. 52. Л. 2

Материалы к биографии Е. Г. Пчелиной в фонде Комиссии
«Наука и ее работники в пределах СССР»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

1108

КОМИССИЯ

„НАУКА И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ СССР“

(Ленинград. 1. В. О., Тучкова наб. 2-а, тел. 2-39-87)

просит для нового издания Справочника, составляемого под наблюдением и непосредственным руководством Непременного Секретаря акад. С. Ф. Ольденбурга и Председателя Комиссии акад. Е. Ф. Карского, дать сведения по нижеследующей форме и возратить заполненный листок в Комиссию, перегнув наружу нижний край листка с адресом Академии.

Комиссия была бы весьма признательна за присылку портрета с автографом и указанием времени съемки.

Просьба писать разборчиво!

- 4 МАЯ 1928

Транслитерация фамилии латинскими буквами

I. Пчелина Евгения Георгиевна
Фамилия ¹⁾, имя, отчество полностью

II. Иск. археол. Инст. Моск. Унив. Кор. жан. Мифин
Образовательный ценз ²⁾ и научное звание ³⁾

III. Полное название мест работы (с указанием должностей)
археолог. инст. Моск. Унив. Кор. жан. Мифин
Н. Соф. Трудяга (археолог)

IV. Археолог (90 летний Кавк. народный)
Специальность (общая и частная)

V. „Кубанская“ культура.
Научная в ней область (в которой Вы преимущественно работаете)

VI. Москва. Красная бл. № 1/3 кв. 225
Подробный адрес ⁴⁾ и телефон (домашн. и служебн.)

VII. Кутаис. Груз. 1895 год.
Место ⁵⁾, число, месяц и год рождения (по старому стилю)

VIII. 3 мая 1928 года
Дата заполнения листка и подпись Ев. Пчелина.

¹⁾ Просьба указать ударения. ²⁾ Какой учебн. завед. окончил (или получил домашн. образов.). ³⁾ Инженер, врач, доктор (медичн. или други. наук), на-корресп., академики и т. д. (сознаний и иностранных учреждений). ⁴⁾ Укажите в учебно-почтительные учреждения — музеи, лаборатории, библиотеки, обсерватории, станция, внешн. учебн. заведения, научные общества, — на введение и пр. ⁵⁾ Профессор, преподаватель, председатель, ассистент, лаборант, научн. сотрудник, преподаватель, регистратор, заведующий, библиотечник, секретарь, или общества и пр. ⁶⁾ Город, улица по новому названию. № дома и квартиры. ⁷⁾ По доверенному или непосредственно и предмету административному делению.

Просьба приложить перечень главнейших научных трудов.

1) Краткий словарь археолог. инст. Кор. жан. Мифин
„Исторический сборник“ Тифлис 1924. Изд. Закавказ.
Научн. Асс. Кавказского.

2) Рассказы в см. Силуриана в Грузии“ Тифлис
1926. Издательство Грузии изд. III.

19 IV 1928. Г. А. Т. 9 апреля, 12.

4512

© СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 561. Л. 59–60 об.

Рабочее время и заработок				13. Основная работа и совмещение в настоящее время			
132 часов	По основной должности	10. Количество часов работы в январе 1931 года	Наименование всех научно-исследов. учреждений, учебных заведений, госу-дарств, учреждений и предприятий, в которых в настоящее время работает	Занимаемая должность в каждом научно-исследовательском учреждении, учебном заведении, государственном учреждении и предприятии	Работа основной или совмещающей (основн. или совм.)	Принятый заработок	Число часов работы в январе
— часов	По совмещаемым научным должностям						
12 часов	По совмещаемым педагогическим должностям						
— часов	По совмещаемым прочим должностям						
— часов	Всего проработано						
165 рубл.	По основной должности	11. Получаемый заработок за январь 1931 г.	1) Тос. Исет. Мурт.	д.и.н. Исет. Мурт.	осн.	165	
— рубл.	По совмещаемым научным должностям						
78 рубл.	По совмещаемым педагогическим должностям		2) Научно-исслед. Исет. Мурт. Исет. Мурт.	науч. сотрудник Исет. Мурт.	совм.	78	
75 рубл.	По совмещаемым прочим должностям						
318 рубл.	Всего причитается		3) Т. И. Мурт.	д.и.н. Исет. Мурт.	совм.	318	
12. Научная квалификация (научн. работ. I и II разряд, кандидат, действ. чл. аспирант и т.д.)							
13. Какие дисциплины разрабатывает по основной научной работе		4) Исет. Мурт. Исет. Мурт.					
14. Какие дисциплины преподает							
16. О Б Р А З О В А Н И Е							
Перечень учебных заведений, в которых послесреднеуниверситетски обучался или обучался (общеобраз., специальн., педагогическое, профес. и политич.), включая курсы переподготовки, заочные курсы и курсы по научным знаниям и культурам Республики.							
Категория учебн. заведения, высшего, среднего, низшего	Полное наименование учебного заведения	Наименование факультета отделения	Наименование специальности, цикла, уклона	Сколько лет учился или пробыл	Экзачных или экзачных (учитств)	Год окончания или вы-бытия	
1. Среднее	Тифл. 5. Невский гимназия			4 года	оконч.	1913г.	
2. Высшее	Исет. Мурт. Исет. Мурт.	археол.	биолог. археол.	2 года	оконч.	1916г.	
3. Высшее	Т. И. Мурт.	физ.	правовая	4 года	оконч. бы	1921г.	
4. Высшее	Тифл. Тонин. Исет.	экономика	правовая	2 года	оконч.	1924г.	
17. В каких научных командировках, включая научные экспедиции, был заграничный и внутри СССР после 1917 г.							
Какой организацией командирован	Место командировки	Цель командировки	В каком году	Продолжительность командировки	Назначен ли от командировки	Указать кратко наиболее существенные результаты командировки	
1. Наркомпрос РСФСР	Тифли	археол. работы	1921г.	4 мес.	нет	археол. работы	
2. Наркомпрос Закавказья	Тифли	"	1921г.	3 мес.	нет	археол. работы	
3. Оссу. Восточный	Курортный	"	1923г.	1 мес.	нет	археол. работы	
4. " "	Осетия. Кавказ	"	1924г.	1 мес.	нет	археол. работы	
5. " "	Тифли	"	1924г.	1 мес.	нет	археол. работы	
6. Тос. Исет. Мурт.	Тифли	"	1925г.	1 мес.	нет	археол. работы	
7. " "	Исет. Мурт.	"	1926г.	4 мес.	нет	археол. работы	
8. " "	Исет. Мурт.	"	1930г.	1 мес.	нет	археол. работы	

ПРИМЕЧАНИЕ. При недостатке места подклеить лист.

6 Осетинск. Грузинск.		18. На каких иностранн. языках свободно говорит		
Нешук. Грузинск.		19. С каких иностр. языков сам стоит переводит литературу по специальности		
1	Член ВКП (б)	20. Партийность (подчеркнуть)	32. Общественно-культурная работа среди населения (подчеркнуть)	
2	Кандидат в члены ВКП (б)		Имеется: ☒ пропаганда ☒ агропропаганда ☒ антирелигиозную работу ☒ массовую политпросветительскую работу ☒ пропаганду техн. знаний	
3	Член ВКП (б) состоящий в ВЛКСМ		33. Состоит ли членом секции научных работников (подчеркнуть)	
4	Кандидат в члены ВКП (б) сост. в ВЛКСМ		34. Занимает ли в секции научных работников выборную должность (подчеркнуть)	
5	Член ВЛКСМ (не состоящий в партии)		35. Состоит ли членом научных обществ (подчеркнуть)	
6	Кандидат в ВЛКСМ		36. Каких обществ	
7	Беспартийный	21. Партия для члена партии		
		22. Год вступления в партию (для кандид.)		
0	Да	23. Для беспартийных. Подал ли заявление о приеме в партию (подчеркнуть)		
1	Нет	24. Состоит ли в ВЛКСМ (для не состоящих в настоящее время в партии и в ВЛКСМ) (подчеркнуть)	17. Занимает ли выборные должности в научных обществах (подчеркнуть)	
0	Да	С какого года выбыл	18. В каких обществах	
1	Нет			
0	Не состоя	25. Для членов и кандидатов ВКП (б) пребывание в и отходах в других партиях (подчеркнуть)	19. Состоит ли членом секции инженерно-технических работников (подчеркнуть)	
1	Состоя в партии всеров		20. Занимает ли в секции инженерно-технических работников выборную должность (подчеркнуть)	
2	с-д. меньшев.		21. Состоит ли членом об-ва «Техника Массам»	
3	в прочих партиях		22. Состоит ли членом «Варинтос» (подчеркнуть)	
0	Не состоя	26. Для беспартийных: пребывание в прошлом в политических партиях (подчеркнуть)	23. Участвует ли в работе студенческих кружков (подчеркнуть)	
1	Состоя в партии ВКП (б)		24. Руководит ли работой аспирантов (подчеркнуть)	
2	с-д. большев.		25. Если руководит работой аспирантов, то каким числом их и сколько часов в неделю	
3	с-д. меньшев.		26. Руководит ли работой студентов выходящих (подчеркнуть)	
4	в прочих партиях			
1/ Райбирос		27. Членом какого профсоюза состоит	27. Участие в прессе (подчеркнуть)	
		28. По какому научн. учреждению, вузу состоит в местном	Имеется: ☒ Состоит корреспондентом газет и журналов общего характера ☒ Сопоставляет материалы по специальности	
0	Не знает по документам	29. Активная проф. работа (подчеркнуть)		
1	Член правления союза			
2	Член местного — группкома	30. Занимает ли выборную должность в совете (подчеркнуть)		
3	Отраслевой организатор			
4	Групп. и проф. организатор			
5	Сборщик			
0	Не занимает			
1	Член совета (гор. рай, сел.)			
2	бюро секции совета			
3	исполкома (обл., окр., рай.)			
4	комиссии сельсовета			
5	ревкомиссии совета			
0	Не участвует	31. Участие в социалистическом соревновании (подчеркнуть)		
1	Член ударной бригады			
2	Участвует в ялдам. соревнов.			
3	в прочих видах соревнования			

С В Я З Ъ С С Е М Ь Й						Ж И Л И Щ Н Ы Е У С Л О В И Я		
	С семей, одинокого	48. Живет /и опрашиваемый (подчеркнуть)					Отдельный дом	1
	<u>Жена муж, дети</u>	(49. Члены семьи, живущие отдельно от опрашиваемого (подчеркнуть))				51. Какое помещение занимает опрашиваемый (подчеркнуть)	Отдельную квартиру Несколько комнат в квартире <u>Одну комнату</u> Часть комнаты Место в общестини (общей спальне)	2 3 4
	В городе	Где вы жьете? <u>в Баку</u>						
9	50. Члены семьи, живущие совместно с опрашиваемым (кроме опрашиваемого)							
	Родственные отношения к опрашиваемому	Пол	Возраст	Партийность	Имеет ли самостоятельную работу за последние месяц	Сумма заработка за последние месяц	Квартиру	
	1	2	3	4	5	6		
							52. Имеет ли опрашиваемый бесплатно (подчеркнуть) <u>Нет</u>	Отопление Освещение
	53. Размер жилой площади <u>31 кв. аршин</u>							
	Число лиц, живущих не все						и и	
	из них членов семьи						и и	

Лица, имеющие научные труды, дают кроме того списки:

- 6) Научных трудов и исследований с 1 января 1930 г. до 1 января 1931 г. (указываются лишь главные труды), где указывается: отделением, книжки, в специальных журналах (какие) и т. д. время их издания и не какие: отметить особенно указать переводные работы, а также и неизданные бумажные работы научного характера.

- 1) Восток. архив. архивное дело. "Истор. архив. архив" 1925. М. 1925. М. 1925. М. 1925.
- 2) Архивное дело. "Истор. архив. архив" 1925. М. 1925. М. 1925. М. 1925.
- 3) Архивное дело. "Истор. архив. архив" 1925. М. 1925. М. 1925. М. 1925.
- 4) Архивное дело. "Истор. архив. архив" 1925. М. 1925. М. 1925. М. 1925.
- 5) Архивное дело. "Истор. архив. архив" 1925. М. 1925. М. 1925. М. 1925.
- 6) Архивное дело. "Истор. архив. архив" 1925. М. 1925. М. 1925. М. 1925.
- 7) Архивное дело. "Истор. архив. архив" 1925. М. 1925. М. 1925. М. 1925.
- 8) Архивное дело. "Истор. архив. архив" 1925. М. 1925. М. 1925. М. 1925.

нецарю

- 1) Азиатский океан в Куршском (Архангельск)
- 2) Архангельск, Каргола, Лодзь и Сев. Осетия
- 3) Каргола, Лодзь, Куршск, 650 км.
- 4) Монастырь в Копетдаге, восточные
реки, на. Бухаря, Каспий и др.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР 1101⁵⁴

КОМИССИЯ

„НАУКА И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ СССР“

(Ленинград. 1. В. О., Тучкова наб. 2-а, тел. 2-39-87)

просит для нового издания Справочника, составляемого под наблюдением и непосредственным руководством Непременного Секретаря акад. **С. Ф. Ольденбурга** и Председателя Комиссии акад. **Е. Ф. Карского**, дать сведения по нижеследующей форме и возвратить заполненный листок в Комиссию, перегнув наружу нижний край листка с адресом Академии.

Комиссия была бы весьма признательна за присылку **портрета** с автографом и указанием времени съемки.

Просьба писать разборчиво!

- 4 МАЯ 1928
Транскрипция фамилии и имени буквами

I. Трамин Николай Николаевич
Фамилия ¹⁾, имя, отчество полностью

II. Молотов Павел Павлович
Образовательный ценз ²⁾ и научное звание ³⁾ историк рус. права

III. Ватман нагр. сотру. 1-й кр.
Полное название мест работы ⁴⁾ и занимаемые должности ⁵⁾

IV. Историк русского права
Специальность (общая и частная)

V. Древний Рим и Иллирия Энцикл. слов.
Научная в ней область (в которой Вы преимущественно работаете)

VI. Молот. Кремена тит. д. 5 кв. 22
Подробный адрес ⁶⁾ и телефон (домашн. и служебн.)

VII. 2. Казань 24/III 1882
Место ⁷⁾, число, месяц и год рождения (по старому стилю)

VIII. 25. 88 Н. Трамин
Дата заполнения листка и подпись

*) Просьба указать ударение. 1) Какое учебн. завед. окончил (или получил домашн. образов.). 2) Инженер, врач, доктор (медицин или других наук), экз-корресп., академик и т. 3) (соединяет в иностранных учреждениях). 4) Ученые и учебно-вспомогательные учреждения — вузы, лаборатории, библиотеки, обсерватории, станции, вышн. учебн. заведения, научные общества, о-ва преподавания и пр. 5) Профессор, преподаватель, председатель, ассистент, лаборант, научн. сотрудник, преподаватель, регистратор, вычислитель, библиотечник, секретарь, член общества и пр. 6) Город, улица по новому названию, № дома и квартиры. 7) По довоенному наименованию и прежнему административному делению.

Просьба приложить перечень главнейших научных трудов.

Енциклопедия, Ученые слов. и т. п. 1915 г.
Заметки Мол. Пав. Пав. 1915 г.
Сам. и Тучков в действительности Петру "Заметки"
Зем. Заметки 1914 г.
История России: Мемуары 1914 г.

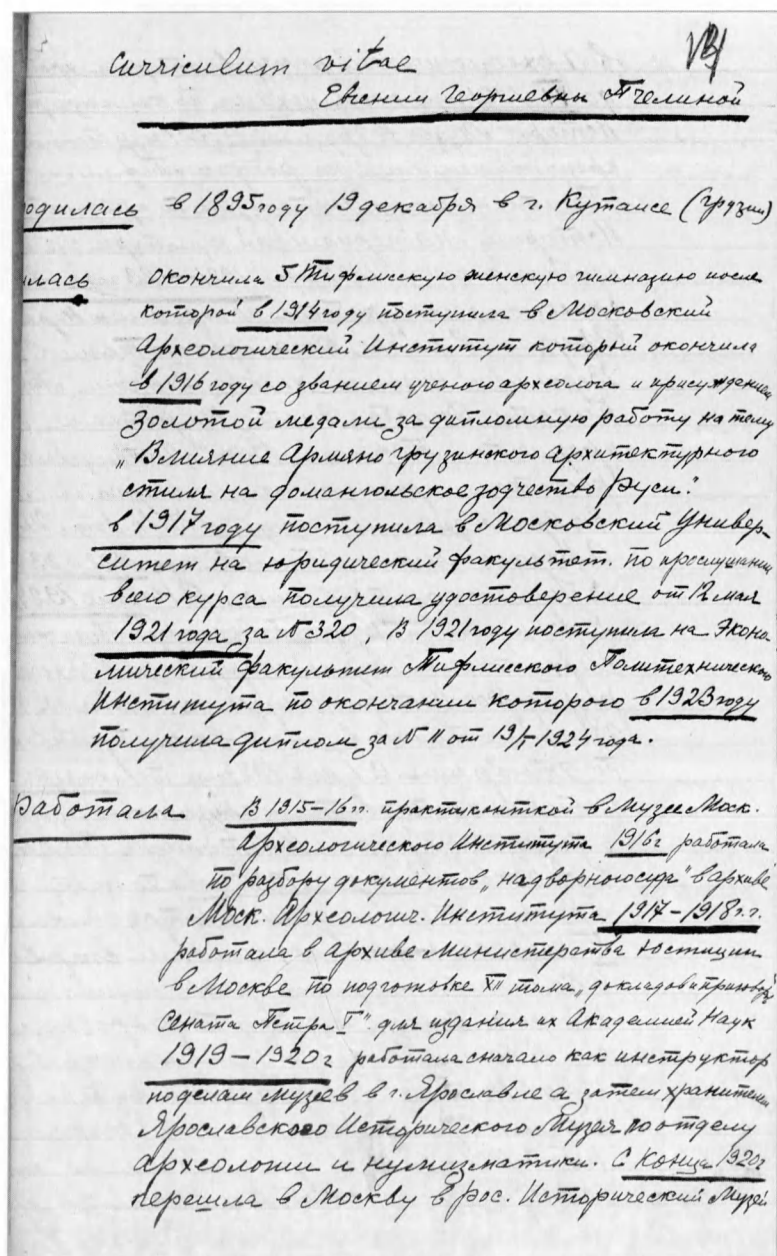
10. IV. 1928

Ил. 37. Анкета Н. Н. Пчелина от 2 мая 1928 г. для справочника комиссии «Наука и научные работники СССР» Академии наук СССР



Ил. 38. Вторая слева (сидит) — Е. Г. Пчелина, крайний справа (сидит) —
В. Х. Тменов, стоит — Т. Б. Мамукаев. Северная Осетия

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 50. Л. 1



Ил. 39-41. Curriculum vitae Е. Г. Пчелиной, научного сотрудника
Научно-исследовательского института этнических и национальных
культур народов советского Востока РАНИОН. 19 марта 1926 г.

в археологический разряд в котором я была
до VI 1921 года когда уехала по командировке
Историч. Музея в Грузию. 1921 года поступила
преподавательницей на раб. фак. Тифлисского
Технического института по предмету
История материальной культуры где и
пробыла до конца 1922 года. 1921—23 года велела
археологические работы по поручению Нарком
Грузии в районе Кавказского Тана в др.
Верхние и Нижние Чхкеты, Савраси, Мел
Кикети, Индеба, Эльти, Каратнега и в
окрестности Тифлиса „Вахе“. По поручению
раскопками археологическими материалами
все время делались доклады в Кат. Отд. Моск.
Археологического Общества где 1922 и 23 года
была членом Правления. В начале 1924 г.
я вернулась из Грузии в Москву и была принята
сверхштатной научной сотрудницей в археолог.
разряд фео. Историч. Музея с 1 июня 1924 г.
Занималась там же в штате в каком пребываю
по это время. С 1 мая 1924 года по октябрь 1924
состояла преподавателем грузинского языка
в Кавказском разряде Института Востоковед.
в Москве. С 1 апреля 1925 года по настоящее
время состою научным сотрудником
Грузинского ~~музея~~ по археологич. ст. р. в
в Комитете по изучению древности исторических памят.
народов Сев. Кавказа а затем по реорганизации
его в Комитете по изуч. древности истор. культуры
народов Востока С. С. С. Р. археологом по Кавказ.
секции. Кроме указанных выше раскопками
работ 1921—23 годов проведена с мая по октябрь
экспедиционную работу в качестве арх.

18

в поездке организованной Закавказской
Ассоциацией Востоковедения (прикомандиро-
вание от Рос. Ист. Музея) в Южную
Осетию, Карабах, Зангезур, Котан
и Курдистан.

- курские работы
- 1) рукопись "Влияние Армянно-Грузинского
Архитектурного стиля на домостроительное
здоровье Руси" (прислужившаяся медаль
в Моск. Археологическом Институте)
 - 2) краткий историко-археологический очерк
Юго-Осетии (результаты этнографической
научки) издано в "Осетинском сборнике"
Тифлисе 1924 год.
 - 3) "Археологическая карта Курдистан-
ского района Азербайджана" сдано в
печатать в Труды Закавказской Ассоциаци-
и Востоковедения
 - 4) раскопки Салуринского могильника
в Грузии в 1924 году (рукопись
предположения к печатанию в трудах
Рос. Ист. Музея в 1924 году)
 - 5) результаты археологических работ в Кавказ-
ском Музее в Грузии (рукопись)
 - 6) селитрянные писанки на сосуде эпохи
Народов Нахич из кав. Рос. Ист. Музея
(рукопись) и другие более мелкие рукописи.

Евгений Ткачев.

19/III 1926 года

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О КОМАНДИРОВКЕ В СЕВ. и ЮЖН. ОСЕТИИ

71

*(примечание к фильму)
август, ноябрь, декабрь
1937 и 1938 гг. Зосим 1924.*

Евг. Георг. ПЧЕЛИНА.

Я выехала из Москвы 20 Июня 1927 г. во Владикавказ куда приехал 22-го откуда сейчас же села в поезд и поехала в Нальчик куда приехал 22-го же. В Нальчике я пробыла с 22-го по 25-ое где изучала в Кабардино-Валкарском Музее краеведения, археология, отдел имеющий уникальные вещи, Доисторическая культура этой области / в горной его части / является аналогичной, культуре, находимой на территории как Сев. так и Южной Осетии почему изучение предметов Нальчикского Музея явилось для меня неотложной необходимостью.

26 Июня из Нальчика поехала во Владикавказ где пробыла до 28-го изучая Осетинский Ингушский Музей Краеведения. 29-го Июня я с профес. / Осет. Педагогич. Инст. / Б.А. Алборовым поехала в Тагаурию в сел. Чми и Саниба где мною было найдено несколько городищ повидимому одновременных всемирно известным могильникам этих мест. Кроме неизвестных еще в литературе городищ мною были найдены здесь могилы / в большом количестве / не вскрытые и могущие быть может дать при дальнейших раскопках ответы на не разрешимые пока вопросы из за недостатка вполне научно добытого археологическ. материала. 30-го Июля из Саниба, верхом мы поехали через сел. Верхн. и Нижн. Кани, Верхн. и Нижн. Тменикау где мною были обследованы могильные башни подобные Санибанским / *Зайагзе* / к леднику Майраи где в 1914 г. была найдена медная маска идола хранящ. во Владикавк. Музее Краеведческ., имещ. исключит. научный интерес. / К вечеру мы вернулись в сел. Саниба.

1-го Июля мы поехали в сел. Кобань где мною были осмотрены места древних могильников в связи с опасностью их порчи вследствие проведения шоссе и постройки электростанции на Гизелдоне. Как оказалось ни предполагаемая линия шоссе ни электростанция не касаются погребальных полей которые почти целиком находятся под усадьбами жителей сел. Верхн. Кобань и подвержено безпрерывной порче при домашних земляных работах / рытье канов, погребов, или для сыпки картофеля и т.д. /

Ил. 42-45. Краткий отчет Е. Г. Пчелиной о командировке в Северную и Южную Осетию с 20 июня по 19 августа 1927 г.

Вечером того же дня мы вернулись во Владикавказ где я
ла до 3-Июля. 4-го Июля я с Б.А. Алборовым и Л.П. Семеновым
/ научн. сотр. Ингушск. Музея Краеведения / выехали в Куртатин
сел. Дзивгисе где осмотрели западную. 5 Июля из Дзивгиса
Лаца поехали в сел. Харискен где так же осмотрели западную и
вернулись в сел. Лаца. 6 и 7 Июля я и Л.П. Семенов произвели
ологическ. раскопки на " Нартовском " кладбище в сел. Лаца.
о раск. представило особо / Был раскопан курган с тремя
временными погребениями / 4-8 века / имеющими богатые украшения
/ бусы, золотые бляхи и мечь покрытый золот. и серебрян. пласти-
ками / 8 Июля из Лаца верхом мы поехали по Хилакскому ущелью
к леднику Тейли. Это трудно доступное ущелье в археологической
литературе не известно почему и представляло для меня исклю-
чительный интерес. Здесь имеется большое количество разновре-
менных древностей, как напр. захоронения относимые легендой к
ледникам Нартам в пещерах обрзовавшихся между глыбами нагромо-
данными обвалами (в местности напоминающей первичный хаос Мироздан-
ия). В настоящее время все ущелье безлюдно т.к. жители все без исклю-
чения выселились на плоскость. Вечером того же дня мы вернулись
9 Июля из Лаца поехали в сел. Дзивгисе где влезали в пещеру,
обследования детального произвести не удалось из-за порчи за-
паса фонарей. Судя по поверхностному осмотру мне кажется что знаменитая
Дзивгисская пещера с которой связана легенда о входе через нее в
Алагирское ущелье далеко не так длинна как о ней думают, и
кончается входом в четыре недоступные снизу башни. Ход внутри пеще-
ры ветвится в стороны башен. В тот же день нами были осмотрены
древности в сел. Даллачкау, Борзикау и Дзуарикау / в последнюю
путешествия за всю поездку мною впервые было найдено захоронение с содер-
жащими не потревожен. костяками - мумиями. / 10 Июля я и Б.А. Алборов
отыскивали легендарную дорогу " Шахнад " или " Шах'андаг " по-
ходившую от стариков относится к 17 веку - походу Шах-Бек-
таша. Нам удалось нанести ее на карту и проследить ее от сел. Дзивгиса
до середины Хилакского ущелья - Повидимому это была дорога идущая
от Воен. Груз. дороги - выше Дарьяльского укрепления до Алагир-
ского ущелья. Дорога идет параллельно линии снеговой вершин Главн.

72

хребта, ниже ледников, но гораздо выше поселений, как бы по нейтральной зоне. Эта дорога является повидимому кратчайшей между двумя перевалами крестовым и Мамисонским. Ночевали мы в сел. Джимара. 11-го Июля из сел. Джимара где нами были обследованы западн и найдены ^{исследованы} в литературе два древних городища через сел. Дерговс. и Кобань вернулись во Владикавказ.

Здесь 15 Июля я делала доклад о своей работе в Осетинск. Научно Исслед. Инст. Краеведения а 17 Июля выехала из Владикавказа в сел. Алагир. 19 Июля из Алагира выехала в сел. Мизура. 20-Июля из Мизура поехала в сел. Садон 21 Июля из Садона поехала в сел. Цей где осмотрела святилище Реком. 22-го Июля из Цей приехала в сел. Заромог где 23-Июля обследовала крепость Зураба Макаева и др. памятники древности. 24-го Июля из сел. Заромог через сел. Нар перевалила в Юго-Осетию через Сикарский перевал / верхом / и остановилась на ночь в сел. Кешельта. 25-го Июля из сел. Кешельта доехала до гор. Цхинвали. 26-го Июля делала доклад в гор. Цхинвали в Юго-Осетинском Историко-Филологич. Научно Обществе. О своей работе в Сев. Осетии перспективах работы в Юго Осетии в текущее лето. 27-29-го Июля я пробыла в Цхинвали готовясь к поездке по Юго Осетии ~~по~~ продолжению ~~из~~ составления археологическ. карты Области. 30-го Июля я выехала верхом через сел. Гурта, по реке Панде в сел. Лесор Кударского района где мною были обследованы все окрестные деуары и могильники. 31-го Июля та же работа была сделана мною в сел. Кобети - Кешельта - ^у перевал Джедо. 31-го Августа так же верхом вернулась в Лесор и добралась до сел. Коз где мною были отмечены памятники древности. 3-го Августа я провела в окрестн. сел. Коз не видевшим ни одного путешественника где ^{также} удалось записать неск. не записанных до сих пор сказаний. 3-го Августа через Лесор поехали верхом в Дзасский район и переночевала в сел. Ванели. 4-го Августа из Ванели поехала верхом в сел. Чедат ^(у) перевала Зильгах (где сделала обмеры и глазомерную с"емку дренн. городища Бобат и переночевала в сел. Эдисси ^{визуала} поехала в сел. Роки где произвела археологические раскопки и сделала глазомерную с"емку местностей. 6-го Августа из сел. Роки через сел. Згубири вер-

нулась в сел. Эдисси.

7-го Августа пробыла в сел. Эдисси где обследовала древ-
родище и сделала глазмерную с"емку местностей.

8-го Августа из сел. Эдисси поехала верхом в сел. Верхн.
через Нижнее и Среднее где мною были обследованы Запады.

9-го Августа из сел. Верхн.Эрмани через ~~Нухский~~ перев.
верхом /в долину Малой Дзахвы и добралась до сел. Шалаури
мною были обследованы неизв. ~~в~~ в литературе памятники в

виде западзев, могильников и древних поселений. 10-го
из сел. Шалаури сделала верхом перевал из Гнухского уезд.

Кеанское ущелье и добралась до сел. Верхн. Багн где обследо-
древние запады. 11-го Августа из сел. Верхн. Багн

Монастыри доехала верхом до ^{сел.} Ахалгори где обследовала кр-
феодалальный замок Эристовых. 12-го Августа из Ахалгори по

сел. Закар. 13-го Августа из сел. Закар, так же верхом
до гор. Цхинвали. 14-го Августа выехала из Цхинвали до сел.

где села в поезд и 19-го Августа была в Москве.

За эти два месяца проведенных мною в командировке
закончен сбор материала для составления Археологичес. ма-
урского, Куртатинского и Алагирского ущелий в Сев. Осет-
дарского, Джавского, Кемульского и Рокского районов в И.
Кроме того мною были произведены раскопки в двух пунк-
чены Музейные материалы находящиеся в Нальчике, Владик-
и Цхинвали.

Н. М. Осипова

Евг. Геор. ПУШКИН

**Материалы Е. Г. Пчелиной в московских коллекциях
(по авторским заметкам)**



Ил. 46. Штатив Е. Г. Пчелиной в качестве экспоната выставки, организованной в Малом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра РАН во время проведения конференции 17–18 октября 2019 г.

Из семейного архива Н. Г. Пчелина



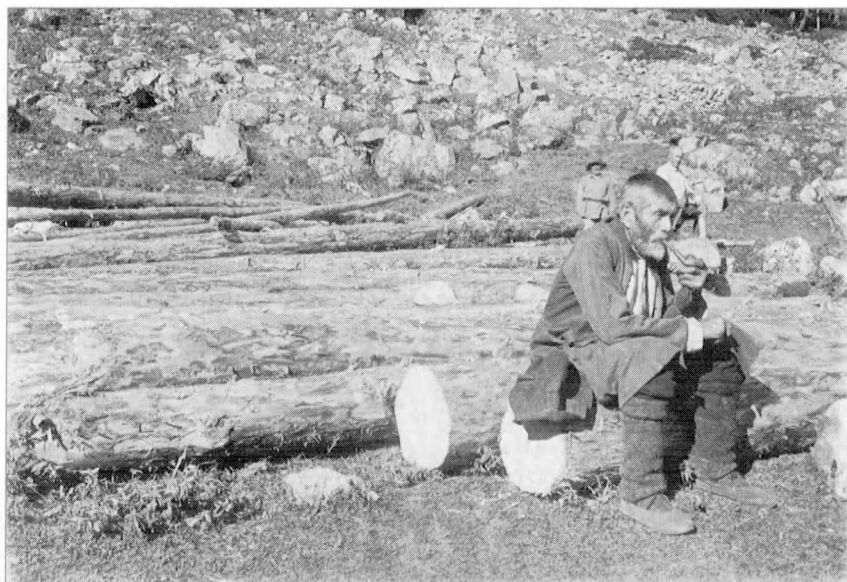
Ил. 47. Российский этнографический музей.
Витрина с осетинскими предметами. 18 октября 2019 г.

Фото Е. Г. Застрожной

Изучение святилища Реком Е. Г. Пчелиной



Ил. 48. Е. Г. Пчелина во время реставрационных работ 1936 г. в Рекоме
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 757. Л. 2

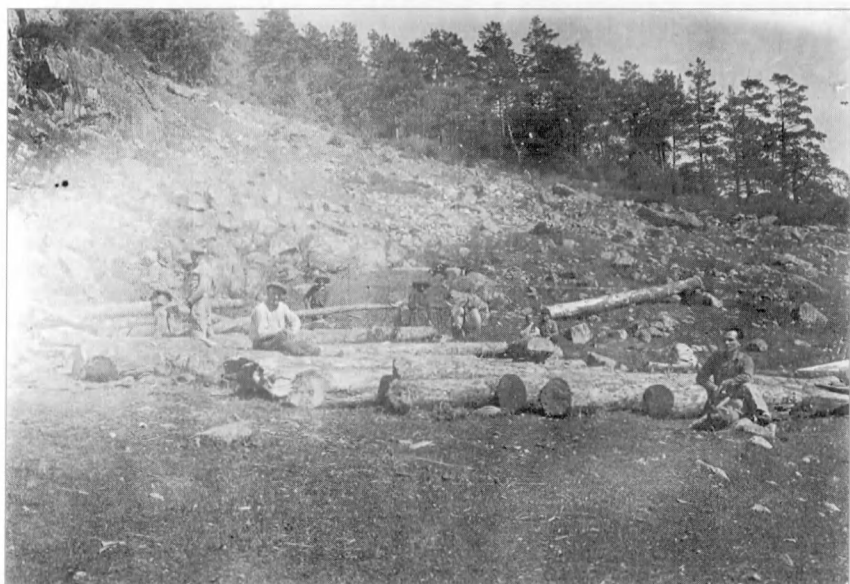


Ил. 49. Дзуарлаг Хазби Басиев (осет. Дзуары лӕг Баситы Хазби)
во время реставрационных работ 1936 г. в Рекоме
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 757. Л. 7



Ил. 50. Западный фасад святилища Реком до реставрации 1936 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 749. Л. 10



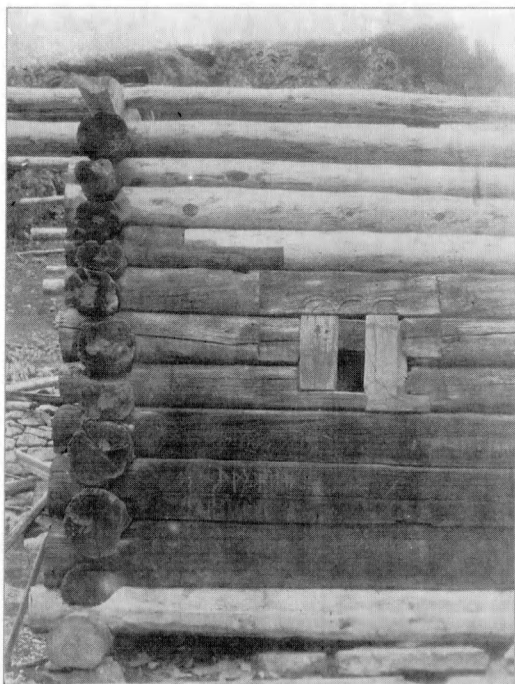
Ил. 51. Реставрация святилища Реком, 1936 г.

Сидит в белой рубашке и кепке предположительно И. П. Щеблыкин

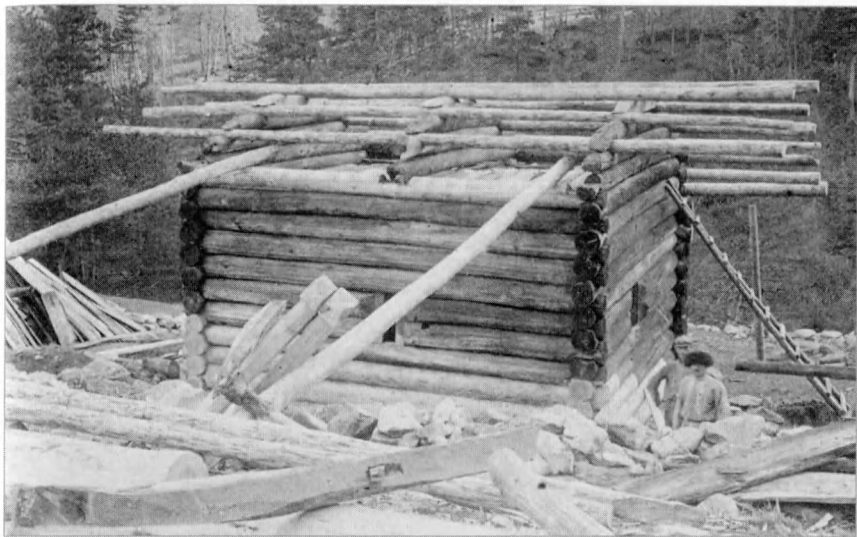
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 757. Л. 34



Ил. 52. Реставрация святилища Реком, 1936 г.
Замена нижних венцов восточного и северного фасадов
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 757. Л. 46



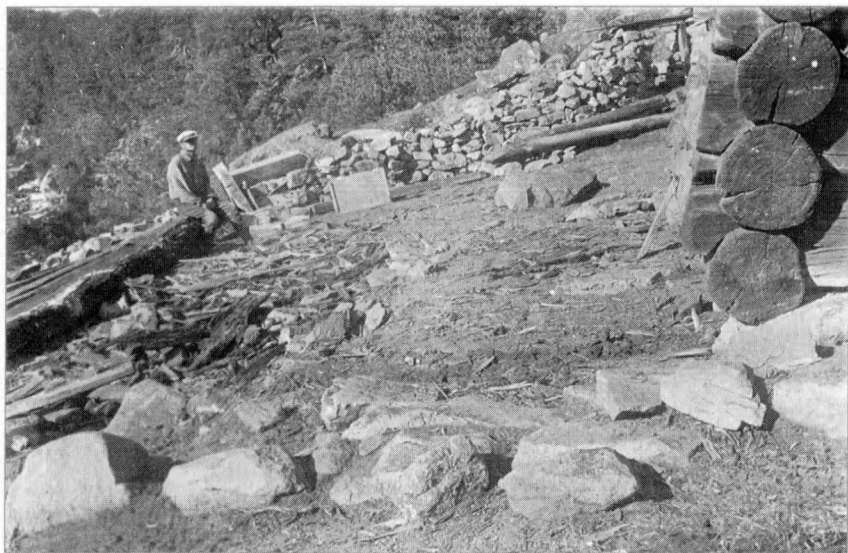
Ил. 53. Реставрация
святилища Реком, 1936 г.
Южная стена прируба.
Заменены сгнившие
бревна
© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 1. Д. 749. Л. 39



Ил. 54. Реставрация святилища Реком, 1936 г.
Этап восстановления кровли. Северный фасад
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 44. Д. 757. Л. 40

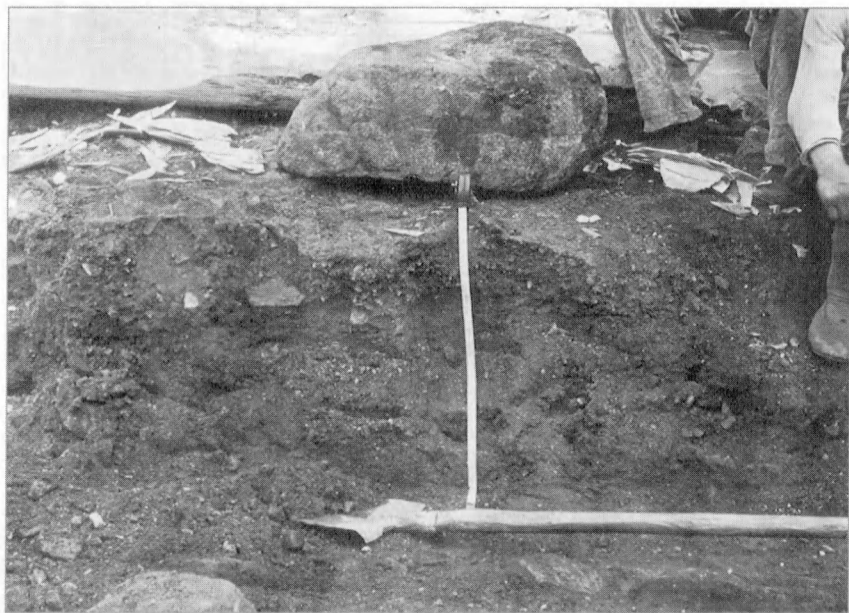


Ил. 55. Святилище Реком после реставрации 1936 г. Восточный фасад
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 749. Л. 31



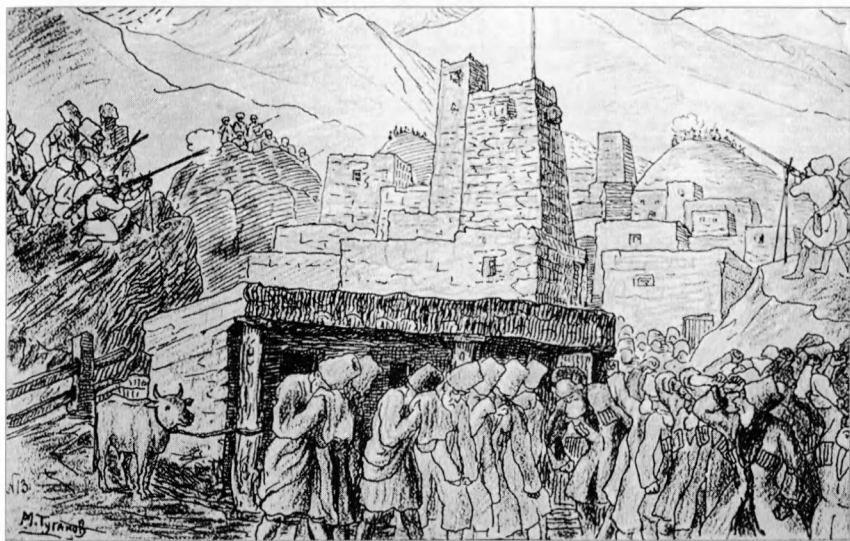
Ил. 56. Археологические раскопки на месте разобранного здания святилища Реком в сентябре-октябре 1936 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 757. Л. 27



Ил. 57. Археологические раскопки 1936 г. в святилище Реком. Северо-западная часть «дворика». Ограда святилища

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 744. Л. 8



Ил. 58. Проводы односельчанами покойного на кладбище.
Фотокопия рисунка М. С. Туганова

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 534. Л. 466



Ил. 59. «Kopal faldysoen xist». Селение Урсдон Алагирского ущелья.
11 сент. 1938 г. Фото Е. Г. Пчелиной

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 521. Л. 118



Ил. 60. Поминки (xist). Южная Осетия. Село Джава

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 540. Л. 220



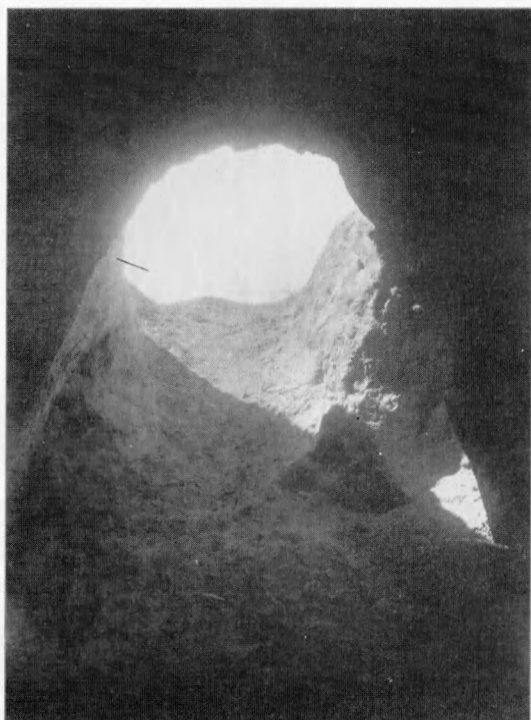
Ил. 61. Скачки в честь умершего (фотокопия с рисунка М. С. Туганова)

© СПбФ АРАН, Ф. 1017. Оп. 1. 522. Л. 469

**Материалы об исследованиях буддийского монастыря
Кара-тепе в Термезе**



Ил. 62. Научный архив Е.Г. Пчелиной. Кара-тепе, Термез, 1937 г.
«Набережная» — вид на Кара-тепе со стороны Амударьи
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 985. Л. 37



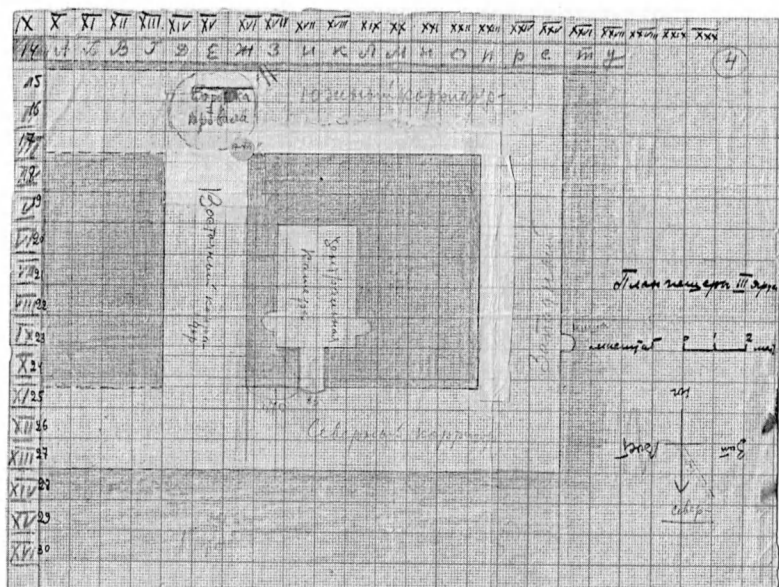
Ил. 63. Научный архив
Е.Г. Пчелиной. Кара-
тепе, Термез, 1937 г.
Пещера № 2
© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 1. Д. 985. Л. 53



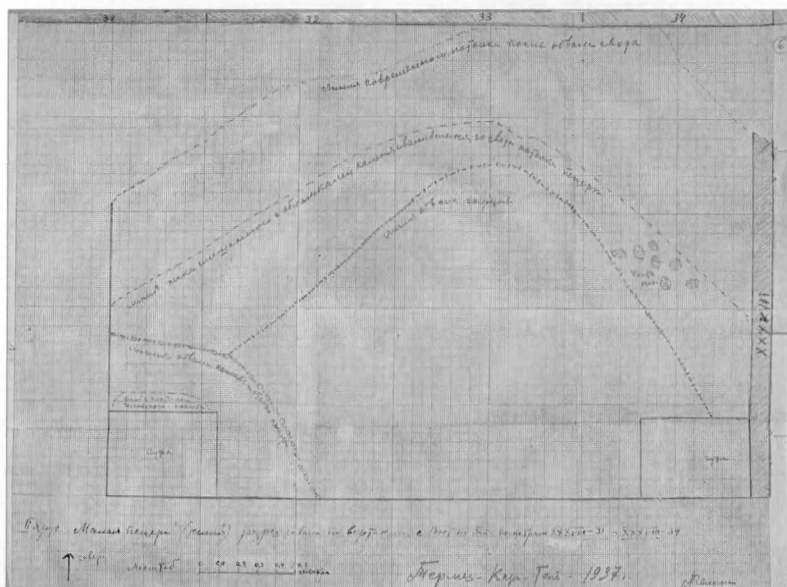
Ил. 64. Научный архив Е.Г. Пчелиной. Комплекс Кырк-Кыз, Термез, 1937 г.
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 985. Л. 44



Ил. 65. Научный архив Е. Г. Пчелиной.
Буддийская ступа
Зурмала,
Термез, 1937 г.
© СПбФ АРАН. Ф. 1017.
Оп. 1. Д. 985. Л. 40



Ил. 66. Научный архив Е. Г. Пчелиной. Кара-тепе, Термез, 1937 г.
План пещеры III яруса. Чертёж на миллиметровке
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 987. Л. 4



Ил. 67. Научный архив Е. Г. Пчелиной. Кара-тепе, Термез, 1937 г.
Разрез пещеры (келии) II яруса. Чертёж на миллиметровке
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 987. Л. 6

К статье Е. А. Анненковой

Павел Семенович Пчелин (1867–1919): к 100-летию со дня смерти



Ил. 68. П. С. Пчелин. 1902 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 151. Л. 5

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ: НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI: 10.25990/archiveras.pchelina.5m4h-1a14

А. В. Дарчиев

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева (Владикавказ)*

Л. Д. Бондарь, А. В. Газданова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Святылище Реком в Цейском ущелье: рукописное наследие Е. Г. Пчелиной

В статье дается описание и характеристика самой обширной из сохранившихся в архиве Е. Г. Пчелиной работы, остающейся на сегодняшний день в рукописи. Работа представляет собой комплексное описание осетинского святылища Реком и содержит ценные этнографические и археологические данные. Отдельное внимание уделено вопросу изучения святылища Реком в отечественной и отчасти европейской историографии.

Ключевые слова: святылище Реком, традиционный культ осетин, рукописное наследие Е. Г. Пчелиной.

A. V. Darchiev

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian
and Social Studies (Vladikavkaz)*

L. D. Bondar, A. V. Gazdanova

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

The Rekom Sanctuary in Tsey Gorge: E. G. Pchelina's Manuscript Heritage

The article describes and characterizes the most extensive work from E. G. Pchelina's archive that remains unpublished for today. The work is a comprehensive description of the Ossetian sanctuary Rekom

and contains valuable ethnographic and archaeological data. Special attention is paid to the study of the Rekom sanctuary in the national and partly European historiography.

Key words: Rekom sanctuary, traditional Ossetian worship, E. G. Pchelina's manuscript heritage.

При знакомстве с документальным наследием Евгении Георгиевны Пчелиной становится очевидно, что научный материал, оставшийся в рукописях, своим объемом значительно превосходит то, что было опубликовано исследовательницей при жизни. Активная и масштабная экспедиционная деятельность, охватившая территорию всей Осетии (как Северной, так и Южной), тщательность проведения научных работ, граничащая с перфекционизмом, и, не в последнюю очередь, непростая внутривластная обстановка 1930–1940-х гг. не позволили Е. Г. Пчелиной обнародовать огромный массив ее разработок. При этом архивное рукописное наследие ученого остается крайне востребованным и сегодня.

На фоне большого числа сохранившихся в фонде Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН рукописных текстов разной степени готовности выделяется работа, посвященная осетинскому святилищу Реком в Цейском ущелье [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 786, 787, 791, 792, 795, 796, 802, 803, 808, 810, 826, 832].

Рукопись представляет собой текст, дошедший до нас в нескольких редакциях¹ и включающий следующие разделы с авторскими названиями: «Что известно в литературе о святилище Реком в Цейском ущелье» (библиографическое введение и детальное источниковедческое исследование, содержащее, в том числе, критику источников), «Географическое положение Цейского ущелья» (с детальной характеристикой топографии местности, растительности и других географических особенностей района на момент исследований в 1920–1930-х гг.), «Конструкция здания святилища Реком в Цейском ущелье» (содержит важные сведения об угасшей традиции сооружения на Кавказе бревенчатых построек и семантическом значении отдельных частей здания), «Кувд» (т. е. моление, сопровождаемое обрядовым пиршеством; раздел включает постановку вопроса о синкретизме традиционных верований и христианской религии

¹ При выявлении фрагментов и вариантов рукописи неоценимую помощь оказал внук Е. Г. Пчелиной, Николай Георгиевич Пчелин, предоставив материалы домашнего архива.

в Осетии и трансформации культового назначения святилища), «Божества святилища Реком» (является систематизированным представлением традиционного осетинского пантеона, основанным не только на известных эпических текстах, но и на данных многочисленных полевых материалов, как обнаруженных ею в осетинских архивах, так и (преимущественно) собранных лично). В работе предполагались еще два раздела. Первый из них остался у автора без названия и получил во время обработки фонда рабочий заголовок «Раскопки Е. Г. Пчелиной 1936 г. в святилище Реком в Цейском ущелье»; для этого раздела автором была подготовлена опись археологических находок. Завершающий раздел получил название «Заключение»; он также не завершен, но, согласно записям, должен был представить значение святилища для истории осетинского народа.

Временем создания рукописи следует считать конец 1940-х гг. (на одном из ее вариантов имеется дата — 1948 г.), т. е. завершающий период официальной трудовой карьеры Е. Г. Пчелиной, которая в 1952 г. вышла на пенсию и больше не занимала штатных должностей в научных учреждениях. Таким образом, и с точки зрения полноты охвата проблемы, и с точки зрения времени его написания фундаментальный труд Е. Г. Пчелиной о Рекоме является венцом ее многолетней научной деятельности.

Значение этой рукописи сложно переоценить. До Е. Г. Пчелиной святилище Реком не становилось предметом специального монографического исследования, хотя упоминания о нем встречаются едва ли не во всех работах, в той или иной мере затрагивающих вопросы истории материальной и духовной культуры осетинского народа.

Первые сведения о Рекоме содержатся в донесении 18 июля 1780 г. протопопа Иоанна Болгарского епископу астраханскому и ставропольскому Антонию. Согласно его описанию, святилище в Рекоме — это деревянная церковь во имя Святой Троицы с настенной росписью и иконами [Русско-осетинские отношения..., 1984, с. 385].

Позднее о Рекоме писали известные исследователи Кавказа XIX в. Немецкий ориенталист, академик Петербургской АН Юлиус Генрих Клапрот (*Julius Heinrich Klapproth*), побывавший в Осетии в 1807–1808 гг., также упоминает старую церковь Реком-дзуар, в которой хранилось много серебряной утвари и других вещей, а в день Вознесения устраивалось большое пиршество [Klapproth, 1814, S. 377]. Подробное описание Рекома и хранившихся в нем реликвий оставил российский военный, участник восстания декабристов Владимир Сергеевич Толстой, посетивший святилище в 1847 г. во время службы на Кавказе. Он сообщает

о некоторых проводившихся здесь ритуалах, в частности воинском обычае братания перед отправлением в поход [Толстой, 1997, с. 67–78, 122, 123]. Свидетельства В. С. Толстого являются важным источником для изучения Рекома. В 1869 г. здесь побывал этнограф и путешественник по Осетии Владимир Богданович Пфаф. Его наблюдения в основном совпадают с описанием В. С. Толстого, в то же время у В. Б. Пфафа мы находим первое упоминание о хранившихся в Рекоме шлеме, копье и колчане легендарного осетинского героя Ос-Багатара [Пфаф, 1871, с. 127–176]. В 1879 г. святилище посетила известная исследовательница Кавказа, историк и археолог Прасковья Сергеевна Уварова. В подробном описании она сообщает интересные детали о проводившемся в Рекоме празднике, который длился целую неделю. Святилищем и подношениями, согласно П. С. Уваровой, заведовали три выбранных из народа жреца [Уварова, 1887, с. 60–65]. В 1880 г. в Рекоме побывал выдающийся русский ученый, языковед и этнограф Всеволод Федорович Миллер. Его описание не добавило новых сведений, однако В. Ф. Миллер высказал любопытное предположение о том, что «Рекомская часовня была построена во времена влияния Грузии на Осетию в честь св. Георгия» [Миллер, 2007, с. 382]. Известный немецкий кавказовед и путешественник Карл Федорович Ган (*Karl von Hahn*) оставил интересное описание хранившихся в Рекоме реликвий, упоминая, между прочим, некоторые редкие для Кавказа образцы средневекового вооружения (в частности, арбалет — *Armbrust*) [Hahn, 1900, S. 53].

Не позднее 1913 г. на Кавказе побывал немецкий энтомолог Рудольф Рангнов (*Rudolf Rangnow*), который в своей книге (вышедшей уже после его смерти — в 1941 г.) приводит уникальные сведения о совершавшихся в Рекоме ритуалах: окропление (или крестообразное помазание) паломников кровью жертвенного животного, экстатическое прорицание одного из жрецов и др. [Rangnow, 1941, S. 136–142]. Сведения Р. Рангнова, несомненно, заслуживают внимания и критического анализа.

В советский период Реком стал объектом специального научного изучения. В 1928 г. святилище обследовала Северокавказская археологическая экспедиция ГАИМК под руководством Александра Александровича Миллера [Археологические экспедиции..., 1962, с. 22, 23; Дарчиев, 2017, с. 173–182]. А. А. Миллер с поразительной точностью зарисовал хранившийся в Рекоме шлем легендарного правителя осетин Ос-Багатара и некоторые другие предметы: наружную дверь, закрытое ставней окно, дверной косяк с замочной пластиной, ромбовидные наконечники стрел. Эти изображения содержат неизвестные

по другим источникам детали, поэтому могут способствовать более точной реконструкции соответствующих элементов святилища.

В 1936 г. Е. Г. Пчелина совместно с архитектором Иваном Павловичем Щеблыкиным выполнила научную реставрацию Рекома. После того как старое здание святилища было разобрано, Е. Г. Пчелина произвела на его площадке археологические раскопки, давшие огромное количество предметов — 11 336² [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 680. Л. 29]. С этого времени всестороннее изучение Рекома стало занимать приоритетное место в широком спектре научных интересов Е. Г. Пчелиной. Однако не только ее большое итоговое исследование до сих пор не увидело свет, но научному сообществу не были представлены и результаты ее археологических раскопок, что послужило поводом для упреков в адрес ученого [Кузнецов, 1990, с. 12].

После Е. Г. Пчелиной специальных исследований Рекома не проводилось, но в отдельных публикациях суммировались накопленные о нем знания. Осетинские обряды и верования, связанные с этим святилищем, рассматривались в специальной статье А. Х. Магометова [Магометов, 1968, с. 365–397], в монографиях Б. А. Калоева [Калоев, 1971, с. 257–260] и Л. А. Чибирова [Чибиров, 1976, с. 157–159]. Но наиболее значительной работой на сегодняшний день остается вышедшая в 1990 г. монография В. А. Кузнецова, в которой проблеме Рекома посвящена отдельная глава [Кузнецов, 1990, с. 5–49]. Ученый установил, что развитые архитектурные формы Рекома свидетельствуют о длительной предшествующей традиции деревянного зодчества, корнями уходящего в эпоху кобанской культуры первой половины I тыс. до н. э. В истории Рекома В. А. Кузнецов выделил три периода: 1) языческий XIV–XV вв.; 2) христианский XVI–XVII вв.; 3) языческий XVIII — начала XX в. Исследователь приходит к выводу о тесной связи Рекома с Грузией на протяжении всей истории существования святилища. Следует отметить, что предложенная автором периодизация вызвала серьезные критические замечания [Абаев, 1990, с. 459, 460]. Кроме того, датировки В. А. Кузнецова не всегда согласуются с результатами археологических раскопок, проведенных в Рекоме Е. Г. Пчелиной [Кузнецов, 1990, с. 23].

Вся последующая историография вопроса исчерпывается несколькими статьями, посвященными отдельным предметам из Рекома, хранящимся в различных музейных коллекциях, и некоторым

² По данным В. А. Кузнецова. В документах СПбФ АРАН находим уточненную цифру, приводимую Е. Г. Пчелиной, — 11 336 (см. статью А. В. Газдановой в настоящем сборнике).

частным аспектам изучения святилища [Дарчиев, 2011; Дружинина, 2012, 2013; Штырков, 2015].

Сегодня ситуация такова, что слова В. А. Кузнецова, сказанные им почти тридцать лет назад, сохраняют свою актуальность: «Как это ни парадоксально, ни святилище как историко-архитектурный памятник, ни археологический материал из него до сих пор не опубликованы и не интерпретированы» [Кузнецов, 1990, с. 9]. Книга В. А. Кузнецова в определенной мере восполнила этот пробел, однако фундаментальное исследование о Рекоме Е. Г. Пчелиной, остающееся в рукописи, несомненно, превосходит по своей значимости все вышеперечисленные работы.

Никто из исследователей не занимался изучением Рекома так долго и тщательно, как Е. Г. Пчелина. На момент раскопок святилища Е. Г. Пчелиной в 1936 г. там существовали еще аутентичные постройки, либо их остатки, а также предметы votivного характера, сохраняемые в этом святом месте. За годы советской власти традиционный культовый центр понес невосполнимые потери, включая разрушение строений святилища, реставрация которых стала возможна благодаря исследованиям Е. Г. Пчелиной. Многие обнаруженные в святилище, изученные и описанные ею предметы сегодня утрачены, включая и те, что были переданы в свое время на музейное хранение. Информация о них сохранилась в архиве ученого в описаниях и изображениях.

Речь не только об археологической стороне проблемы. Будучи блестящим этнографом, Е. Г. Пчелина смогла всесторонне и глубоко описать и исследовать сложный культ божества, почитавшегося в Рекоме. Особая ее заслуга состоит в письменной фиксации народных преданий о Рекоме, которые проливают свет на архаичные религиозно-мифологические представления осетин. Сбор и запись этого материала были возможны в 1930-е гг.; сегодня уже, к сожалению, ушло из жизни то поколение осетин, для которого традиционные обряды были неотъемлемой частью быта и которое сохранило в памяти незаписанные предания. Е. Г. Пчелина успела зафиксировать многое из того, что ушло сегодня из народной памяти. Сохранившиеся сведения о методике сбора ею этнографических данных, проходивших коллективную проверку среди интервьюируемых жителей, вызывают исключительное доверие к ним у современных ученых.

Исследование Е. Г. Пчелиной уникально также с методической точки зрения. В ее работе святилище Реком подверглось всестороннему комплексному изучению на основе сведений письменных,

археологических, этнографических и фольклорных источников. Впервые в ритуале и верованиях, связанных со святылищем Реком, выявляются и элементы архаичных религиозно-мифологических представлений, и несомненные следы более позднего христианского влияния. Определенная новизна состоит в рассмотрении социального аспекта отправлявшегося в Рекоме культа, изучении роли выборных жрецов святылища в общественной жизни горцев-осетин, а также в исследовании этнокультурных связей горной Осетии, выявляемых на основе материалов из Рекома.

Рассматриваемая рукопись Е. Г. Пчелиной — это не только бесценный источник информации и ее системного аналитического изложения, но и свидетельство глубины погружения автора в изучаемые вопросы и эффективной методики ее полевых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И. О работе В. А. Кузнецова «Реком, Нузал и Царазонта» // Абаев В. И. Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т. 1. С. 457–464.
- Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг.: указатель. М., 1962. 264 с.
- Дарчиев А. В. О некоторых реликвиях святылища Реком. Владикавказ, 2011. 83 с.
- Дарчиев А. В. Из материалов археолого-этнографических экспедиций А. А. Миллера в Северную Осетию (1923–1928 гг.) // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 173–182.
- Дружинина И. А. Комплекс предметов вооружения из святылища Реком как источник по истории ближневосточно-кавказских связей на рубеже XIII–XIV вв. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: тез. докл. и сообщ. IV Международного византийского семинара / Национальный заповедник «Херсонес Таврический», Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины. Севастополь, 2012. С. 15–17.
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н. О старых и новых находках предметов вооружения из североосетинского святылища Реком // Очерки средневековой археологии Кавказа: К 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова / отв. ред. В. И. Козенкова. М., 2013. С. 74–81.
- Калоев Б. А. Осетины. М., 1971. 357 с.
- Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990. 200 с.
- Магомедов А. Х. Реком // Ученые записки СОГПИ. 1968. Т. 28, вып. 2. С. 365–397.
- Миллер В. Ф. В горах Осетии // Миллер В. Ф. В горах Осетии / сост. Т. А. Хамцаева. Владикавказ, 2007. С. 343–384.

- Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. I. С. 127–176.
- Русско-осетинские отношения в XVIII веке: сб. докладов / сост. проф. М. М. Блиев. Орджоникидзе, 1984. Т. 2: 1764–1784 гг. 439 с.
- Толстой В. С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997. 128 с.
- Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887. Т. I. 326 с.
- Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. 281 с.
- Штырков С. А. Осетинское святилище Реком: старая фотография из фондов МАЭ и советские корни религиозного традиционализма // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 2015. С. 266–286.
- Hahn C. von. Bilder aus dem Kaukasus: Neue Studien zur Kenntnis Kaukasiens. Leipzig, 1900. 335 S.
- Klaproth J. von. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Halle; Berlin, 1814. Bd. 2. 626 S.
- Rangnow R. Im Land des schwarzen Windes. Unter Kosaken und Kaukasiern. Braunschweig, 1941. 216 S.

А. В. Газданова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Изучение святилища Реком Е. Г. Пчелиной

В статье характеризуется комплексное изучение Евгенией Георгиевной Пчелиной (1895–1972) святилища Реком в Цейском ущелье Северной Осетии. Работы 1936 г. включали полноценную реставрацию памятника деревянного зодчества, выполненную под ее руководством, и археологические раскопки, давшие 11 336 предметов. Материалы, накопленные в ходе этих исследований, сведения этнографического плана, почерпнутые в первую очередь от старожилов местности, многолетние наблюдения Е. Г. Пчелина планировала обобщить в своем главном труде — докторской диссертации, над которой она работала с 1948 по 1955 г. Сохранившиеся в архиве черновики, заметки, фотографии, библиографические подборки, касающиеся исследования этой темы, позволяют представить масштаб проделанной работы.

Ключевые слова: святилище Реком, осетины, Е. Г. Пчелина.

A. V. Gazdanova

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Study of the Rekom Sanctuary by E. G. Pchelina

The article describes Evgenia Georgievna Pchelina's (1895–1972) comprehensive study of the Rekom sanctuary in Tsey Gorge, North Ossetia. The works, carried out under her leadership in 1936, included a complete restoration of this monument of wooden architecture and archaeological excavations having revealed 11,336 objects. The materials accumulated in the course of these works, information of ethnographic nature collected primarily from the old residents of the area as well as long-term observations were supposed to be compiled in E. G. Pchelina's

main work — her doctoral dissertation, on which the researcher had worked from 1948 to 1955. The materials preserved in the archive, which include drafts, notes, photographs and bibliographic collections relating to the study of this topic, allow us to imagine the scope of the accomplished work.

Key words: Rekom sanctuary, Ossetians, E. G. Pchelina.

Знаменитое святилище Реком находится в глубине Цейского ущелья Северной Осетии и является уникальным памятником деревянного зодчества [Кузнецов, 1990, с. 5]. Кроме того, оно связано с глубинными пластами истории и культуры осетинского народа. По преданию, в нем хранились шлем, копье и колчан легендарного героя Ос-Багата (осет. *Ос-Багъатыр*).

Святилище Реком со времени первого упоминания о нем в 1780 г. вплоть до настоящего времени привлекает к себе интерес путешественников, любителей старины и профессиональных исследователей. Начиная со второй половины XIX в. этому памятнику и реликвиям, хранящимся в нем, в своих работах уделили внимание В. Б. Пфаф, П. С. Уварова, В. Ф. Миллер, А. А. Миллер, А. Х. Магомедов. Изучению святилища посвящена глава монографии В. А. Кузнецова. В настоящее время его изучение продолжают А. В. Дарчиев, И. А. Дружинина, В. Н. Чхаидзе и др.

Среди этой плеяды ученых особенно хотелось бы выделить имя Евгении Георгиевны Пчелиной, для которой исследование святилища Реком стало практически делом всей жизни. Она не только участвовала в реставрационных работах, проводила археологические раскопки на территории святилища в 1936 г., но и на протяжении ряда лет (ежегодно с 1926 г., кроме 1931 и 1940–1945 гг. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 787. Л. 96]) от «дзуарлагов (священнослужителей) и местных жителей собирала сведения о божествах, почитавшихся в священном заповеднике Реком, фиксировала топографию значимых для паломников мест, наблюдала «куывд»-ы (ритуальные пиршества, сопровождающиеся молитвой) — словом, осуществила подлинно всестороннее исследование памятника (ил. 48 на вклейке). «Изучая различные вопросы, связанные с другими темами, я никогда с 1926 г. не забывала о Рекоме, выписывая на карточки все, что мне помогло бы помочь отгадать, что такое Реком» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 759. Л. 82].

В списке 1958 г. среди подготовленных к печати работ значится лишь одна с названием «Реком» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 28.

Л. 3]. Однако и она не увидела свет. Основной массив собранных Е. Г. Пчелиной за весь период изучения святилища (1926–1965) данных не был введен в научный оборот при жизни автора. Из оставленных ею многочисленных заметок следует, что собранный по «Священному заповеднику Реком» материал должен был быть обобщен в ее докторской диссертации, впоследствии — монографии, но, к сожалению, эта работа так и не была завершена¹.

Основным источником реконструкции этапов работы Евгении Георгиевны в Рекоме стали сохранившиеся записки и наброски, вероятно предназначенные для введения к докторской диссертации [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 750]. В них отражен ход мыслей Евгении Георгиевны в процессе разработки темы, названы промахи и ошибки, отмечены сложности, с которыми ей пришлось столкнуться при ведении полевых работ и др. Образно говоря, это «рассказ» самой Е. Г. Пчелиной о своем многолетнем научном труде — изучении святилища Реком.

Впервые Евгения Георгиевна посетила его в 1926 г., будучи старшим научным сотрудником Государственного исторического музея и Научно-исследовательского института народов Востока РАНИОН (так, несколько сокращенно, она именovala учреждение в своих записях) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 22. Л. 4]. «Я поехала по командировке этих двух учреждений в Алагирское ущелье Северной Осетии в контакте с СОНИИ» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 22. Л. 4]; «И то, что я там увидела, показалось мне ребусом. С тех пор работая над археологией, этнографией, фольклором осетин, я никогда не забывала о Рекоме и во всем старалась отыскать те путеводные нити, которые помогли бы мне покатить клубок» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 750. Л. 96].

К изучению святилища Реком Е. Г. Пчелина приступила в переломный для народов страны период: «Мною захвачены концы у предела их исчезновения. Быстрое исчезновение религиозного культа под наступом социально-культурной ломки старого быта, добровольного переселения осетин из горных районов в плоскостные, оставление культовых мест, безбожие молодежи. Вымирание стариков дзуарлагов» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 750. Л. 83]; «Хранителями священных традиций святилища Реком остались только старики из колена Тидлате — жители цейских селений, а также старики и более

¹ Автор благодарит Антона Вячеславовича Блажко за помощь в выявлении и датировании текстов монографии и диссертации, посвященных святилищу Реком.

молодые мужчины из других колен того же рода Багатара, которому принадлежал заповедник Реком в силу их религиозной направленности, частично и несения жреческих обязанностей» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 750. Л. 417] (ил. 49 на вклейке).

С 1926 по 1934 г. разработка избранной темы шла малоуспешно. Причиной тому были «замкнутость осетинского быта и трудность получения материала по многим вопросам материальной культуры народа, усугубленные тем, что я, женщина, говорю о предметах, лежащих в сфере мужского быта» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 750. Л. 135]. В то время осетинским женщинам было запрещено появляться на поляне святилища, восточной границей которой служила священная яблоня. Тем не менее для получения необходимых сведений о святилище, его конструкции, внутреннем обустройстве требовалось наладить контакт с местными жителями: «...надо было заставить стариков дзуарлагов Рекома поверить в важность изучения святилища, для того, чтобы получить их помощь в показе новых частей здания и правдивом рассказе» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 750. Л. 97].

В 1934 г. Евгении Георгиевне помогло «случайное обстоятельство приручения птички, привезенной из Алагира в кастрюле, завязанной марлей»: «Я решила ее выпустить в горах, но она не улетела, а села мне на голову, и в таком виде я пришла на цейскую турбазу, где сторожем служил один из дзуарлагов Рекома, который до этого совершенно игнорировал мои попытки проникнуть в сущность культа Рекома. Мое появление на поляне Реком, а затем в селении Цей с птицей, реющей над моей головой и садящейся на меня, произвело потрясающее впечатление, после которого за мной установилось прозвище дзуари ус — то есть жрицы» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 22. Л. 4].

Этот случай позволил Е. Г. Пчелиной приступить к полноценному изучению избранной темы в последующие десятилетия. «Для того, чтобы все это увидеть и понять, потребовались те двадцать лет, которые я потратила на изучение святилища Реком. Надо было вжиться не только в весь общий облик этого здания, но и в каждое бревно, в каждую выщербинку на нем, которая говорила о времени его появления» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 750. Л. 97].

Учитывая масштаб собранного за десятилетия материала, широкий спектр тем исследования и объемы выполненных работ, хотелось бы остановиться на трех основных направлениях в изучении святилища Е. Г. Пчелиной: реставрации, археологических раскопках

и подготовке обобщающей работы — докторской диссертации или монографии.

Фотографии, сделанные в первой трети XX в. Г. А. Вертеповым, К. Щебровским [Кузнецов, 1990, с. 156], Е. Г. Пчелиной и И. П. Щеблыкиным [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 740], фиксируют аварийное состояние здания святилища: прируб, отошедший по шву от основного помещения, крен постройки в северную сторону, негодность крыши. Е. Г. Пчелина приводит пять упоминаний о ремонтных работах ранее 1936 г. (до 1879 г., 1880-е гг., 1901 г., 1909 г.), «последние из которых производились родом Осигагата в Рекоме в 1916 г.» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 786. Л. 76–78]. Она писала, что «мелкие ремонтные работы — как смена теса — происходили примерно через каждые 10 лет, более крупные работы производились через 25–30 лет» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 786. Л. 78].

Еще во время экспедиции 1928 г. при осмотре здания святилища Реком А. А. Миллер и Н. Б. Бакланов, не имея возможности произвести полноценные реставрационные работы, ограничились установкой двух небольших подпорок с северной стороны здания, чтобы предотвратить его разрушение [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 786. Л. 79] (ил. 50 на вклейке). Тогда же Н. Б. Бакланов выполнил схему-чертеж, на которой были «намечены к смене те совершенно сгнившие части здания Рекома, которые, превратившись в труху, дали сначала перекос, а затем и падение здания на бок» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 786. Л. 80].

Ввиду аварийного состояния здания святилища Реком, по постановлению Совнаркома РСФСР были отпущены средства на его реставрацию. В сентябре-октябре 1936 г. эту первую научную реставрацию с помощью рабочих, выбранных из местных жителей, осуществили Евгения Георгиевна Пчелина в качестве руководителя и художник, архитектор-реставратор, знаток средневековых кавказских памятников Иван Павлович Щеблыкин (1884–1947) (ил. 51 на вклейке).

За основу проекта была взята упомянутая схема-чертеж Н. Б. Бакланова. Кроме того, «очень помогли также советы и указания стариков из рода Осигагата, добровольно и безвозмездно просидевших на поляне Реком за забором святилища во все время производства работ, не упуская из своего внимания ни малейшего распоряжения И. П. Щеблыкина и обсуждая с ним все детали работ» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 786. Л. 80]. В результате «была поднята северная стена сруба главного помещения святилища, в которую было подставлено целиком пять новых венцов. В стены же восточную и западную в их

северо-восточном и северо-западном углах были подставлены части пяти нижних венцов, вследствие чего перекося здания был уничтожен (ил. 52 на вклейке). В то же время частично были сменены сгнившие части бревен и в остальных частях здания (ил. 53 на вклейке). Кроме того, частично возобновлена кровля и колоннада, поддерживающая ее» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 778. Л. 109] (ил. 54 на вклейке).

В ходе этих работ Е. Г. Пчелина пришла к выводу, что от первоначальной постройки святилища Реком сохранились лишь «первые 6 венцов сруба, оставшиеся целиком в южной его стене — внутренней, защищенной от атмосферных осадков прирубом, обе двери святилища и западное и восточное оконца сруба» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 778. Л. 109]. Все остальное было обновлено в результате проводившихся ранее ремонтных работ.

Уже в 1970-е гг. Б. В. Гнедовский, уполномоченный произвести очередные ремонтно-реставрационные мероприятия, в личной переписке с Е. Г. Пчелиной дал такую оценку их с И. П. Щеблыкиным работе: «Наличие ваших материалов позволило мне исчерпывающим образом проследить последовательность основных ремонтных работ и частично их характер... В общем, моя работа реставратора этого объекта рисуется минимальной. В 1936 г. была проделана огромная, научно обоснованная и даже с современной точки зрения методологически безупречная работа. О ней надо „поведать миру“» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 89. Л. 7–8]. Такую же высокую оценку результатам проведенной тогда реставрации дал и В. А. Кузнецов [Кузнецов, 1990, с. 13] (ил. 55 на вклейке).

Из сохранившегося в архиве Е. Г. Пчелиной документа с названием «Схематический план отчетной выставки по реставрации Рекома в Северо-Осетинском областном музее» следует, что сразу после проведенных работ планировалась такая выставка [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 717. Л. 1–9]. Материалы по реконструкции здания, включая графические, находились у И. П. Щеблыкина. После его смерти в 1947 г. они были переданы Е. Г. Пчелиной, которая готовила докторскую диссертацию (позже монографию) о памятнике, включавшую главу «Конструкция святилища Реком», в частности параграф «Реставрация святилища Реком». Однако в экземпляре диссертации/монографии, имеющемся в архиве, этот параграф отсутствует. Е. Г. Пчелина пометила, что он находится в доработке и пока (на 1948 г.) не отпечатан [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 786. Л. 89].

Первые раскопки на территории Рекома, ограниченные по объему, были произведены в 1901 г. Б. В. Миллером, сыном В. Ф. Миллера

[Туаллагов, 2014, с. 138]. Е. Г. Пчелина в 1936 г. произвела археологические раскопки во время реставрационных работ во «дворике» и на территории разобранного здания святилища (ил. 56–57 на вклейке). Как писала об этом она сама, раскопки не были закончены: «Тогда мне удалось вскрыть только верхний поддверный слой „дворика“, насыщенного вотивными приношениями, попавшими в почву в результате разбросанных вещей, затоптанных и разломанных туристами...» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 668. Л. 3]. «Раскопка мною не закончена. Была проведена первая часть работы. Реставрация. А следующий год работать не удалось» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 787. Л. 32].

По имеющемуся в архиве полевому дневнику на отдельных листках (или выпискам из него) можно проследить ход археологических раскопок, произведенных в сентябре-октябре 1936 г. Прочитируем некоторые из них, где говорится о «находках» в ходе работ. 27 сентября: «Раскопка у северной стены Рекома ничего не дала. Обнаружено по направлению к восточной стороне двора в метре нечто вроде сложенного из камней очага. Но я и Кесаев решили, что это не очаг, а случайное смещение кладки стены забора...» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 787. Л. 1]. Записи от 3 октября: «Раскопка внутри разобранного здания Рекома» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 787. Л. 3]; «По разборке здания Реком под остатками перегнивших бревен лежат более крупные камни, служившие как бы основанием первому бревну сруба Рекома. Камни эти лежат без всякого порядка...» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 787. Л. 4]; «Обнажили ряд камней, образующих подкладку под западной стеной...» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 787. Л. 6]. 22 октября: «Во время разборки юго-восточного угла ограды дворика для сохранения от дальнейшего разрушения за разбросанными камнями оказался грунт, состоящий из темного перегноя с мелкими камнями, что указывает на то, что эта часть, т. е. южная, насыпная²...» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 680. Л. 10]. 23 октября: «Во время снятия наносного грунта у северной стены дворика Рекома в ее Западном участке обнаружилась старая кладка забора, служащая основанием для современной каменной стены. Основание этой кладки лежит на уровне линии фундамента Рекома» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 787. Л. 11].

В ходе раскопок из грунта было извлечено 11 336 предметов. Основная их часть представляла собой жертвенные приношения

² Подчеркнуто автором зеленым карандашом.

нысайнагта, которые «попали туда [в землю. — А. Г.] очень недавно после допуска туда [в Реком. — А. Г.] туристов» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 680. Л. 29]. «Из особенно интересных вещей, найденных во „дворике“ Рекома, надо обратить внимание на: бронзовые пряжки, фибулы, налокотники, спиральные провололочные кольца — кобанской культуры; стрелы, пряжки и умбон от убора коня — скифской эпохи. Ряд бус, относящихся к первым столетиям до нашей эры, бытовавших у сармат: большое количество женских украшений, вывезенных из греческих черноморских колоний. Затем вещи, принадлежащие к так называемой алано-хазарской культуре — женские и мужские украшения VI–IX вв. н. э. Кроме того, имеется много вещей, знакомых нам из славянских курганных погребений, и в частности — славянские височные кольца различных типов (XII–XIV вв.). Кроме того, здесь найдено очень большое количество персидской поливной керамики, есть подражание китайскому фарфору. Интересна также турецкая фаянсовая посуда XVI–XVII вв. Огромное количество иноземных вещей, найденных при раскопках в Рекоме, говорит о широких военных и культурных связях народа, жившего здесь, с окружающими странами, иногда даже очень далекими» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 701. Л. 3]. Исследовательница отмечала, что значение святилища Реком как древнейшего культового места осетин сохранилось и к периоду реставрации.

Несмотря на множество подготовительных материалов, имеющих в архиве (заметок, подборок аналогий найденным археологическим предметам, типологических таблиц), Е. Г. Пчелина так и не опубликовала результаты проведенных археологических раскопок. Какое этому можно найти объяснение? Вероятно, несостоявшееся продолжение раскопок в 1937 г., множество других, параллельных разведочных работ в разных районах Осетии, а также обстоятельства личной жизни не позволили Евгении Георгиевне завершить начатое вовремя.

Более десяти лет спустя, в 1947 г., Е. Г. Пчелина приступила к подготовке докторской диссертации, основой которой стали материалы исследования святилища Реком, в том числе археологические. Она писала: «Поскольку данная работа не имеет целью специальное исследование археологических предметов, добытых мною в раскопках 1936 г. в Рекоме, то я беру из 11336 предметов те, которые могут дать мне данные в качестве как исторического источника в отношении даты или связей с ... иной страной или народом» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 701. Л. 7]; «Изучение нысайнагта Рекома требует и особой

монографии..., так что в данной работе этот материал привлекается мною в грубых делениях по эпохам и культурам для датировки времени производимых здесь кувдов» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 701. Л. 12]. Пытаясь определить дату возникновения святилища, Е. Г. Пчелина отмечала: «Древность поселения в Уаллагире доказывалась древностью культа Реком и археологическими предметами, относящими этот культ к концу II тыс. до н. э.» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 701. Л. 2]. Много позже В. А. Кузнецов, опираясь на результаты лихенометрического анализа³, пришел к выводу, что здание Реком не могло быть построено раньше XII в. [Кузнецов, 1990, с. 32]. В главу VI работы о Рекоме, рукописный конспект которой имеется в архиве, автор планировал включить опись предметов, найденных при раскопках 1936 г.

Итогом многолетней работы Е. Г. Пчелиной над темой должна была стать ее докторская диссертация, над которой она вела работу с конца 1940-х гг. по 1952 г., а в дальнейшем, видя работу уже монографией, переделывала некоторые главы вплоть до 1965 г. Так, на последней странице машинописи главы I «Что известно в литературе о святилище Реком» есть помета ее рукой: «Надо будет внести в список несколько мелких упоминаний о Рекоме с 1948 по 1965 гг., которые не внесли в литературу ничего существенного» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 756. Л. 115].

В архиве сохранился автореферат докторской диссертации 1949 г. с названием: «Реком в Уаллагире как культурно исторический источник», однако в россыпи не было обнаружено связного текста, отвечающего его содержанию. Имеются лишь зачастую незаконченные фрагменты глав и параграфов. Из автореферата следует, что работа была оформлена в четырех отдельных частях общим объемом в 40 п. л. Текст диссертации состоит из восьми разделов объемом 20 п. л., указатель использованной литературы содержит 686 названий. Приложения: «экскурсы по отдельным затронутым в диссертации вопросам» и альбом «фотографий, рисунков и чертежей с объяснительным текстом» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 751. Л. 13–16]. Однако, по неизвестным пока причинам, защита докторской диссертации в том году (да и позже) не состоялась.

Планы и оглавления какого-то крупного исследования Е. Г. Пчелиной, датированные 1950, 1951, 1955 гг. и содержащие названия,

³ Метод определения относительного возраста отложений, природных либо искусственных объектов по скорости роста долгоживущих видов лишайников.

тематически близкие к автореферату 1949 г., позволяют сделать вывод, что работа была продолжена [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 751]. Судя по названиям глав и параграфов, упомянутых в планах, тема то расширялась до рассмотрения проблемы этногенеза осетин, то ограничивалась изучением священного заповедника Реком. В вышеупомянутых заметках, служащих подготовительными материалами для введения к диссертации, сохранилась записка следующего содержания: «Для того чтобы мне дано было понять, что такое Реком, прошло много лет упорного изучения Осетин⁴ и Осетии. Я написала и уничтожила три варианта работы о Рекоме. То я видела в Рекоме остаток святилища дозораострийских верований, то я увлеклась связью осетин с Грузией и все строила на раннем проникновении в среду осетин христианства. То я сильно повысила дату и видела в Рекоме только постройку XVI в. эпохи борьбы Грузии с Ираном и искание грузинскими царями помощи у осетинских родовых дружин. Теперь это четвертый вариант, но я уверена, что мне надо будет отложить эту работу перед печатанием еще годика на два, и тогда будет уже мой последний вариант, в котором я буду уверена за каждое сказанное там слово» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 750. Л. 129]. К сожалению, эта запись не датирована автором, однако из ее текста следует, что диссертация была посвящена именно святилищу Реком.

В другой заметке Е. Г. Пчелина уже прямо свидетельствует о наличии такой монографии: «Работа требует углубленной подготовки и сокращения. Представленная работа „Реком“ I-й вариант (1936–48 г.) является материалом для монографии» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 750. Л. 1–7]. Важно отметить, что законченного текста монографии в россыпи обнаружено также не было. Сохранившиеся в архиве сшивки машинописи предположительно 1948 г., пронумерованные рукописные черновики и, вероятно, поздний, переработанный текст — рукописный черновик с машинописными вклейками — скорее всего являются разновременными главами указанной монографии⁵.

Представленный обзор демонстрирует масштабность проделанной Е. Г. Пчелиной работы. Еще больше впечатляет накопленный

⁴ Е. Г. Пчелина варьировала написание этнонимов с заглавной или строчной буквы, а также в рабочих заметках нередко пропускала запятыя, возможно для скорости письма.

⁵ О содержании этой работы см. статью А. В. Дарчиева, Л. Д. Бондарь, А. В. Газдановой «Святилище Реком в Цейском ущелье: рукописное наследие Е. Г. Пчелиной» в настоящем сборнике.

подготовительный материал, который включает великое множество заметок-наработок кавказоведа, аналогии найденным археологическим предметам (с авторскими рисунками), черновики отдельных работ; библиографические списки и т. д. Ценны фотографии святилища Реком, сделанные самой Е. Г. Пчелиной в 1934 г. и совместно с И. П. Щеблыкиным во время реставрационных работ в 1936 г. Уникальными можно назвать сохранившиеся в архиве портреты «дзуар-лагов». В то же время, осознавая огромный масштаб стоящих перед ней задач, Е. Г. Пчелина писала: «Тема о Рекоме так велика, что ее не может осилить один человек, хотя бы им была бы принесена для этого в жертву его жизнь» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 750. Л. 123].

Жизни Евгении Георгиевны не хватило на завершение текста монографии о святилище Реком, на обработку и подготовку к печати материалов археологических раскопок 1936 г. Однако результаты ее труда, пусть с запозданием, несомненно лягут в основу дальнейшей разработки этой темы. Сама же Евгения Георгиевна для новых поколений кавказоведов остается примером самоотверженной исследовательской работы, характеризующейся всесторонним охватом избранной проблематики, скрупулезностью в изучении деталей и неустанным поиском ответов на поставленные вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царзонта. Владикавказ, 1990. 200 с.
- Туаллагов А. А. Еще раз о последнем посещении В. Ф. Миллером Осетии // IV Всероссийские Миллеровские чтения с международным участием: материалы науч. конф. (11–12 ноября 2014 г.). Владикавказ, 2014. С. 130–142.

А. В. Блажко

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

О публикации материалов Е. Г. Пчелиной по исследованию Нузальской часовни

В обзоре характеризуются отдельные научные работы Е. Г. Пчелиной, относящиеся к изучению Нузальской часовни в Северной Осетии, подготовленные автором к изданию и оставшиеся неопубликованными при ее жизни. Перечисляются их состав, объем, время написания. Приводятся сведения об очерках в местной прессе, освещавших раскопки памятника, и более поздних рукописях, оставшихся незавершенными.

Ключевые слова: Евгения Георгиевна Пчелина, фонд Е. Г. Пчелиной, Нузальская часовня.

A. V. Blazhko

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

On the Publication of E. G. Pchelina's Research Materials of the Nuzal Chapel

The review characterizes E. G. Pchelina's certain scientific materials relating to the study of the Nuzal Chapel in North Ossetia, prepared for publication by the author and remained unpublished in her lifetime. The review also lists their composition, volume, dates of writing. It gives information of the essays in the local press, having covered the monument excavation, and of later manuscripts that remained incomplete.

Key words: Evgenia Georgievna Pchelina, E. G. Pchelina's Fond, Nuzal Chapel.

Знаменитая часовня, расположенная в селе Нузал Алагирского ущелья Северной Осетии, известна прежде всего уникальными по сохранности и художественному уровню фресками, исполненными мастером грузинской школы XIII–XIV вв. Время ее постройки и росписи до сих пор остается дискуссионным, решить споры могло бы, вероятно, перекрестное датирование методами естественных наук.

Историографию памятника принято возводить к «Географии Грузии» Вахушти Багратиони (1745 г.). Свод источников до 1946 г., составленный с характерной для Е. Г. Пчелиной исчерпывающей полнотой, имеется в ее опубликованной спустя почти 70 лет после написания статье [Пчелина, 2013, с. 25–27, 28–30; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840. Л. 2, 5, 7, 8, 10, 11, 16, 18, 20–23]. Более поздние издания, касающиеся вопросов изучения памятника, а не просто упоминаящие его, вплоть до 1990 г. перечислены в библиографии к соответствующей главе образцовой по лаконичной емкости монографии В. А. Кузнецова [Кузнецов, 1990, с. 101–105]. Из непосредственно изучавших объект (в основном конструкцию и фрески) в новейшее время исследователей следует упомянуть Д. И. Белецкого [Белецкий, 2004], сделавшего отдельные ценные замечания относительно публикаций материалов раскопок.

Писавших о часовне за более чем два века ее известности ученых, знатоков древностей и просто любителей насчитывается не один десяток. Но заслуга первого комплексного научного исследования памятника бесспорно принадлежит Евгении Георгиевне Пчелиной.

Не слишком многочисленные ее публикации и прежде всего архивные материалы свидетельствуют, что любой предмет изучения она рассматривала масштабно, идя от частного вопроса к широким историко-этнографическим обобщениям. Комплексный, междисциплинарный характер исследований Е. Г. Пчелиной прекрасно охарактеризовал Л. А. Чибиров [Чибиров, 2016]. Число привлекавшихся ею в каждом случае источников поражает даже в информационную эпоху (библиографические перечни в сотни наименований, тома выписок к каждому тексту). Описание чего-либо с фиксацией параметров/свойств и приведением нескольких аналогий, поныне достаточное для научности, виделось ей малой частью задачи. Пусть некоторые параллели выглядят сегодня натянутыми, прослеженное сходство формальным — Евгения Георгиевна рисовала картину прошлого, а не занималась вещеведением.

Так и Нузальская часовня стала для нее отправной точкой исследований осетинской и грузинской истории эпохи средневековья, взаимосвязей двух народов в яркий период политического, хозяйственного

и культурного расцвета перед выжегшим обе стороны Большого хребта монгольским нашествием. А равно изучения склеповой архитектуры, в традиции которой построена часовня, синкретизма языческих и христианских верований, анализа сюжетно-композиционных особенностей фресок, расшифровки сделанных буквами грузинского алфавита надписей, прежде всего у ктиторских (светских) фигур, в которых виделся генеалогический ряд династии Царазонта, алагирских правителей, с главным персонажем — Давидом Сосланом — в центре.

За долгие годы работы на Кавказе, главным образом в Осетии, Е. Г. Пчелина раскопала немало памятников. Однако двумя главными ее «археологическими детищами» стали народное святилище Реком в Цейском ущелье и небольшая церковка села Нузал. С публикацией материалов ей не повезло в обоих случаях. По первому она писала докторскую диссертацию, многократно переделывавшуюся, так и не защищенную, в итоге оставила большой незаконченный текст. Нузальским исследованиям были посвящены доклады, выставившие в статьи; в последние свои годы наряду с другими задачами Евгения Георгиевна готовила по частям более крупный труд, оставшийся так же в рукописях и черновиках. Работ, относящихся к Рекому, при ее жизни не вышло. Материалы Нузальской часовни частично увидели свет в изданиях других авторов.

Начиналось же все блистательно: откомандированная в 1946 г. из Эрмитажа в Северную Осетию Е. Г. Пчелина в мае прочла доклад в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте (сокращенно именовавшемся тогда СОНИИ [см., напр., СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 65. Л. 6, 17, 24], иногда СЕВОСНИИ [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 65. Л. 34])¹. В нем часовня характеризовалась как склепово-культовый объект и аргументировалось уверенное предположение о погребении в ней известного государственного деятеля Грузии конца XII — начала XIII в., мужа и соправителя царицы Тамары, осетина по этническому происхождению Давида Сослана [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 835. Л. 41]. Для проверки сделанных выводов «археологу Пчелиной», как она

¹ Институт с момента создания в 1925 г. не раз менял название и, соответственно, аббревиатуру. В рассматриваемый период при указанном официальном наименовании он сокращался как ОСНИИ — быть может, по инерции предшествующего времени, когда был Осетинским научно-исследовательским институтом краеведения (ОСНИИК). Позже, с 1960-х по 1971 г. аббревиатура употреблялась в форме СОНИИ. В настоящее время учреждение именуется Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (СОИГСИ).

именовала себя в служебных документах, поручили раскопки внутренней площади часовни. Практически сразу при их начале 2 июня 1946 г. на небольшой глубине был обнаружен впущенный в земляной пол каменный ящик, покрытый шиферными плитами и дубовыми досками.

На деле процесс раскопок шел сложнее, в два этапа — после выявления гробницы работы были остановлены, об открытии сообщено в местные органы власти, научно-музейные учреждения, а также доложено в Эрмитаж, для чего соответственно пришлось ехать в столицу СОАССР, тогда называвшуюся Дзауджикау [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 822. Л. 59]. Ввиду значимости открытия на место события прибыла внушительная группа должностных лиц от предсовмина республики до архитекторов службы охраны памятников, научных работников и др., собственно раскопки производились 6–9 июня [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 822. Л. 8, 9]. Их ход оперативно был освещен прессой, в лице корреспондента газеты «Социалистическая Осетия» Ант. Новиковой, по-видимому, тогда же прибывшей на место событий [Новикова, 1946].

Евгения Георгиевна не стремилась к сенсациям, шумихе и последующим дивидендам. Убежденная в своей идее, она осознавала ответственность за тщательное исследование памятника, информирование о работе соответствующих структур и общественности. А также, как музейный работник с большим стажем, искренне радуя за просвещение масс и рост их культурного уровня, считала нужной популяризацию историко-археологических достижений среди населения (рис. 1 представляет беседу с жителями селения Нузал перед началом раскопок). Результатом стали две статьи в республиканской газете «Рæстдзинад», выходившей на осетинском языке, от 8 июня и 23 августа 1946 г. (рис. 2; в архиве сохранились рукописные «исходники» по-русски). В них доступно, но без примитивизации суммированы результаты работ в часовне, описаны фрески, дана их трактовка, приведены выдержки из грузинских источников о Давиде Сослане [Пчелина, 1946 а; авторский оригинал см.: СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 833], изложены сведения по истории Грузии XII в., освещающие период царствования Тамары и Давида [Пчелина, 1946 б; оригинал см.: СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 833]. Третий материал стал ответом на редакционную заметку в тбилисской «Заре Востока» от 21 июня того же года, кратко повторявшую репортаж А. Новиковой с добавлением мнения академика С. Н. Джанашиа, в целом корректно и осторожно критиковавшего построения ленинградской коллеги [Раскопки..., 1946]. Парирующий удар готовился не один день, носил строго научный характер, с цитатами и ссылками,

в исходной версии был оформлен машинописно и занял больше половины третьей газетной полосы в номере «Рæстдзинад» от 1 октября [Пчелина, 1946 в; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 836]. Стоит упомянуть, что с этого обмена репликами ведется отсчет дискуссии о трактовке нузальского погребения и происхождении Давида Сослана [см., в частности, Ванеев, 1956, цит. по: 1989, с. 322; Кузнецов, 1990, с. 54; Чибиров, 2016, с. 38], точка в которой не поставлена по сей день.

Формально приоритет введения в оборот итогов раскопок и основных положений теории был закреплен, хотя Пчелиной о том скорее всего думалось мало. Знать, что при жизни о Нузале под ее именем не появится больше ни строчки, находившаяся в расцвете сил, на взлете карьеры исследовательница не могла. И что ей придется дорожить даже крошечной заметкой в газете «Вечерний Ленинград», включать ее в библиографии [В Алагирском ущелье..., 1946]. Выйди эти статьи на языке межнационального общения, ученые в последующем ссылались бы на них. Точнее, для порядка ссылались, однако фактическим источником сведений о раскопках на десятилетия остался пространный, написанный живо, но содержащий неточности и приукрашения журналистский очерк в «Социалистической Осетии».

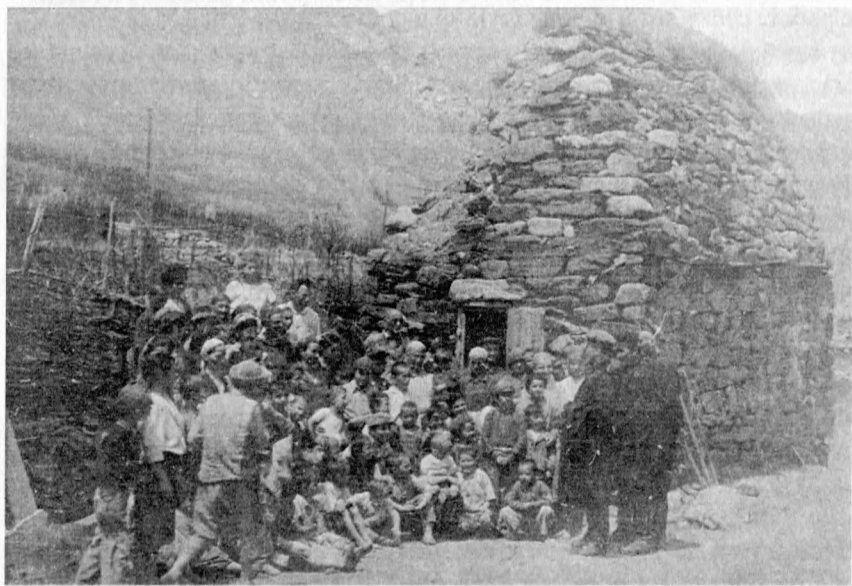


Рис. 1. Беседа с жителями селения Нузал перед началом раскопок.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 831. Л. 5



Рис. 2. Газета «Рæстдзинад» от 23 августа 1946 г. (на осет. яз.) со статьёй Е. Г. Пчелиной «Давид Сослан и Тамара» (на с. 2)

За отсутствием иных сведений о раскопках текст А. Новиковой в пересказе той либо иной подробности стал мигрировать из публикации в публикацию. Если З. Н. Ванеев в брошюре 1956 г. близко к оригиналу, но бессмысленно привел его часть [Ванеев, 1956, цит. по: 1989, с. 321–32], то спустя много лет Л. А. Чибиров [Чибиров, 2016, с. 38] воспринял это как личные воспоминания крупного ученого, близко знавшего Е. Г. Пчелину в годы ее работы научным сотрудником ЮОНИИ (1948–1952 гг.) в Отделе истории и этнографии, который тот возглавлял с 1948 г. [Гаглюева, 1981, с. 28; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 76. Л. 12]. В. А. Шнирельман, привлечший огромное количество литературы для монографии под броским названием «Быть аланами», в эпизоде о раскопках использовал ту же заметку [Шнирельман, 2006, с. 59], а по поводу взглядов Пчелиной суммарно отослал читателей к работе В. А. Кузнецова [Кузнецов, 1990, с. 53–54]. Последний заметку знал, в библиографии привел, но данные об исследовании памятника черпал из других источников.

Что же произошло, в чем причины такой ситуации? Быть может, исследовательница не подготовила хотя бы кратких статей, отвлеченная другими задачами? Да, она писала медленно в смысле доведения текстов до совершенства, хотя прорабатывала горы литературы, делала выписки (подчас в размер источника) и набрасывала заметки стремительно, размашистым почерком, не отвлекаясь на знаки препинания. Каждая работа должна была учесть все, что имело отношение к предмету рассмотрения, поэтому требовала серьезных временных затрат даже при кипучей энергии Евгении Георгиевны. Тем не менее 46-й «нузальский» год отличался урожайностью. Прежде всего был оформлен майский доклад с обоснованием тезиса о часовне-усыпальнице. Как таковой в архиве исследовательницы он не выявлен, но сохранился текст на 12 узких листах с двусторонней машинописью под названием «Нузальская часовня „Нузалы аргуан“» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 834] (правильно «аргъуан», как дано в публикации 2013 г. [Пчелина, 2013, с. 14]). По-видимому, некогда у автора она находилась в самодельной папке из плотной бумаги вместе с другим текстом, речь о котором впереди (рис. 3), и соответствует первому пункту надписи на ней: «1) 1946 г. I^{ый} вариант статьи и доклада в Осетии» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 1]. Рукопись помещена в индивидуальную самодельную обложку, помеченную: «1946 г. I^{ый} вариант статьи о Нузале (доклады)» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 834. Л. 1] (рис. 4); отличаясь редкой систематичностью, Евгения Георгиевна широко использовала подручные материалы для всевозможных

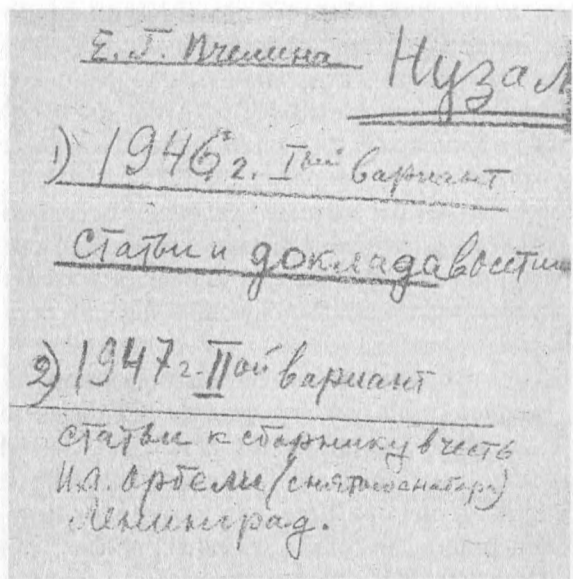


Рис. 3. Надпись Е. Г. Пчелиной на бумажной обложке рукописей статей «Нузальская часовня „Нузалы арг[ъ]уан“» (1946) и «Нузальская часовня в Северной Осетии» (1946/1947, разночтения в авторских датировках; автограф)
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 1

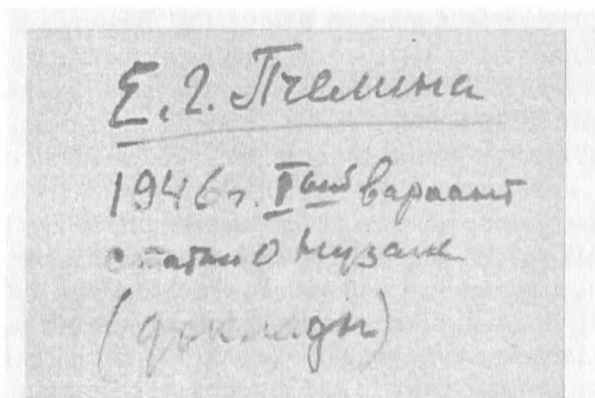


Рис. 4. Надпись на обложке рукописи статьи Е. Г. Пчелиной «Нузальская часовня „Нузалы арг[ъ]уан“» (1946, до проведения раскопок; автограф)
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 834. Л. 1

папок, сгибок, конвертов, оберток, помогавших структурировать бесчисленные материалы. Это полноценная статья с библиографическим аппаратом, трижды датированная автором 1946 г. — на двух обложках и с. 1 при заглавии (рис. 5) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 834. Л. 2], созданная до раскопок (с. 24 машинописи: «Раскопка археологом пола часовни ответит на ряд вопросов...») [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 834. Л. 13 об.]. Указанные данные позволяют осторожно предполагать, что статья была зачитана (с сокращениями?) как тот самый доклад или расширена из его несохранившегося текста, но в любом случае положила начало всей последующей научно-исследовательской эпопеи.

Актуальность ее публикации после открытия снизилась либо вовсе сошла на нет, а содержание было использовано в более поздних текстах. Первый экземпляр, по-видимому, остался в СОНИИ. Внешняя ссылка на майский 1946 г. доклад Е. Г. Пчелиной нами выявлена один раз, в работе В. А. Кузнецова, причем в тексте название не упоминается, в библиографии дан только архивный шифр [Кузнецов, 1990, с. 53–54, 101]. В предисловии к сборнику избранных трудов своей учительницы он пояснил, что статья о Нузальской часовне приводится по неопубликованной рукописи из его архива [Кузнецов, 2013, с. 7].

В монографии «Реком, Нузал и Царазонта», остающейся по сей день за отсутствием авторских публикаций лучшим сводом данных о работах Е. Г. Пчелиной в часовне и святыще, В. А. Кузнецов сообщает о втором докладе, сделанном ею вскоре после раскопок [Кузнецов, 1990, с. 54, библиогр. опис. с. 101]. Возможно, это имеющийся в фонде текст в пять машинописных страниц с заголовком от руки «Доклад Е. Пчелиной 1946 г.» и небольшой правкой (рис. 6) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 835. Л. 1]. Уже из начальных абзацев следует, что он написан после раскопок, и тогда относится, возможно, ко второй половине июня — июлю, так как не позже 6 августа 1946 г. автор уже возглавила экспедицию в Зругское ущелье [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 87. Л. 8], а 25 сентября отчитывалась о научной поездке на Большой Зеленчук [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 65. Л. 34]. Доклад кратко обосновывает атрибуцию погребения как принадлежащего Давиду Сослану и, по всей видимости, соответствует упомянутому В. А. Кузнецовым сообщению. Близко знавший Е. Г. Пчелину, хотя и не разделявший многих ее идей Владимир Александрович сделал больше всех для издания избранных работ из наследия ученого. Неточности в его подаче материалов нузальских раскопок, выявленные более молодыми коллегами

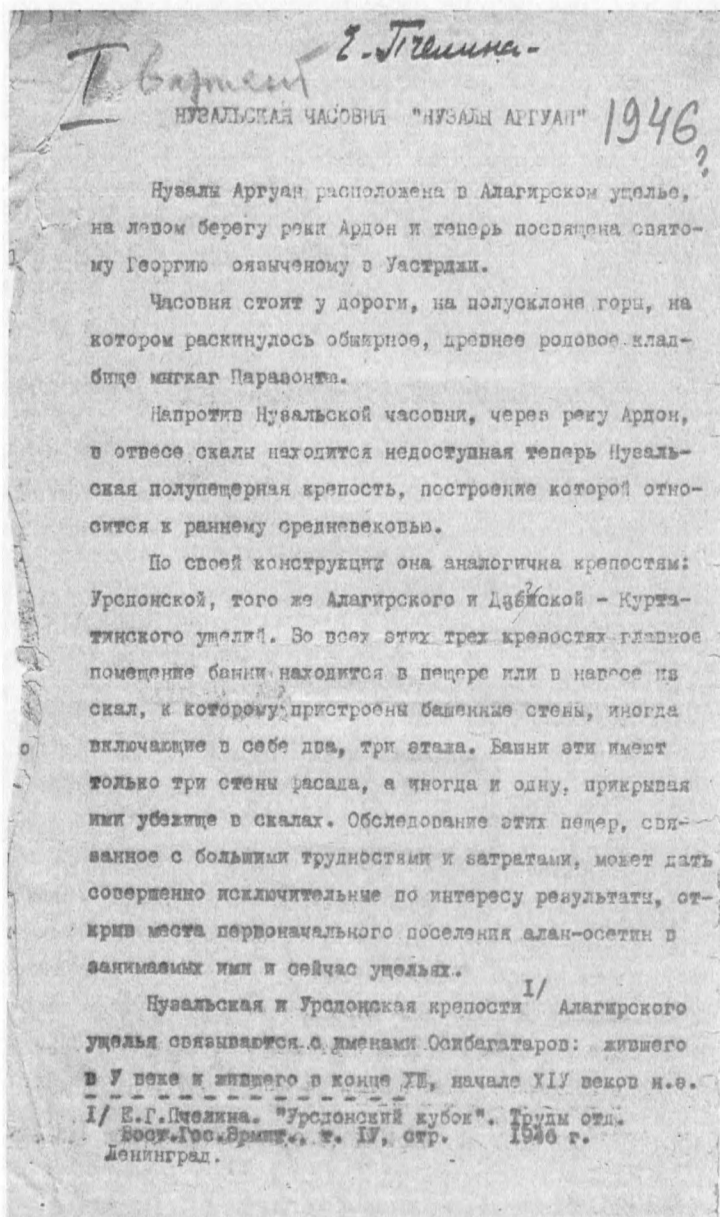


Рис. 5. Страница 1 машинописи статьи Е. Г. Пчелиной
«Нузальская часовня „Нузалы арг[ъ]уан“» (1946)

© СП6Ф АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 834. Л. 2

В своем докладе в Научно-Исследовательском Института мною было высказано предположение, что Нузаль-аргуан является не церковью, а захоронением - гробницей Давида Бослана.

Предпринятая раскопка земляного пола argues действительно обнаружила каменный ящик с непогребенным погребением воина. вполне естественно встает вопрос, почему я считаю, что это погребение воина принадлежит именно Давиду Сослану. Постараюсь резюмировать свои выводы:

Как местность Нузал, Нузальская крепость, так и кладбище в Нузале, где стоит Нузали аргун, издревне принадлежали осетинскому мыггаг Царазонте. По давнему преданию род этот берет свое начало от Осибаратара V века, легендарного основоположника Алагирских родов, из которых старшим является Царазонте.

По преданию из рода Царазонов в XII веке вышел исторически известный Давид Сослан, по одним источникам ^{из рода шибки} ~~он~~ Царе, по другим ~~он~~ Багратилов. ^{Был же каменю Багратилов} ~~он~~ Царе - это персия осетинская, ~~он~~ ^{он} Царазонов - персия грузинская, версия фальшивой родословной Давида Сослана, ~~якобы~~ ^{якобы} Багратилов.

Давид Сослан, по свидетельству грузинской летописи, был обвенчан с царицей Тамарой в 1189 году, причем Давид Сослан на грузинское царство не венчался. Обряд опоясывания мечом в знак царского достоинства, сосредоточений гражданской и военной власти был совершен только над Тамарой во время ее второго коронавания в 1184 году (первое коронавание ее было в 1177 г.^{еще} при жизни ее отца Георгия III). Давид Сослан в истории Грузии хотя и именуется царем, но порядкового числа не имеет. Предыдущий перед Давидом

Рис. 6. Страница 1 машинописи доклада Е. Г. Пчелиной
о предварительных итогах исследования Нузальской часовни
(1946, предположительно июнь — 6 августа)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 835. Л. 1

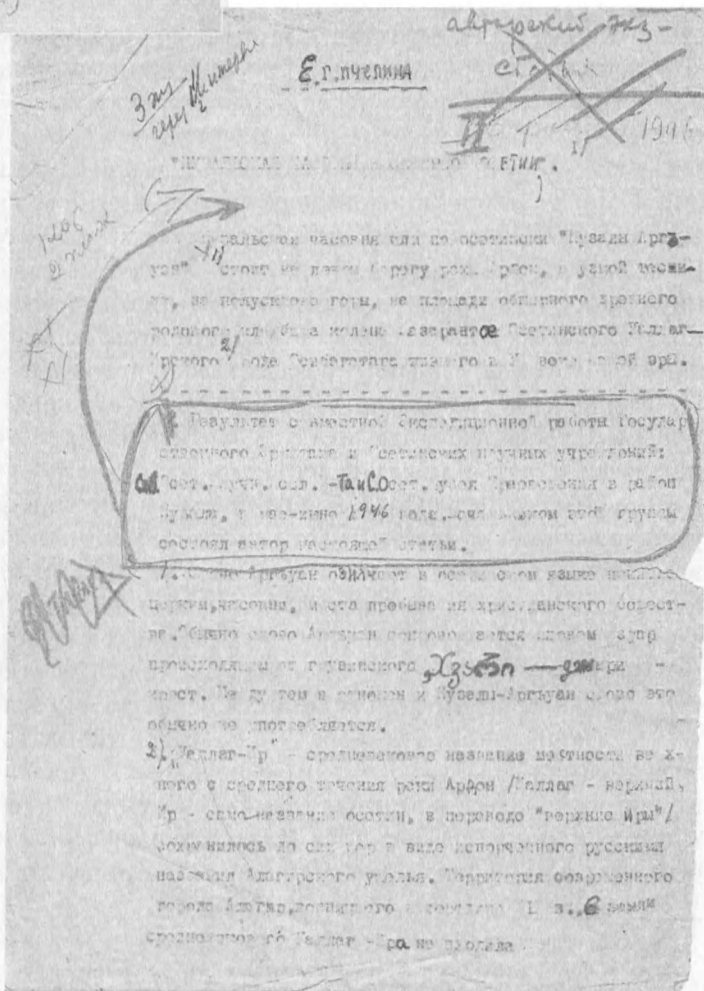
[Белецкий, 2004, с. 30; Мамиев, 2014, с. 118], научно досадны, но человечески простительны.

Указанный доклад, как представляется, Евгения Георгиевна не собиралась публиковать и пустила «в резку» (термин, использовавшийся ею для текстов, предназначенных к расчленению и вставке в последующие работы) — с. 3 уже отмечена купированным фрагментом [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 835. Л. 3]. Все накопленные сведения, оформившиеся выводы она изложила в большой статье «Нузальская часовня в Северной Осетии», датируемой по автографу на упоминавшейся выше первой обложке, некогда явно общей со статьей «Нузальская часовня „Нузалы арг[ъ]уан“» 1947 г., как «II^{ой} вариант статьи» (рис. 3) и тем же годом на отдельной бумажной обертке (рис. 7), но 1946-м по записи на первой странице *n*-й машинописной копии (рис. 8), с уточнением даты на с. 40: «декабрь 1946 года» (рис. 9) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 1–3, 49 об.]. Правда, эта страница на обороте машинописного листа написана другим почерком, но сомневаться в идентичности текста (и даты) на ней резонов не видится: Пчелиной явно потребовался «хвост» статьи для новых задач.

Судя по автографам на двух обложках, работа предназначалась в сборник к юбилею академика И. А. Орбели (в марте 1947 г. ему исполнилось 60 лет), но была из него исключена («снята»; см. рис. 3, 7). [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 1, 2]. В россыпи фонда обнаружена вырезка из верхней части листа с. 1 машинописи (первого экземпляра) данной статьи с резолюцией чернилами в левом верхнем углу «Набор 17/1 47» и размашистой надписью автора красным карандашом справа: «Статья предполагавшаяся к печатанию в Трудах Эрмитажа в честь И. А. Орбели» (рис. 10) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 87]. По всей видимости, это «остаток» главной копии текста, законченного в декабре 1946 г., вскоре побывавшего в издательстве (или даже типографии) — не позже 17 января 1947 г., чем может объясняться указанная вариативность дат, и вернувшегося к автору по неиспользованию. Из материалов фонда не явствует, был снят весь сборник² или по каким-то причинам только этот

² Из коллективных изданий Гос. Эрмитажа 1947 г. фиксируется брошюрка кратких «Сообщений» (вып. 4) [Сообщения..., 1947], а сборник в честь академика И. А. Орбели вышел в 1960-м, за год до его смерти [Исследования по истории..., 1960]. Упомянутый ли это Пчелиной сборник, ждавший очереди 13 лет (что было чрезмерно, по-видимому, даже для советских издательств), либо другой, а также о судьбе готовившегося в 1947 г. издания без сбора дополнительной информации судить затруднительно.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1.
Д. 839. Л. 2



© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 3

материал, очевиден итог: статья отправилась в ОСНИИ (наверное, тот самый первый экземпляр с удаленным и наращенным заново верхом первой страницы — Евгения Георгиевна активно работала ножницами и клеем), предназначенный, вероятно, для публикации в ближайшем выпуске «Известий» института, и осела в его архиве. По настоящее фактически время она служит главным первоисточником сведений об изучении Пчелиной Нузальской часовни, в том числе археологическом. На нее до сих пор вынуждены ссылаться ученые, обращавшиеся к вопросам исследования памятника [см., напр., Гутнов, Тменов, 1988, с. 48; Тогошвили, 1990, с. 21; Кузнецов, 1990, с. 55–54, 74; Белецкий, 2004, с. 27; Габоева, 2017, с. 102]. При этом есть основания полагать, что не все исследователи, упоминавшие данный текст в библиографиях, с ним знакомились. Нужно ли говорить о необходимости скорейшей, но подготовленной публикации этой и других работ Е. Г. Пчелиной, относящихся к Нузалу и не только, хранящихся в фондах СПбФ АРАН и других учреждений?

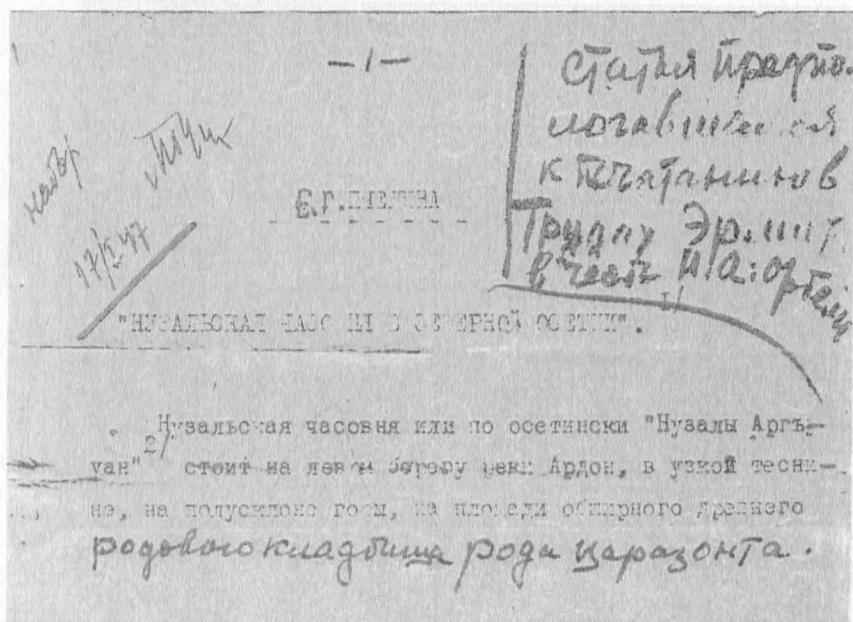


Рис. 10. Фрагмент страницы 1 первого экземпляра машинописи статьи «Нузальская часовня в Северной Осетии», снятой из набора сборника Гос. Эрмитажа к 60-летию директора акад. И. А. Орбели

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 87

Как может представиться из вышесказанного, материалы изучения Нузальской часовни остались при жизни автора раскопок неопубликованными. Но это не совсем так. Вышло как минимум две книги (обе — в столице Северо-Осетинской автономии), где эти материалы были представлены с разной полнотой и под иным авторством. Первая — «Памятники материальной культуры Северной Осетии» И. З. Теплицкого и Н. Д. Цагаева, неплохой популярный обзор наиболее значимых объектов «археологии, архитектуры, истории, революционного движения, гражданской и Великой Отечественной войн» [Теплицкий, Цагаев, 1963, с. 4]. В части первой «Памятники археологии и архитектуры» между Зругским храмом и «Городком мертвых» в селе Даргавс помещен раздел «Нузальская часовня» [Теплицкий, Цагаев, 1963, с. 12–15], конспективно излагающий историографию изучения памятника, его общие характеристики и результаты археологического обследования. Как показывает сопоставление текстов, сведения заимствованы из статьи Е. Г. Пчелиной «Нузальская часовня в Северной Осетии» (надо полагать, из экземпляра, хранившегося в архиве СОНИИ). Текст включает дословное бескавычное цитирование, например: сообщение А. П. Берже на II Археологическом съезде, с. 13 издания [ср.: СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 9]; примечание 1 на с. 13 [ср.: СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 16]; «прекрасно выполненный каменный погребальный ящик», с. 15 [ср.: СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 42 а] и пр. Составители не дали ссылки на источник, хотя в конце книги приведен небольшой библиографический перечень, упомянув при этом в тексте фамилию исследовательницы. Книгу в Ленинград прислала из Орджоникидзе ее знакомая. Евгения Георгиевна осталась изданием недовольна [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 835. Л. 22], однако мер по защите авторских прав, по-видимому, не предприняла.

Случай второй сложнее во всех смыслах. Таймураз Борисович Мамукаев — человек нелегкой судьбы, прошедший немецкий плен, по возвращении на родину поступил в мединститут, где с интересом изучал, по-видимому, патологоанатомию и судебную медицину. К исследованию нузальского костяка, безоговорочно принятого им как останки Давида Сослана, он подключился сразу, в 1946 г.; первые результаты сообщил Е. Г. Пчелиной уже в 1947 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 100. Л. 1, 1 об.]. Затем его исследование замедлилось и растянулось на столь же долгий срок, как и подготовка обобщающего труда самой Евгенией Георгиевной. Работу Т. Б. Мамукаев медленно, но продолжал, не имея возможности посвящать ей достаточно времени.

Освоив метод М. М. Герасимова восстановления лица по черепу (антропологической реконструкции облика на краниологической основе), он создал скульптурный портрет погребенного в часовне — Давида Сослана, по его и Е. Г. Пчелиной мнению [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 885. Л. 143–145]. В 1969 г. наконец вышла его монография о проведенном исследовании «Тайна Нузальской часовни: Принадлежат ли исследуемые останки Давиду Сослану» (правда, не совсем в «научном» издательском оформлении) [Мамукаев, 1969].

Основная часть работы посвящена подробному изложению процесса и результатов антропологического, патологоанатомического и медико-криминалистического изучения скелета из погребения, без сомнения, проведенного на высоком научном уровне. Согласно выводам, мужчине было около 40–45 лет [Мамукаев, 1969, с. 63], он погиб насильственной смертью в схватке с врагом, предположительно сражаясь конным, от сильных ударов в область головы, повлекших переломы костей черепа [Мамукаев, 1969, с. 38, 98, 103]. Книга содержит вводную историческую часть, где приведены данные грузинских и армянских летописей, выдержки из творений поэтов-современников, прежде всего так называемых придворных одописцев, работ других авторов о Давиде Сослане, Тамаре и годах их правления, сложностях отношений с крупными феодалами и военных успехах. Упоминались фольклорные сведения о происхождении соправителя великой царицы из влиятельного рода Царазонта, заселявшего верховья р. Ардон в северной части Осетии. Здесь же сообщалось о предположениях Е. Г. Пчелиной относительно погребения Давида Сослана в Нузальской часовне и раскопках июня 1946 г., открывших под земляным полом гробницу, приводился ее чертеж и снимки обнаруженных предметов [Мамукаев, 1969, с. 33–36, рисунки]. Таким образом, пусть не в полном объеме, вводились в научный оборот результаты археологических раскопок в часовне со ссылкой на хранящуюся в архиве СОНИИ, неоднократно упоминавшуюся здесь статью Е. Г. Пчелиной [Мамукаев, 1969, с. 8].

Заключительный раздел издания «Установление личности погребенного в Нузальской часовне» представляет суммарную интерпретацию исторических, литературных, археологических и медицинских данных, открывающую тезисом, о том, что «изучаемые кости являются останками Давида Сослана» [Мамукаев, 1969, с. 104], и завершающуюся однозначным выводом: «Нузальская часовня является усыпальницей Давида Сослана, почитаемого не только в Грузии, но и в Осетии» [Мамукаев, 1969, с. 115].

Вторичность историко-толковательных построений и следование автора «в кильватере» взглядов Е. Г. Пчелиной на проблему нузальского погребения и сопряженный круг вопросов были очевидны специалистам. Они это отметили и «вслух», правда спустя время по выходе монографии, после смерти автора — быть может, из уважения к коллеге, отдавшему столько лет исследованиям, в палеоантропологической части оригинальным и вполне добросовестным на тогдашнем уровне методик. Одновременно упомянули о том вскользь Г. Д. Тогошвили, высоко оценивший саму книгу [Тогошвили, 1990, с. 21–23], более развернуто — представлявший реалии В. А. Кузнецов [Кузнецов, 1990, с. 55], прямо указавший на заимствование материалов Е. Г. Пчелиной, с которой он и Т. Б. Мамукаев общались лично, как и между собой. Следует также упомянуть работы Д. И. Белецкого [Белецкий, 2004, с. 34] и В. А. Шнирельмана [Шнирельман, 2006, с. 59], вышедшие до обнародования статьи Пчелиной о Нузале в 2013 г. Вместе с тем, по малочисленности отсылок к Е. Г. Пчелиной (правда, наличествовала всего одна «депонированная» в СОНИИ ее статья), а равно общему характеру изложения, без знания деталей складывалось однозначное впечатление о принадлежности Т. Б. Мамукаеву положений и выводов не только естественно-научной, но и историко-аналитической частей.

Наблюдения перечисленных выше авторов опирались на все ту же работу Пчелиной, хранящуюся в архиве СОНИИ-СОИГСИ, хотя В. А. Кузнецов явно был знаком с бóльшим числом материалов. Просмотр нузальских документов фонда Е. П. Пчелиной в СПбФ АРАН показывает, что в монографии Т. Б. Мамукаева кратко аккумулярованы положения не только указанной статьи, но ряда иных наработок его старшего друга и учителя в этой области науки. Хорошие личные отношения, по крайней мере в середине 1960-х гг., подтверждаются письмами Мамукаева к Евгении Георгиевне [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 100]. Наконец, имеются свидетельства непосредственной передачи ему отдельных материалов: черновой вариант еще одной работы Пчелиной по нузальской тематике был помещен в самодельный бумажный пакет с надписью ее рукой: «Черновик 1965 г. — 1966 г. февраль. Конспект для Мамукаева» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840. Л. 1а]. Самой рукописи стоит коснуться чуть подробнее.

До нас дошли как автограф с авторской правкой, так и машинопись, на которую далее мы будем ссылаться. Озаглавлена работа пространно: «Конспект рукописи „Нузальская часовня — усыпальница Давида Сослана“, подготовленный для печати в „Сборнике“»

[СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840. Л. 42] (рис. 11). Объем машинописного текста 55 страниц через полуторный интервал, характер близок к статье, хотя перед заголовком указано «Приложение» (к будущей ли книге Т. Б. Мамукаева — вопрос не столь прост, как может казаться, и выносится за рамки нашего обзора, который видится своевременное толкования частностей). Примечание 1 на с. 36 разъясняет, что сборник, посвященный Давиду Сослану, будет состоять из четырех статей, рассматривающих средневековые памятники на землях Царазонта, архитектуру Нузальской часовни, фресковую роспись, ктиторские портреты, «раскопки гробницы», анатомическое исследование останков из погребения, с авторством, помимо Е. Г. Пчелиной, К. А. Берладиной, Г. П. Гордеева³ и Т. Б. Мамукаева [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840. Л. 77].

Работа представляет суммарно основные идеи Е. Г. Пчелиной, касающиеся вопроса о «значении Давида Сослана в „веке Тамары“, годе его смерти и месте погребения» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840. Л. 42]. Они базируются на сведениях грузинских летописей, в том числе о браках царей объединенного государства с представителями осетинских династий, традицию которых продолжили Тамара и Давид Сослан, его подвигах на поле брани, и осетинских преданиях, в первую очередь собранных автором, о смерти героя-правителя в Закавказье и перевозке тела для погребения на родной земле, согласно вековым обычаям. В доказательство приводятся также результаты изучения часовни как архитектурного объекта и ее росписей, сюжетно разделенных применительно к интерьеру по стенам и ярусам, в целом отвечающих восточной церковной традиции, но имеющих черты своеобразия в композиции и персонном составе. Среди базовых опор концепции немалое значение имела трактовка фресок ктиторского ряда на северной стене, поврежденных временем и неизвестными лицами, с одной уцелевшей полностью и четыремья фрагментарно надписями грузинским алфавитом асамтаврული⁴, указывающими имена изображенных; сохранилось имя «Сослан» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840. Л. 62]. Далее описан процесс раскопок, достаточно подробно — устройство гробницы, схематично — положение и состояние костяка, обнаруженный при

³ Искусствоведы, работавшие в Орджоникидзе и Тбилиси, в научном взаимодействии с Е. Г. Пчелиной исследовавшие фрески часовни и их палеографические фрагменты.

⁴ Правильно «асамтаврული» — уставное письмо заглавными буквами; у автора в разных текстах и заметках чередуются «о» и «а».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Е. Г. ПЧЕЛИНА. Конспект рукописи "Нузальская часовня - усыпальница Давида Сослана", подготовленной к печати в "Сборнике".^{1/}

Вопрос о значении Давида Сослана в "Веке Тамары", годе его смерти и месте погребения, несмотря на многочисленные свидетельства современников, в исторической литературе пока еще не поднимался. О Давиде Сослане в XII в. писали поэты: Шота Руставели и Низами, скрывшие облик Давида Сослана под художественными образами Тариела-Автандила и Дувала /Двала/ и Хакани. Из грузинских описцев о нем писали Шавтели и Чахрухадзе и историки: грузинские Басили и два анонима хроник Картлис Цховреба, а также армянские: Мхатар Гош и несколько позднее, в XIII в. Вардан Восточанин и Сталанос Орбелиан. Кроме того, о Давиде Сослане осталось много упоминаний в грузинских царственных грамотах Гуджарах.^{2/}

Таким образом, если отбросить в сведениях о Давиде Сослане панегирики описцев и сравнить сказанное ими с фактическими событиями XII века, в которых он участвовал, то восстанет из тьмы забвения облик Давида Сослана, прожившего короткую, но важную для истории жизнь.

Задачу эту предстоит выполнить грузинским историкам. Я же буду касаться этого вопроса в пределах освещения фактов, связанных с погребением, найденным мною в 1946 г. в полу Нузальской часовни в Касарском ущелье Северной Осетии.

Рис. 11. Страница 1 машинописи последней законченной и оформленной работы Е. Г. Пчелиной о Нузальской часовне

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840. Л. 42

нем инвентарь. Датировка фресок, надписей и даже «имущества» погребенного концом XII — началом XIII в., общие выводы из анализа данных (включая исследование Т. Б. Мамукаева, упоминаемое без отсылки к публикациям [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840. Л. 75] — возможно, их тогда просто не имелось, путь Таймураза Борисовича в науку был долг и непрост) приводили ученого к твердому заключению, что найденный скелет «является останками Давида Сослана, а Нузальская часовня — его усыпальницей» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840. Л. 76].

В тексте имеются ссылки на рисунки и таблицы, вычеркнутые нехарактерными для рукописей Е. Г. Пчелиной этого периода черными чернилами. Иллюстраций к работе не приложено, среди имеющихся в «нузальском» подразделе архива немногочисленных изоматериалов идентифицировать, что планировалось использовать, можно лишь частично, тем более сохраниться могло не все. Текст носит признаки редактирования другим лицом: несвойственные автору подчеркивания слов, мелкие буквы вписанных небольших исправлений без «загогулин», которыми сама Евгения Георгиевна неизменно отмечала точное место вставки. Суждения неспециалиста поверхностны, но по общему впечатлению это рука не Мамукаева, письма которого к наставнице представлены в фонде (ср. с. 36 машинописи с наиболее существенным исправлением [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 848. Л. 77] и любое из его посланий, относящихся почти всецело как раз к 1964–1966 гг. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 100]).

Оригинала статьи, послужившей основой пространного конспекта, в фонде пока не выявлено. Таковым едва ли может считаться рукописная заметка «Часовня-усыпальница» на четырех листках с превышающими ее объем примечаниями, дополнениями и выписками [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840]. Вероятно, статьи как таковой и не было, термин в данном случае означает скорее всего не краткое содержание наличествующего текста, а проспект будущего, написанный в черновом варианте, а затем перебеленный на машинке. Сборник же, в который она предназначалась, действительно планировался, по крайней мере на уровне конкретных договоренностей с руководством научных учреждений Северной Осетии. Об этом Е. Г. Пчелина упоминает в «походном дневнике» пребывания в Орджоникидзе (1964), когда полевых исследований не осуществилось, но интенсивно шла музейная работа с коллекциями и описями [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 575. Л. 14, 19 об.]. В августе следующего

года состоялась экспедиция в Алагирское и Мамисонское ущелья, небольшие раскопки в Нузальской часовне на «резервной» площади алтаря. Подписанный 26 апреля 1966 г. отчет на с. 1 сообщал, что «экспедиционная поездка»⁵ была предпринята «в связи с подготовкой к печати „Сборника“, посвященного 800-летию рождения Давида Сослана (1166–1207 г.)»⁶, а примечание уточняло: «Сборник будет издан совместно Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом и Музеем краеведения...» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 824. Л. 3]. Таким образом, автор заявлял о его подготовке с достаточной уверенностью.

Выпуск издания, которое должно было представить все аспекты затянувшихся исследований, венчая окончание «подвисшей» научной темы, не состоялся. Архивные документы прямо не указывают причин, хотя изучены пока недостаточно, предположения сейчас не важны. Важен факт: последняя законченная рукопись Е. Г. Пчелиной о Нузальской часовне не увидела свет. Вообще соотношение опубликованного и написанного ею (от невостробованности пересмотренного, переделанного, разрезанного на куски, скроенного заново в новых сочетаниях) поневоле заставляет видеть фатум там, где каждый отдельный случай, возможно, объясняется земно и даже ординарно. Впрочем, как таковая работа была оформлена еще одна — упомянутый выше полевой отчет за 1965 г. Ему, в установленном порядке направленному в Институт археологии АН СССР, суждено было стать альтернативой «Конспекту», как бы ограниченной публикацией в наиболее завершенном виде, которой впоследствии, хотя существенно позже смерти автора, смогли или начали пользоваться исследователи.

К счастью для них, Евгения Георгиевна написала этот небольшой труд в духе старой школы, в стиле ученых дореволюционной поры, обучавших ее в Московском археологическом институте, генерация которых естественным и не только образом сменилась в конце 1930-х. Она включила в него ряд положений «Конспекта», недаром они создавались одновременно, явно печатались на одной машинке и бумаге из одной заводской партии, если не пачки. Нынешний

⁵ Так Е. Г. Пчелина именovala свои маршрутные полевые исследования с посещением известных и разведкой новых памятников, их осмотром, обмерами, зачистками отдельных частей, небольшими спасательными раскопками.

⁶ Суженная до этих лет дата рождения исторического деятеля была вычислена исследовательницей на основании косвенных свидетельств о его возрасте. Расчеты эти рассеяны по многим делам «нузальской» части личного фонда Е. Г. Пчелиной.

археолог указал бы место и сроки работ, дал план местности, раскоп с квадратной сеткой и послойные чертежи, перечень находок с табличками рисунков, предварительные датировки, краткие выводы. Иного и не примет структура, надзирающая за полевыми исследованиями. Ученица В. А. Городцова представила туда, конечно, не роман, пусть исторический, но вольное изложение своих идей с перечислением сведений, по ее мнению их подтверждающих. В нем также (единственное при жизни официальное научное полуобнародование) приведены данные о раскопках 1946 г., которыми поневоле довольствуются ученые [Белецкий, 2004, с. 23 сл.; Мамиев, 2014, с. 256]. К нему приложены иллюстрации (в «столичном» варианте, находящемся в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН — о них упоминает Д. И. Белецкий [Белецкий, 2004, с. 30, примеч. 28]; копия в личном фонде Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН ими не сопровождается, но иллюстративный материал по Нузальской часовне имеется). Отчет 1965 г., прежде всего его официальную «чистовую» версию, вне сомнений необходимо учесть при будущем издании работ Пчелиной, а возможно — и включить в их число, хотя бы фрагментарно.

Подводя итог характеристике завершенных, оформленных работ об исследованиях Нузальской часовни, выявленных в фонде Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН, следует указать, что их экземпляры — быть может, варианты — имеются в архивах разных учреждений. В публикациях неоднократно приводились шифры текстов, хранящихся в СОИГСИ (менялось название института и архивного отдела; шифр фонда, номера описи и дел в основном идентичны, хотя сведения нуждаются в проверке). Директор ЮОНИИ им. З. Н. Ванеева д. и. н., проф. Р. Х. Гаглойти сообщает о наличии в архиве института рукописи статьи «Нузальская часовня в Северной Осетии», а также не атрибутированных пока негативов на стекле⁷. Круг мест нахождения материалов может быть шире, необходимы поиски, но изучение наследия Пчелиной только начинается. Архив СОИГСИ в известном смысле богаче Петербургского, поскольку имеет комплект (видимо, авторский) иллюстраций к сведениям о работе экспедиции 1946 г. [Габоева, 2017, с. 102]. Сведения о хранении нузальских материалов Е. Г. Пчелиной в архивах учреждений РАН, собранные к настоящему моменту из публикаций, приведены в табл. 1.

⁷ См. статью Р. Х. Гаглойти «Евгения Пчелина — исследователь древней истории Осетии» в настоящем сборнике.

**Данные о хранении неопубликованных работ и нузальских материалов
Е. Г. Пчелиной в архивах учреждений РАН**

[Путнов, Тменов, 1988; Тогошвили, 1990; Кузнецов, 1990; Вольная, 1995;
Белецкий, 2004; Мамиев, 2014; Габоева, 2017; Гяглойти, 2019]¹

Таблица 1

№ п/п	Название	Научно-отраслевой архив Института археологии РАН	СПбФ АРАН	Научный архив СОИГСИ им. В. И. Абаева	Архив ЮОНИИ им. З. Н. Вансеева	Итого копий (вариантов)
1	«О погребении Давида Сослана в Нузальской часовне» ¹¹ : [доклад до раскопок] (15.05.1946)			Ф. 6. Оп. 1. Д. 16 ¹³		1
2	[Доклад 1946 г. (лето, после раскопок)]		Ф. 1017. Оп. 1. Д. 835	Ф. 6. Оп. 1. Д. 19		2
3	«Нузальская часовня в Северной Осетии»: статья (09.12.1946)		Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839	Ф. 6. Оп. 1. Д. [10/20] ¹⁴	<Наличие>	3
4	«Отчет по экспедиционной поездке с 5 по 26 августа 1965 г. в Алагирское и Мамисонское ущелья Северной Осетии» (26.04.1966)	P-1. № 3097	Ф. 1017. Оп. 1. Д. 824.			2
5	«Конспект...»: [статья] (1965–1966)		Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840			1
6	Иллюстративные материалы по Нузальской часовне ¹⁵		Ф. 1017. Оп. 1. Д. 826–831, 868–883	Ф. 6. Оп. 1. Д. 15	Неатрибутированные негативы (?)	<...?..>

¹¹ В рассмотрение не включена статья «Нузальская часовня „Нузалы аргъуан“», опубликованная в [Пчелина, 2013]. ¹² Название дается по Г. Н. Вольной [1995, с. 20] на основании соответствия архивных шифров, указанных ею и В. А. Кузнецовым [1990, с. 101]. ¹³ Архивные шифры приведены к современному виду по [Габоева, 2017, с. 102], аббревиатуры учреждений в их начале опущены для краткости. ¹⁴ На дело № 10 ссылаются: [Путнов, Тменов, 1988, с. 48; Тогошвили, 1990, с. 21; Вольная, 1995, с. 20]; № 20: [Кузнецов, 1990, с. 101; Белецкий, 2004, с. 57; Габоева, 2017, с. 102]. ¹⁵ Состав в фондах едва ли идентичен, что дополнительно обуславливает необходимость их сравнительного изучения.

Особо стоит выделить необходимость сопоставления имеющихся вариантов «базовой» статьи 1946 г. «Нузальская часовня в Северной Осетии». Ее полуслепая копия в СПбФ АРАН не только щедро правлена автором, но и претерпела структурные трансформации: часть, касающаяся знаменитой надписи-эпитафии, иссечена в самом прямом смысле, с разрезанием страниц [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 7, 56], обращена в приложение и поставлена в конец текста. А затем вообще перенесена в другой комплект материалов [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 837], где была выявлена при обработке и возвращена на первичное (вторичное) место для цельности одной из немногих работ о часовне, имеющихся в фонде [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839. Л. 50–56].

Сопоставление приводимых упоминавшимися выше авторами ссылок с указанием страниц на имеющийся в фондах НА СОИГСИ экземпляр с копией в СПбФ АРАН дает основания полагать, что первый сохранился в изначальном авторском виде. Возможно, аналогичен ему экземпляр, имеющийся в ЮОНИИ. Наличие этих трех копий видится установленным, а разночтения номера дела в описи 1 фонда 6 НА СОИГСИ несущественным.

В интересной брошюре Г. Н. Вольной, составившей в 1995 г. информативную биографию Е. Г. Пчелиной, что было непросто без доступа к ее архиву, приведен список материалов ученого, хранящихся в Северо-Осетинском институте гуманитарных исследований (СОИГИ — так он назывался в ту пору). Помимо встречающихся в библиографиях других авторов тут значится три примечательных наименования. Это:

- Нузальская часовня. Ф. 6. Оп. 1. Д. 20;
- Переписка и рукописи Е. Г. Пчелиной. Ф. 37. Оп. 1. Д. 19;
- Раскопки в Северной Осетии. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18 [Вольная, 1995, с. 20].

К сожалению, отсутствует указание видов работ, и если для упомянутого там же номинала «Осетинская мельница» понятно, о какой рукописи идет речь, то содержание этих дел не совсем ясно. Что представляет собой «Нузальская часовня», для которой указан номер дела 20, иными исследователями приводимый в архивном шифре статьи «Нузальская часовня в Северной Осетии» (Г. Н. Вольная указывает для нее дело 10)? Какие документы вошли в дело 19 описи 1 фонда 37? «Раскопки в Северной Осетии» содержат заметку из тбилисской газеты «Заря Востока» от 21 июня 1946 г. с таким названием или свод каких-то материалов, не учтенных другими исследователями? При этом в списке Г. Н. Вольной не указано дело, упомянутое

Л. Р. Габоевой: «Иллюстративный материал экспедиции 1946 г. в Алагирском ущелье. НА СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15» [Габоева, 2017, с. 102]. Весь ли «пчелинский набор» выявлен в архиве института? Описей фондов НА СОИГСИ в открытом доступе не представлено [см.: Научный архив СОИГСИ...], т. е. ответы могут быть получены лишь при обращении к его документам. Будем надеяться, решение этих задач не составит труда, когда в подготовку материалов Е. Г. Пчелиной к печати включатся специалисты из разных учреждений.

Излишне детальный разбор дан с целью показать: до публикации работ Пчелиной необходимо выявить их точный состав в разных архивах, тщательно сопоставить имеющиеся варианты и копии (с правкой автора и без) для определения финальных версий и состава иллюстраций. Даже при том, что основная масса документов находится в СПбФ АРАН, ученых без сомнения ждут открытия и сюрпризы.

Во избежание возможных разочарований отметим: тексты Евгении Георгиевны о Нузале частью повторяют друг друга. Базовый объем исторических, этнографических, искусствоведческих и палеографических данных, обосновывающих концепцию часовни-усыпальницы, был собран к 1946 г., конспективно отражен в написанной до раскопок статье-докладе, более полно — в работе «Нузальская часовня в Северной Осетии». Виной тому не самоплагиат автора, а невыход трудов в свет: материал естественным образом перетекал в новые версии, пополняясь и уточняясь. Думается, что издание всех законченных работ этой тематики облегчит труд исследователей.

Введение архива Е. Г. Пчелиной в научный оборот растянулось на полвека по банальной причине хронической материальной недостаточности учреждений науки: нехватки рук, технических средств, оборудованных помещений. О перезревшей необходимости «ввода в строй» наследия ученого, его изучения и публикации не раз били в колокола представители осетинской научной общественности [см.: Калоев, 2004, с. 100; Чибиров, 2016, с. 39; Дадиянова 2017, с. 11–14]. Правительственное финансирование обработки фонда в преддверии 1100-летия крещения Алании позволило наконец решить эту проблему.

Обзорное знакомство с нузальской частью архива Е. Г. Пчелиной позволяет утверждать, что ею была проделана огромная работа по изучению памятника, сбору данных из всевозможных источников, их анализу. Работки обобщены по разделам и темам, имеется три

машинописных текста, до настоящего времени не опубликованных, а также несколько рукописных (их рассмотрение чрезмерно увеличило бы объем заметки). Они закончены в разной степени, содержат ценные фактические сведения, выводы, хотя частью взаимно «перекрываются». Потенциально при некоторой «доводке», снабжении научным аппаратом в виде комментариев и выверенной библиографии, иллюстрациями их публикация наряду с перечисленными выше работами без сомнений будет ценна. Однако хотелось бы призвать исследователей и публикаторов воздержаться от спешки, желания скорее обнародовать первоисточники по археологическому изучению замечательного памятника, успеть к юбилею и концу грантовых сроков, тем более раздербать наследство ученого для увеличения числа собственных статей, дамокловым мечом висящим над научным сотрудником. Проявим уважение к большому ученому, прошедшему нелегкий жизненный и научный путь, ее трудам независимо от спорности их содержания...

Евгения Георгиевна планировала написать о Нузальской часовне солидную работу, охватывающую все аспекты ее исследования: архитектурные корни, типичность и особенности, исходное назначение и переустройство в усыпальницу, фресковый ансамбль, интерпретацию погребения, доказательства этнического происхождения и царского достоинства Давида Сослана из рода Царазонта, подоплеку брака с Тamarой, государственную и военную деятельность, осетино-грузинские отношения XII — начала XIII в., периода расцвета двух держав, Алании и Грузии, пусть история первой известна куда меньше по отсутствию собственных нарративных источников. Материалы (помимо аккумулярованных ранее) собирались, по-видимому, на протяжении 1950-х — начала 1960-х гг., предметно за работу она взялась приблизительно в 1964–1968 гг., какие-то дополнения вносились и позже. Индивидуальная особенность писать не единый последовательный текст, а отдельные его части как самостоятельные разделы или даже работы (авторское видение явно менялось на этапах длительного процесса), быть может параллельно, масса рабочих материалов, приложенных к ним, затрудняют понимание даже степени законченности темы, не говоря о структуре имеющихся подчас ворохов заметок и выписок. Немногие встреченные планы разновременны, отличны содержанием и компоновкой глав. Механически, при минимальном трудовложении, в полноценную работу эти части, разделы, наброски не сложить, во всяком случае по впечатлению первого знакомства. Вместе с тем имеется достаточно проработанный Е. Г. Пчелиной массив, из которого при старании

можно оформить если не монолитный труд, то ценный свод данных. Что не исключает варианта последовательной хронологически публикации работ либо издания в формате сборника (а может — собрания трудов). Обнародование этих материалов в свете близящегося юбилея христианизации Северного Кавказа представляется насущной задачей.

Вместе с тем не стоит забывать, что изучения и публикации заслуживает все научное творческое наследие замечательного исследователя, яркой и сложной личности — Евгении Григорьевны Пчелиной. Мы рассмотрели в общих чертах его небольшой сегмент, относящийся к Нузальской часовне как объекту особого интереса на пороге значительной даты в духовной истории нашей страны. По этой малой толике — капле воды, отражающей мир, — можно судить, какое богатство ожидает исследователей, рискнувших извлечь его из архивохранилищ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белецкий Д. В. Заметки о Нузальской церкви // Историко-археологический архив. 2004. № 2. С. 22–57.
- В Алагирском ущелье. Возвращение экспедиции Эрмитажа из Осетии // Вечерний Ленинград. 1946. 23 окт.
- Ванеев З. Н. Народное предание о происхождении осетин. Сталинир, 1956. 22 с.
- Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа: в 2 т. Цхинвали, 1989. Т. I. С. 315–332.
- Вольная Г. Н. Историк-кавказовед — Евгения Георгиевна Пчелина (к столетию со дня рождения). Армавир, 1995. 21 с.
- Габоева Л. Р. Нузальский грунтовый могильник // Аланское православие: история и культура: сб. материалов VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура» / отв. ред. М. Э. Мамиев. Владикавказ, 2017. (Аланская библиотека). С. 88–102.
- Гаглоева З. Д. Захарий Николаевич Ванеев. Цхинвали, 1981. 208 с.
- Гутнов Ф. Х., Тменов В. Х. Антропонимы предания об Ос-Багатаре // Проблемы исторической этнографии осетин: сб. ст. / отв. ред. В. Х. Тменов. Орджоникидзе, 1988. С. 35–49.
- Диадианова Т. В. О необходимости спасения архива выдающегося археолога и этнографа Е. Г. Пчелиной (1895–1972) // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам VII междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. № 5 (6). С. 5–16.
- Исследования по истории культуры народов Востока: сб. в честь акад. И. А. Орбели / редкол.: акад. В. В. Струве (пред.) [и др.]. М.; Л., 1960. 527 с.

- Калоев Б. А. Е. Г. Пчелина — ученый-кавказовед // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 98–111.
- Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990. 192 с.
- Кузнецов В. А. Предисловие // Е. Г. Пчелина. Ossetica: Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ, 2013. С. 6–7.
- Мамиев М. Э. Аланское православие: история и традиция. М., 2014. 264 с. (Аланская старина. История и культура).
- Мамукаев Т. Б. Тайна Нузальской часовни: Принадлежат ли исследуемые останки Давиду Сослану. Орджоникидзе, 1969. 124 с.
- Научный архив СОИГСИ им. В. И. Абаева // Официальный сайт СОИГСИ им. В. И. Абаева. URL: <http://soigsi.com/10-best-resume-writing-services-2012/> (дата обращения: 19.11.2019).
- Новикова А. Гробница Давида Сослана // Социалистическая Осетия. 1946. 9 июня.
- Пчелина Е. Г. Нузальская часовня — погребальный склеп Давида Сослана // Рæстдзинад. 1946 а. 8 июня (на осет. яз.).
- Пчелина Е. Г. Давид Сослан и Тамара // Рæстдзинад. 1946 б. 23 авг. (на осет. яз.).
- Пчелина Е. Г. Почему я считаю Нузальскую часовню гробницей Давида Сослана // Рæстдзинад. 1946 в. 1 окт. (на осет. яз.).
- Пчелина Е. Г. Нузальская часовня «Нузалы аргъуан» // Е. Г. Пчелина. Ossetica. С. 14–31.
- Раскопки в Северной Осетии // Заря Востока. 1946. 21 июня.
- Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. IV. Л., 1947. 32 с.
- Теплицкий И. З., Цагаев Н. Д. Памятники материальной культуры Северной Осетии. Орджоникидзе, 1963. 123 с.
- Тогошвили Г. Д. Сослан-Давид. Владикавказ, 1990. 144 с.
- Чибиров Л. А. Научное наследие Е. Г. Пчелиной как образец междисциплинарного исследования // Известия СОИГСИ. 2016. № 19 (58). С. 36–47.
- Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. 696 с.

А. В. Дарчиев, С. В. Дарчиева

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева ВНЦ РАН (г. Владикавказ)*

Нартовский эпос в исследованиях Е. Г. Пчелиной

В статье рассматриваются особенности использования Е. Г. Пчелиной материалов нартского эпоса как источника для историко-этнографических исследований. Е. Г. Пчелина широко привлекает нартские сказания в качестве иллюстрации к описываемым ею этнографическим явлениям. Несмотря на некоторые ощутимые недостатки, допущенные при анализе образа трехногого коня нартов, Е. Г. Пчелина высказывает ряд ценных наблюдений, несомненно способствующих как более глубокому изучению осетинской нартиады, так и реконструкции традиционных религиозно-мифологических представлений осетин.

Ключевые слова: нартский эпос, осетины, солярное божество, трехногий конь.

A. V. Darchiev, S. V. Darchieva

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian
and Social Studies (Vladikavkaz)*

The Nart Epic in the Studies of E. G. Pchelina

The article discusses the features of E. G. Pchelina's historical and ethnographic research based on the Nart epic. Pchelina uses numerous Nart legends to illustrate the ethnographic phenomena she describes. Despite some notable flaws made when analyzing the image of the three-legged horse of the Narts, Pchelina makes a number of valuable observations, which undoubtedly contribute to a deeper study of the Ossetian legends and to the reconstruction of the traditional religious and mythological representations of the Ossetians.

Key words: Nart epic, Ossetians, solar deity, three-legged horse.

Осетинский героический эпос, как известно, является важным историко-этнографическим источником, и Евгения Георгиевна Пчелина в своих исследованиях весьма широко привлекала материалы нартовских сказаний. Большей частью она использует их в качестве своего рода иллюстративного материала. Например, говоря об осетинском пиршестве или об осетинских военных дружинах, Е. Г. Пчелина обильно ссылается на сказания о пирах и походах нартовских богатырей [Пчелина, 1932, с. 155, 156], что, несомненно, способствует более живому восприятию описываемых этнографических явлений.

Нартовский эпос — весьма своеобразный источник, и многие использующие его исследователи допускают один и тот же методологический просчет, излишне прямолинейно отождествляя эпический текст и этнографическую реальность. В некоторых случаях не удалось этого избежать и Е. Г. Пчелиной. Так, говоря в статье «Родильные обычаи у осетин» о чрезвычайной стыдливости и уважительном отношении осетинок к своим мужьям, автор отмечает: «Это правило поведения не мешало, например, Нарт-Сатане в сказании „Хвалебная песнь в честь нарта Урызмага“ обратиться к своему мужу „снежнобородому“ богатырю со словами: „Что ты делаешь, наш старый черт? Чего ты бесишься?“» [Пчелина, 2013, с. 126]. Но ведь Сатана — это героиня сказания, сюжет которого развивается по своим законам и не стремится во всем соответствовать реальным бытовым нормам. Достаточно сказать, что супруги Урызмаг и Сатана приходятся друг другу братом и сестрой — союз, возможный в эпосе, но совершенно недопустимый и преступный для традиционного осетинского общества.

В статье «Обряд гостеприимства в Осетии», описывая распределение обязанностей всех членов семьи, принимающей гостя, Е. Г. Пчелина отмечает, что мальчики занимаются подготовкой дров для разведения огня в очаге [Пчелина, 1932, с. 142]. В то же время в одном из нартовских сказаний, на которые ссылается она в этой статье, обязанность по собиранию дров и поддержанию огня неожиданно возлагается на самого старшего из нартов — седобородого Уырызмага [Памятники народного творчества..., 1927, с. 8]. Налицо инверсия, которую следует рассматривать не в бытовом аспекте, а в мифологическом.

В ряде случаев ссылками на эпос Е. Г. Пчелина пытается обосновать определенно ошибочные утверждения. Так, в уже упомянутой статье о гостеприимстве она пишет: «Кусартом является все зарезанное в честь дзуара или божества на куывде и для гостя, например, петух, зарезанный для почетного гостя, также является кусартом.

Об этом см. [Памятники народного творчества осетин, вып. 2, с. 10], „Сказание о пире Урызмага“» [Пчелина, 1932, с. 158]. Однако в указанном тексте нет ничего, что подтверждало бы данное положение. У осетин кусарт — это всегда крупный или мелкий рогатый скот. Домашняя птица, даже забитая для гостя, никогда не обозначалась этим термином. Известный деятель осетинской культуры, этнограф Дж. Т. Шанаев (1848–1928) в 1870 г. писал: «Для почетного гостя резать барана или быка (на народном языке — делать *кусарт*), хотя бы оказывалась полная достача мяса у хозяев, — одно из правил гостеприимства» [Шанаев, 1870, с. 21]. Автор книги «Осетинские обряды и обычаи» (завершена в 1928 г., опубликована в 1991 г.) этнограф и краевед Б. М. Каргиев (1898–1937), описывая угощение для остановившегося на ночлег гостя, отмечает: «Кусарт акæнын йæ бон куына бауа æхсæвыгон, уæддæр ын карк аргæвддзæн» [Каргиев, 1991, с. 149]. («Если [хозяин] не сможет ночью сделать для гостя *кусарт*, то хотя бы зарежет ему курицу»).

В этой же статье начало пиршества, устроенного в честь гостя, Е. Г. Пчелина описывает следующим образом: «Хистер [*хистæр* «старший; глава застолья». — А. Д.] встает, в правую руку берет поданный ему урдигистегом [*уырдыгистæг* «прислуживающий на пиру». — А. Д.] рог, наполненный аракой, а на левую руку кладет кусок хабиджина [*хæбизджын* «ритуальный пирог с сыром». — А. Д.], поверх которого лежат: берзей [*бæрзæй* «шейная часть». — А. Д.], безег [*бæзыг* «передняя правая голяшка». — А. Д.] и ухо *gus* (кус), отрезанное от головы барана» [Пчелина, 1932, с. 145, 146]. Описание громоздкой конструкции, уместившейся в левой руке главы застолья, представляется совершенно неправдоподобным: 1) у осетин глава пиршества не произносит ни одного тоста, держа в руках шейную часть; 2) ритуальный пирог с сыром (*хæбизджын*) не может быть разрезан на куски до того, как старший произнесет первое молитвословие, освятив тем самым все приготовленные угощения; 3) от вареной головы жертвенного животного отрезают правое ухо и вместе с бокалом передают младшим, но ближе к завершению пиршества, а не в самом его начале. Мы не найдем ничего похожего ни в многочисленных ссылках на сказания, которыми автор снабжает статью, ни в этнографических источниках.

Начиная праздничное застолье, старший совершает моление, держа в правой руке чашу с пивом, а в левой — вертел с поджаренными ребрами либо верхний из трех пирогов, на котором лежит шашлык. И только после молитвословия старших разрешается разрезать пироги и наполнить бокал каждого участника застолья [Уарзиати, 2007,

с. 166]. Таков обычай в настоящее время, таким его описывали и многочисленные дореволюционные авторы [Периодическая печать..., 2016, с. 232, 367, 378, 445, 564, 708, 894].

Некоторые не вполне обоснованные положения связаны у Е. Г. Пчелиной с использованием материалов героического эпоса других кавказских народов. В статье «О местонахождении ясского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе» она высказывает следующее предположение: «...название города Дедякова могло произойти и от чеченского Дяттахо, названия местности, встречающегося в топонимике чеченского фольклора, относящегося к монгольской эпохе. В сказании „О канаве Тимира Хромого“ говорится о нарте Беркиме, купившем раба, оказавшегося сыном Тамерлана. Нарт Берким вынужден был бежать из Дяттахо, где он до того жил. Где находилась эта местность, мне пока еще не удалось окончательно выяснить» [Пчелина, 1963, с. 157].

Цитируемое Е. Г. Пчелиной сказание «Канавы Темира хромого» является не чеченским, а ингушским [Ахриев, 1875, с. 20–25]. Имя главного героя она также приводит с искажением — Берким вместо Барким (другой вариант — Баркум) [Ахриев, 1875, с. 20–25, 40]. Гипотеза, выводящая название города Дедякова из «чеченского Дяттахо», представляется маловероятной. Автор не указывает, на каком основании ею было определено направление заимствования: из чего следует, что название аланского (resp. ясского) города происходит от ингушского топонима, а не наоборот — ингушский топоним имеет аланское происхождение? Напомним, что В. Ф. Миллер во второй части названия Дедяков (-ков) видел трансформированное осетинское *хъæу* «поселение», «селение» [Миллер, 1887, с. 69], и сама Пчелина не исключала возможность такого толкования [Пчелина, 1963, с. 157].

По признанию Е. Г. Пчелиной, ей не удалось окончательно выяснить местонахождение Дяттахо, однако этот пробел нетрудно восполнить. Обратимся к тексту первоисточника: «Барким должен был бежать из Дяттахо в Галгаевское ущелье, где он основал нынешний аул Озик. Впоследствии этот аул Барким тоже оставил и переселился в Шуанское ущелье, где устроил аул Макале, а оттуда он переселился в Кистинское ущелье, где, между нынешними аулами Ляжг и Оббоно, основал новый аул. Затем Барким оставил и этот аул, перешел в Джераховское ущелье на левый берег реки Терека и устроил нынешний аул Чми» [Ахриев, 1875, с. 25]. В приведенном фрагменте упоминаются только реальные топонимы (селения Озик, Макал,

Ляжг, Оббоно, Чми, ущелья Кистинское, Шуанское и Джераховское, река Терек). Не является исключением из данного топонимического ряда и Дяттахо, ибо это не что иное, как ингушское горное селение *ДыттагIа* «Дяттага» на левом берегу реки Фортанга, которое в литературе чаще встречается в форме Даттых и Датых. Анализируя этот вариант сказания о Баркиме, известная исследовательница вайнахского фольклора У. Б. Далгат также пишет, что Барким «бежал из Датыха» [Далгат, 1972, с. 231]. В настоящее время в Ингушетии существует Верхний Даттых и Нижний Даттых [Сулейманов, 1978, с. 81]. Благодаря своим древним могильникам селение Верхний Даттых хорошо известно археологам: в 1938 г. Л. П. Семенов обстоятельно исследовал группу подземных склепов Верхнего Даттыха [Семенов, 1952, с. 110–121]. Анализу археологического материала из Верхнего Даттыха отводится значительное место и в монографии В. А. Кузнецова [Кузнецов, 1962, с. 102, 103, 105, 111, 150].

До тех пор пока нартовские тексты играют в исследованиях Е. Г. Пчелиной только иллюстративную, вспомогательную роль, указанные несоответствия не являются критическими. Но там, где автор ставит перед собой цель более или менее развернутого анализа нартовских образов, неточности в использовании эпических текстов неизбежно приводят к неточным результатам и выводам. Речь идет о статье «*Æртæкъахыг* — осетинский мифологический конь (бронзовые фигурки VI–VII вв. н. э.)» [Пчелина, 1986, с. 45–48], которую мы рассмотрим подробнее.

В 1936 г. во время раскопок в осетинском святилище Реком Е. Г. Пчелина обнаружила бронзовую фигурку коня с двумя передними ногами и спиралевидным хвостом вместо задних ног. Находка не опубликована, ее настоящее местонахождение неизвестно, поэтому нам остается полностью полагаться на описание и атрибуцию автора. Е. Г. Пчелина отнесла предмет к «осетинскому раннему средневековью», отметив, с одной стороны, некоторое его сходство с античным гиппокампом, а с другой — отсутствие близких аналогий в мелкой пластике осетин и других народов Северного Кавказа.

Смысловое значение этого необычного изображения Е. Г. Пчелина попыталась прояснить, сопоставив с материалами осетинского нартовского эпоса, а именно с образом часто упоминаемого в сказаниях чудесного трехного коня *æртæкъахыг*-а. «Этот конь, — пишет автор, — носивший, по сказаниям, имя „Авсург“, „Арфан“ и др., имел две передние ноги, а сзади рыбий или змеиный хвост» [Пчелина, 1986, с. 45]. Мы видим, что автор выделяет у чудесного трехногого

коня осетинских сказаний два существенных признака, которые дают основание для сближения этого нартовского образа с бронзовой фигуркой коня из Рекома: 1) две передние ноги; 2) рыбий или змеиный хвост. Нартовские тексты, в которых чудесный трехногий конь описывается именно таким образом, автор указывает в примечании: «Абаев В. И. Из осетинского эпоса (десять нартовских сказаний по записи от сказителя Ильи Маргиева). М.; Л., 1939, с. 32 («Урызмага последний балц»), с. 44 («Сатана и Барагановская девица»). Имеется в записях и других сказителей» [Пчелина, 1986, с. 47, 48]. Однако ни на указанных страницах, ни где-либо еще в этой книге нет ни слова о двух передних ногах или о рыбьем/змеином хвосте у чудесного трехногого коня.

Святылище Реком связано с культом покровителя мужчин, воинов и путешественников Уастырджы, который в осетинских верованиях представляется всадником на трехногом коне. Согласно Е. Г. Пчелиной, этот божественный трехногий конь в нартовских сказаниях также имеет змеевидный облик, а кроме того, по мере надобности у него вырастает рыбий хвост, необходимый для преодоления водных пространств [Пчелина, 1986, с. 46]. Источник этих сведений Пчелина не указывает, что неудивительно: в осетинском фольклоре не существует ни одного текста, в котором трехногий конь Уастырджы предстает в змеевидном облике или с рыбьим хвостом. К тому же, в нартовском эпосе имеется ясное указание на то, что возникающие на его пути водные преграды этот конь преодолевает не благодаря рыбьему хвосту (который у него отсутствует), а при помощи крыльев: «Араст сты æмæ иу ран иу стыр доны былмæ бафтыдысты æмæ сæ донæн йе'ннаæ фарсмæ цауын хъуыд. Уастырджы бакатай кодта: „Йа, мæ бæх дзы ацæудзан, мæ бæх базырджын у, фæлæ дзы Маргъуыцы бæх куыд ацæудзæн?“» / «Отправились они в путь и в одном месте оказались на берегу большой реки, и нужно было им перебраться на другую ее сторону. Уастырджы забеспокоился: „Ну, мой конь переберется, мой конь крылатый, но как через нее перейдет конь Маргуса?“» (русский перевод наш. — Д. А.)» [Осетинское народное творчество..., 2011, с. 91, 92]. Данный текст записан Гагудзом Гуриевым от известного сказителя Гаха Сланова 13 сентября 1921 г. во Владикавказе [НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Г. А. Оп. 1. Д. 11. Л. 87–94].

Принадлежащий Уастырджы конь, как пишет Е. Г. Пчелина, «взвивался вверх так, что, казалось, он должен был удариться головой о небо, и затем прыгал вниз так, что под ним вздрагивала земля» [Пчелина, 1986, с. 46]. В примечании к этому месту она добавляет:

«Такие прыжки в небо делали и другие „кони-нарты“, происходившие обычно из табунов Уастырджи. См. например, сказания „Морской конь“ (ССКГ, в. II. Тифлис, 1869, с. 11), („Елахсардтон и Негоралдар“ (Памятники народного творчества осетин, в. II. Владикавказ, 1928, с. 68)» [Пчелина, 1986, с. 48]. Однако читатель, решивший воспользоваться указанными ссылками, обнаружит, что сказание «Морской конь» принадлежит аварскому фольклору, в котором ровным счетом ничего не известно ни об осетинском Уастырджи, ни о его табунах. В осетинском сказании «Елахсардтон и Негоралдар» Уастырджи ни разу не упоминается, а о происхождении чудесного коня сообщается только то, что он из табунов фамилии Асовых.

Как видно, в рассматриваемой статье археологическим артефактам приводятся такие нартовские аналогии, достоверность которых ничем не подтверждается, поэтому выводы о связи бронзовой фигурки из святилища Реком и трехногого коня нартовских сказаний теряют основание. В то же время в статье имеются ценные наблюдения, которые автор не связывает непосредственно с мотивом трехногости чудесного коня, однако именно они способствуют его истолкованию.

Е. Г. Пчелина справедливо отмечает, что в образе Уастырджи имеются черты солнечного божества [Пчелина, 1986, с. 45]. И не случайно именно он выступает обладателем чудесных коней, поскольку солярный символизм коня широко распространен как в индоевропейской мифологической традиции, так и за ее пределами. Признавая, что у осетин конь также выражал солярную сущность, Е. Г. Пчелина, тем не менее, относит образ чудесного трехногого коня к более архаичным представлениям о единстве трех стихий: неба-огня-солнца (крылья), земли (его конская сущность) и воды (рыбий хвост) [Пчелина, 1986, с. 47].

Мы полагаем, что трехногость коня может быть объяснена именно в связи с его солярным значением, в пользу чего говорят некоторые факты индоиранских мифологических представлений. В ведийской мифологии солнечное божество Вишну совершает три чудесных шага, которые, по наиболее распространенной трактовке, обозначают движение солнца: восход, зенит и закат [Кейпер, 1986, с. 102]. Для нас особенно интересно отметить, что благодаря этому мифу Вишну представляется трехногим [Varadpande, 2009, p. 51].

Три шага Вишну — это не только движение солнца, но и путь в высший солнечный мир, в котором пребывают люди после смерти [Dumézil, 1968, p. 235]. Аналогичное представление существовало в иранской мифологии. Тремя шагами Амэша-Спэнта (высшие

божества зороастрийского пантеона) восходят от земли к солнечной сфере и достигают райской обители праведных душ [Darmesteter, 1892, р. 401]. Иранский рай мыслился состоящим из трех ступеней, и душе праведника необходимо сделать три шага, чтобы пройти эти ступени [Мейтарчян, 2001, с. 44]. Третья ступень рая у иранцев относится к сфере солнца [Там же, с. 48], подобно тому как в «Ригведе» третий шаг Вишну отождествляется с солнцем в зените [Кейпер, 1986, с. 102].

В этой связи необходимо отметить еще одно ценное наблюдение Е. Г. Пчелиной, на которое, к сожалению, не обращают должного внимания. Исследовательница отмечает, что солнечный Уастырджи не только сам перемещается между мирами на трехногом коне, но и одаривает чудесными конями умерших людей, чтобы они могли быстрее и легче добраться до Страны мертвых [Пчелина, 1986, с. 45]. Учитывая явную связь солнечного Уастырджи с миром мертвых, можно предположить, что его трехногий конь есть зооморфное воплощение все той же архаичной индоиранской мифологемы о трех шагах солнечного божества, возносящих душу праведника в обитель блаженства.

Итак, на примере работ, в которых в качестве источника используется нартовский эпос, мы видим, что ценные сведения и наблюдения у Е. Г. Пчелиной нередко перемежаются с непроверенными фактами и ощутимыми неточностями. И если нашей целью является не только архивная обработка, но и введение материалов Е. Г. Пчелиной в научный оборот, то совершенно очевидно, что их публикация должна сопровождаться обстоятельным научным комментарием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Вып. 8, отд. I. С. 1–40.
- Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты / отв. ред. И. А. Дахкильгов. М., 1972. 467 с.
- Каргиев Б. М. Осетинские обряды и обычаи. Владикавказ, 1991. 161 с. (На осет. яз.)
- Кейпер Ф. Б. Я. Три шага Вишну // Труды по ведийской мифологии / отв. ред. Т. Я. Елизаренкова. М., 1986. С. 101–111.
- Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа / отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1962. 164 с.
- Мейтарчян М. Б. Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб., 2001. 248 с.
- Миллер В. Ф. Осетинские этюды : в 3 ч. М., 1887. Ч. 3. 216 с.

- Осетинское народное творчество / сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 2011. 160 с. (На осет. яз.)
- Памятники народного творчества осетин : в 3 вып. Владикавказ : Осетинск. науч.-исслед. ин-т краеведения, 1925–1927. Вып. 2 : Дигорское народное творчество / В записи Михаила Гарданти ; предисл., пер. на рус. яз. и примеч. Гр. А. Дзагурова (Губади Дзагурти). Владикавказ, 1927. 158 с.
- Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах : в 3 т. / сост., предисл., примеч. и коммент. Л. А. Чибирова. Изд. 2-е. Владикавказ, 2016. Т. 2. 1224 с.
- Пчелина Е. Г. *Æртæкъахыг* — осетинский мифологический конь (бронзовые фигурки VI–VII вв. н. э.) // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье / отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1986. С. 45–48.
- Пчелина Е. Г. О местонахождении ясского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе // Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1966 гг. Т. II) / отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1963. С. 152–161. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 114).
- Пчелина Е. Г. Обряд гостеприимства в Осетии // Советская этнография. 1932. № 5–6. С. 140–163.
- Пчелина Е. Г. Родильные обычаи у осетин // Е. Г. Пчелина. *Ossetica*: Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ, 2013. С. 106–135.
- Семенов Л. П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1952. Вып. 46. С. 110–121.
- Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии : в 4 ч. Грозный, 1978. Ч. II. С. 289 с.
- Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин // В. С. Уарзиати. Избранные труды. Этнология. Культурология. Семиотика / сост. В. А. Цагараев, Е. М. Кочиева. Владикавказ, 2007. Кн. 1. С. 12–255.
- Шанаев Дж. Т. Осетинские народные сказания // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3, отд. II. С. 1–38.
- Darmesteter J. *Le Zend-Avesta*. Traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique. Paris, 1892. Vol. I. 500 p.
- Dumézil G. *Mythe et épopée* : en 3 vol. Paris, 1968. Vol. 1 : *L'ideologie des trois fonctions dans les épopées des peuples indo-européens*. 653 p.
- Varadpande M. L. *Mythology of Vishnu and His Incarnations*. New Delhi, 2009. 224 p.

Н. В. Крапошина

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Материалы Е. Г. Пчелиной к исследованию «Страна мертвых у осетин»

Статья посвящена обзору материалов личного фонда Е. Г. Пчелиной, относящихся к одной из неопубликованных работ исследователя — «Страна мертвых у осетин». Сохранившиеся многочисленные библиографические выписки и заметки в значительной степени дополняют текст рукописи, посвященной погребально-поминальным обрядовым традициям осетин.

Ключевые слова: «страна мертвых», осетины, погребально-поминальные традиции, хист.

N. V. Kraposhina

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

E. G. Pchelina's Materials for the Study „The Ossetians' Country of the Dead“

The article reviews the materials of E. G. Pchelina's personal papers related to one of the unpublished works of the researcher — „The Ossetians' Country of the Dead“. Numerous bibliographic excerpts and notes largely complement the text of the manuscript dedicated to the funeral and memorial ritual traditions of the Ossetians.

Key words: „The Ossetians' Country of the Dead“, Ossetians, the funeral and memorial ritual traditions, „hist“.

В архивном наследии Евгении Георгиевны Пчелиной, тщательно подготовленном исследователем к хранению в академическом архиве, значительную часть составляют материалы, связанные

с погребальными обрядовыми традициями Северной и Южной Осетии. В 1930-е гг. Е. Г. Пчелина активно занималась полевыми археологическими и этнографическими исследованиями в ее горной, преимущественно северной части, длительное время находилась в экспедиционных поездках, поэтому повседневная жизнь осетин также являлась объектом ее этнографических изысканий.

В традиционном общественном укладе жизни осетин погребально-поминальные традиции занимают особое место, соединив в единое целое многовековые традиции социальной жизни, религиозные представления о жизни и смерти человека, нашедшие также отражение в мифологии и народных преданиях и укладе повседневной деятельности. Материалы о погребальных обрядах осетин были частично использованы Е. Г. Пчелиной при подготовке одной из глав монографии под названием, предполагающим энциклопедичность издания, — «Ossetica», оставшейся при жизни автора незавершенной. В состав этой работы исследователь планировала включить как уже опубликованные на тот период времени статьи, так и работы, находящиеся в разной степени завершения или доработки. К таким относится и сохранившийся второй экземпляр труда под названием «Материалы к главе „Страна мертвых у Осетин“» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515].

В 2019 г. Николай Георгиевич Пчелин, внук Е. Г. Пчелиной, передал на хранение в академический архив первый экземпляр этой работы. Оба упомянутых документа представляют собой машинописный текст на 125 страницах с небольшой авторской правкой и вставками карандашом слов на осетинском языке. На титульном листе рукописи указан 1932 г., но в обширных комментариях, сопровождающих текст, встречаются упоминания о полевых изысканиях автора, выполненных уже во второй половине 1930-х гг., и опубликованных по их результатам статья [Пчелина, 1937].

По замечанию самой Е. Г. Пчелиной, собранные ею материалы о погребальных традициях осетин являлись продолжением ранее опубликованных работ «Дом и усадьба в нагорной полосе Южной Осетии» [Пчелина, 1930 а] и «„Ossetica“ (Опыт библиографии)» [Пчелина, 1930 б]. По свидетельству Е. Г. Пчелиной, собранные этнографические материалы явились результатом «многолетних личных наблюдений и критической проверки имеющейся по данной теме литературы» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 1–2]. Во введении к исследованию Е. Г. Пчелина упомянула о включении в текст лишь трех из задуманных ею частей: «Приближение

смерти», «Погребальный обряд» и «Поминки», с территориальным ограничением «горной частью Северной и Южной Осетии <...>, не затрагивая „плоскости“» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 2]. Две заключительные части — «Могильные и надгробные сооружения» и «Загробные верования» — не получили текстового завершения и сохранились лишь в виде комплекса подготовительных материалов: библиографических выписок и заметок.

Во введении к первой части — «Приближение смерти» — Е. Г. Пчелина на примере членов семьи, дальних родственников и односельчан, находящихся рядом с тяжелобольным, рассмотрела обрядовые традиции, сопровождающие уход человека из жизни. Повседневная жизнь осетин, в течение ряда поколений проживающих в горных районах Северной и Южной Осетии, неразрывно связана с природой, поэтому в тех трагических обстоятельствах, когда в селении узнавали о болезни кого-либо из сородичей, особое внимание уделялось природным приметам, с помощью которых родные и близкие надеялись определить дальнейшее развитие событий.

Рассказ о путешествии осетин в «страну мертвых» Е. Г. Пчелина продолжила на примере обрядовых традиций, обязательных к соблюдению в дни болезни кого-либо из жителей селения. «Хабар»¹ — новость о серьезной болезни, в особенности пожилого человека, заставляла родственников, соседей и знакомых в обязательном порядке посетить дом занемогшего. Невыполнение этого обряда становилось «незабываемой обидой в семье и фамилии» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 4]. При посещении дома больного соблюдались определенные правила поведения. Между присутствующими велся ободряющий больного разговор, с пожеланиями в его адрес скорейшего выздоровления, гостевое угощение носило ритуальный характер и употреблялось в умеренном количестве. В зависимости от хода болезни, в случае безрезультатного использования известных лечебных средств, члены семьи могли прибегнуть к более сложным обрядам, способствующим облегчению страданий больного. Так, в 1926 г. в селении Сохта, расположенном в Дзауском (Джавском) районе Южной Осетии, а в 1930 г. в селении Роки (Рок, Рук) со слов местных жителей Е. Г. Пчелина записала последовательность выполнения одного из ритуалов, связанных с обращением к силам природы. Единственному сыну-подростку одного из родственников было поручено на заре обежать семь источников и набрать из каждого немного воды.

¹ Осетинские термины даны в той форме, в какой их приводит Е. Г. Пчелина.

Обязательным условием этого обряда являлась подача воды больному до пробуждения всех живущих в доме [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 7]. В случае, если и этот обряд оказывался бесполезным, тогда за помощью обращались к местным знахарям, особенно в глухих горных селениях, где в 1930-х гг. государственная медицинская помощь еще не всегда была доступна. Для женщин рода, во время нахождения больного в измененном сознании, было важно получить какие-либо косвенные сведения о существовании «страны мертвых». С этой целью они обращались к больному с примерным вопросом: «...что он видит перед собой по дороге мертвых, что говорят они [т. е. умершие. — Н. К.] и не обижены ли чем-нибудь от живых, не голодают ли в стране мертвых и достаточно хорошо были сделаны по ним поминки» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 8].

По традиции, у осетин кончина больного и последующий ритуал прощания сопровождалась громкими криками и рыданиями. По замечанию Е. Г. Пчелиной, погребальный обряд являлся «единственным исключением» для жителей Осетии, для которых в быту характерна сдержанность в проявлении чувств, но в данной ситуации было обязательным преувеличенное, шумное выражение горя. Такое поведение объяснялось убеждением в том, что чем активнее многолюдное собрание выражает свое горе возгласами и слезами, тем легче умершему. Для оповещения соседей и родственников, живущих в дальних селениях, отправлялся особый конный посланец — «каргеног», по темному убранству которого каждый встречный догадывался о цели его путешествия. Близкие умершего, получив трагическое известие, немедленно собирались в путь. В 1927–1929 гг. Е. Г. Пчелина была свидетелем исполнения подобного обряда в Дигорском, а также в Алагирском ущелье, где с 1934 г. занималась изучением местных археологических памятников [Вольная, 1995, с. 7].

После кончины больного или умершего по иной причине человека в доме начиналось проведение обрядов прощания с телом умершего, основные моменты которого представлены в следующей части исследования — «Погребальный обряд». Некоторые наблюдения Е. Г. Пчелина помнила еще с детских лет, когда в 1907 г. в Южной Осетии впервые стала свидетелем обрядового шествия мужчин к телу покойного и упомянула об этом в комментариях к работе [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 19]. Согласно народным традициям, соблюдались определенные ритуалы во время краткого периода пребывания тела усопшего в доме и в последующей

церемонии похорон, так как их нарушение могло повредить душе покойного благополучно достичь «страны мертвых». Сразу после кончины в очаге гасился огонь, который не зажигался вплоть до окончания погребальных поминок — хиста. Среди традиционных можно отметить ритуал положения умершего на трехногую скамью так, чтобы тот «смотрел на солнце», на почетном месте у стены хадзара, главного строения осетинской усадьбы. Все хлопоты по погребению поручались знакомым умершего, в обязанности которых входила подготовка тела к погребению: омовение, одевание в красивую чистую одежду, чтобы «не стыдно было бы умершему въехать в страну мертвых». Умерший мужчина накрывался буркой, женщина — хлопчатобумажной тканью. До 1917 г., если покойный был известен и почитаем, на улицу выходил глашатай, объявлявший весть о кончине достойного человека. В день похорон молодые родственники-мужчины отправлялись на родовое кладбище рыть могилу. Захоронение на нем было связано с представлениями осетин о необходимости погребения близких в одном месте, чтобы умершим было легче найти друг друга в ином мире [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 29]. Согласно обрядовым традициям, на родовое захоронение покойного провожали всем селением, обязательно до захода солнца (ил. 58 на вклейке).

Этот обычай был связан с представлениями осетин о том, что с последними лучами солнца, в случае нарушения традиции и захоронения умершего в сумерках, Барастыр (Barastyr; в осетинской мифологии — властитель загробного мира) закрывал врата в страну умерших, а ненашедшая пристанища и покоя душа бродила до рассвета. Зимой умершего везли на санях, в другие времена года — на бурке, закрепленной на жердях, привязанных к двум лошадям (рис. 1).

Если умерший являлся мужчиной, то позади его гроба или носилок один из важных участников похоронной процессии — *xistœr* — вел посвящаемого покойному нарядно убранного коня (*Boex faldyst*). В мае 1934 г. Е. Г. Пчелина в последний раз наблюдала этот обряд в селении Верхний Зарамаг в Алагирском районе Северной Осетии [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 37]. В том случае, если место захоронения находилось далеко от селения, одетые в темные платья женщины, с традиционными траурными платками на головах, могли с горестными восклицаниями (заплачками) вернуться в селение, но главная по старшинству женщина в семье — *авсин* оставалась выполнять необходимые элементы погребальной церемонии (рис. 2–3).

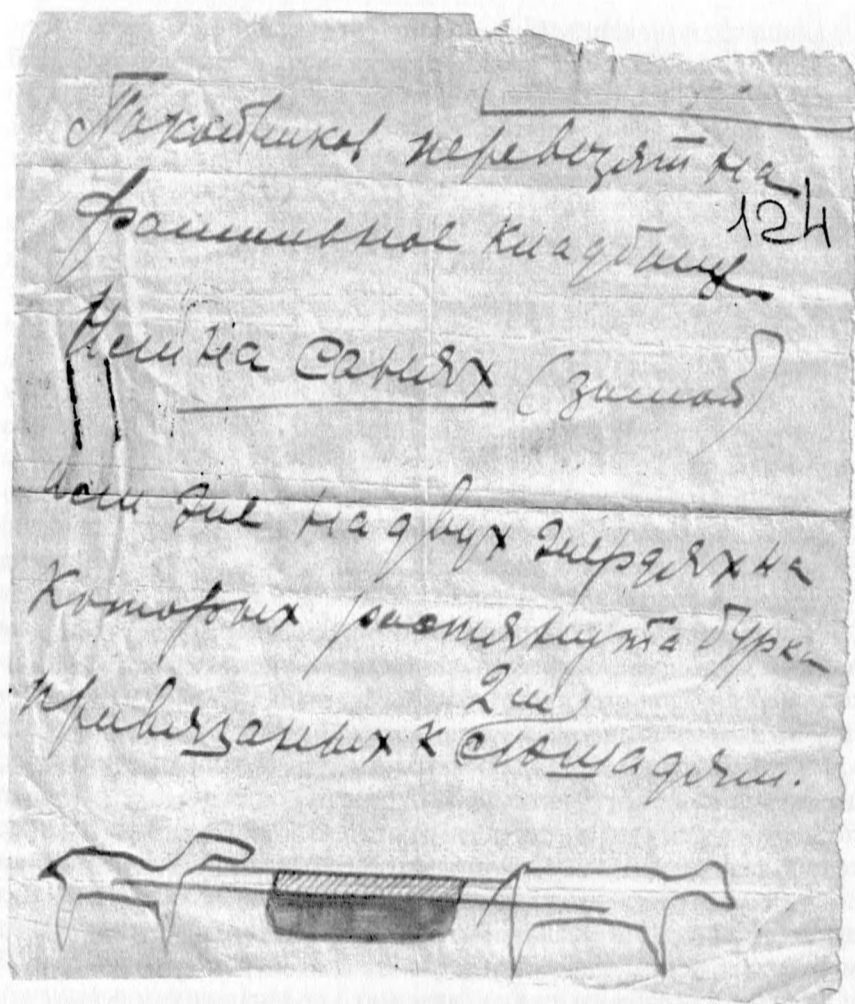


Рис. 1. Конные носилки из бурки, растянутой на жердях, для перевозки тела умершего (рисунок в тексте Е. Г. Пчелиной).

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 516. Л. 124

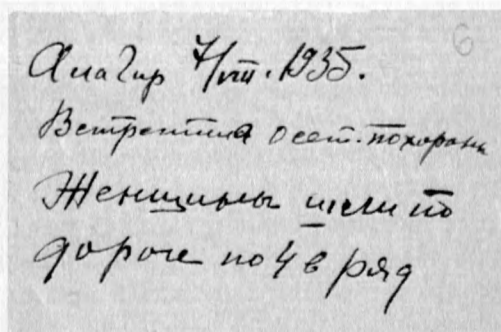
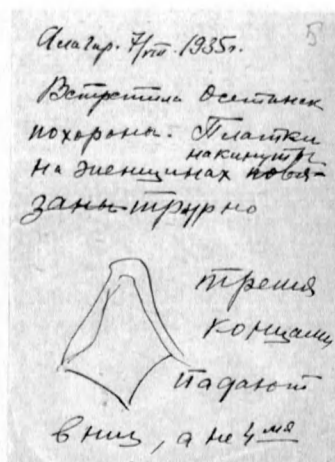


Рис. 2–3. Заметки Е. Г. Пчелиной о встрече похоронной процессии с рисунком в тексте. 7 августа 1935 г., село Алагир.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 518. Л. 5, 6

В похоронной церемонии проводов умершего мужчины жертвенный конь имел особое значение для облегчения покойному путешествия в «страну мертвых». В прощальный обряд входило обязательное кормление жертвенного коня ритуальной пищей — «дорожным кормом». В ходе погребальной церемонии хистог вкладывал узду коня в руку покойного со словами: «Эта лошадь да будет посвящена этому умершему». В заключительной части погребального обряда практиковались скачки старшего мужчины на жертвенной лошади. Считалось, что в тот момент, когда животное теряло силы, душа умершего совершала свой переход из страны живых в «страну мертвых». Как правило, впоследствии таких коней покупали неохотно, считая их слабыми, отдавшими всю силу умершему «хозяину». По наблюдениям Е. Г. Пчелиной, в народных сказаниях обряд посвящения коня встречался редко, но на могильных памятниках — «циртах» — достаточно часто можно было обнаружить рисунки, изображающие «Воех foeldisoe» — человека, посвящающего коня умершему. В ходе проведения погребального обряда участники церемонии произносили краткие прощальные речи, обязательным элементом церемонии являлось положение ими в могилу каких-либо личных вещей: пуговиц, пряжек, колец, «для того, чтобы в царстве мертвых» впоследствии им «можно было опознать умершего» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 42].

В заключительной части рукописи — «Поминовение усопших» — Е. Г. Пчелина рассмотрела основной корпус традиционных поминальных трапез осетин. Виды поминок разделены Е. Г. Пчелиной на две группы в соответствии с назначением и временем их проведения, а также по религиозному признаку. В первую группу исследователем включены описания тридцати одной ритуальной церемонии, которые соблюдались семьей усопшего в течение года и проводились в семьях осетин-христиан (ил. 59 на вклейке).

Ко второй группе отнесены «большие поминки», проводившиеся в осетинских селениях после сбора урожая. Их основной целью являлось «кормление» умерших родственников с целью обезопасить мир живых от гнева ушедших в «страну мертвых». По религиозным представлениям осетин, умерший являлся переселенцем из страны живых в «страну мертвых», а род, провожающий умершего, расставался с ним только на время, до встречи в загробном мире. Многочисленные хисты (поминки) предназначались для помощи умершему, передачи необходимых ему вещей, чтобы его душа не тревожила мир живых. Если по каким-либо причинам поминки в семье не соблюдались, умерший мог найти способы добыть необходимое для себя самостоятельно, но при этом тревожить оставшихся в мире живых родных. Когда умерший имел особые заслуги при жизни, в «стране мертвых» он становился могущественным духом, оказывающим покровительство роду, поэтому поминальные трапезы способствовали укреплению последнего. У кавказских народов поминание умерших являлось обрядом, требовавшим строгого соблюдения норм — времени проведения, состава участников, ритуального поведения, приготовления еды и напитков, их потребления. Поминки проводились как по мужчинам, так и женщинам, детям, в том числе новорожденным, и часто были разорительны для семьи. В случае необходимости проведения поминок в течение года или ряда лет, по нескольким умершим, семья могла обнищать, даже прибегнуть к продаже пахотной земли. К поминкам готовилась обильная ритуальная пища. За столом обряд происходил в определенном порядке, после чтения молитвы, благословляющей трапезу живых (ил. 60 на вклейке).

Приведем примеры некоторых из поминок, ритуалы проведения которых подробно описаны Е. Г. Пчелиной. В ночь накануне погребения родные и близкие готовили первый поминальный стол, по представлениям осетин, важный для умершего, находящегося в начале своего путешествия в «страну мертвых» и особенно нуждающегося в пище. Первый хист — «ночь поминовения

усопшего» — устраивался для взрослых мужчин во вторую ночь после кончины, «но чаще в Южной Осетии, чем в Северной». Следующие поминки — «Uoellmærd hærnæg xist» — устраивались как по мужчинам, так и по женщинам в ночь погребения. Доступ к поминовению был свободный, все желающие могли почтить память умершего. Пришедшие на хист оказывали помощь в организации поминальной трапезы, по возможности помогая родным умершего, принеся с собой часть продуктов. О следующем поминовении — «Mady xist» («поминовение матерью») — Е. Г. Пчелина упомянула как о достаточно редком обряде, сохранившемся в наиболее глухих селениях Осетии. Такие поминки проводились ночью только для самых близких родственников. На другой день после похорон устраивался «Artygrag rajsomy xist» — «огонь хиста». В утро этого дня женщины уходили на родовое захоронение оплакивать умершего, с собой они брали часть скамьи — место последнего пребывания умершего в родном доме, и проводили обряд оплакивания рядом с местом погребения, около разведенного огня [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 72].

Из значимых дней поминовения Е. Г. Пчелина отметила «хист первого вечера под субботу», который проводился в вечер первой пятницы после дня кончины для всех умерших без исключения. Еще один поминальный обряд «Axsaevor xoeraen xist» (хист еды ночью) совершался в промежуток времени до шести месяцев от дня смерти и зависел от возраста и количества женщин, участвующих в поминках, а также от того, по ком из умерших держался пост. На сороковой день проводились поминки «Dyuissaedzy bonu» — «хист сорокового дня». Из описаний шести поминок, отнесенных Е. Г. Пчелиной ко второй группе, следует назвать «хист едения зерна». В этой поминальной трапезе участвовали только мужчины, которые приглашались не только из близлежащих домов, но и из отдаленных селений. В данном случае садились рядами, пофамильно (рис. 4).

На третьей неделе поста, в ночь с пятницы на субботу, и на четвертой неделе, во время пасхальных празднеств, проводился так называемый двойной хист «деланья блинов». Объединяющим элементом для всех видов поминок являлось чтение поминальной молитвы, отчасти импровизационной, но содержащей пожелания умершему светлого пути в «страну умерших», хранения посвященной ему пищи в чистоте, покровительства сил загробного мира. В 1937 г. подобный текст был записан Е. Г. Пчелиной в селе Згид Алагирского ущелья Северной Осетии со слов старейшины Шоштыка Томайты (1844–1938)

[СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 519. Л. 57–58]. Некоторые виды поминок являлись не только разорительными для семьи умершего, но и опасными для их участников. Так, во время проведения хиста «Duhy-uad», ритуальных «скачек на расстояние», нередкой была гибель не только лошадей, но и всадников (ил. 61 на вклейки).

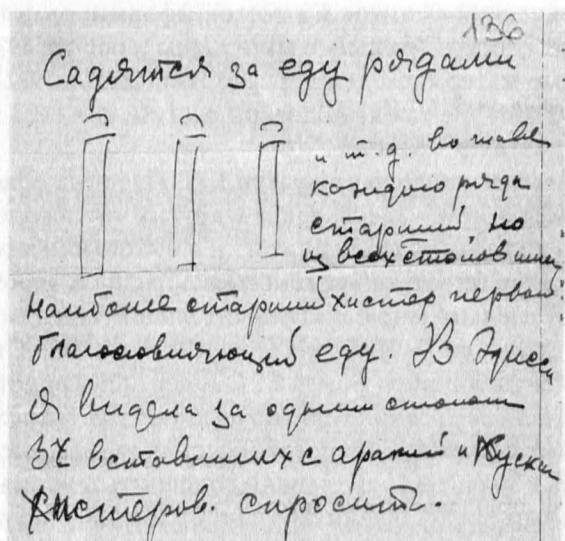


Рис. 4. Заметка Е. Г. Пчелиной о расположении поминающих за столами с зарисовкой

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 519. Л. 136

В заключительной части раздела, объединившего описания хистов, принятых у православных осетин, Е. Г. Пчелина упомянула несколько редких обрядов, связанных с поминовением мужчин, умерших насильственной смертью, «от руки врага», или с проводами в потусторонний мир ребенка.

Таким образом, загробная жизнь представлялась осетинам в виде продолжения земной, ее повторения, но с той разницей, что жизнь в «стране мертвых» продолжается бесконечно. Погребально-поминальный обряд в культуре Северной и Южной Осетии имеет особое сакральное значение, с присутствием черт, сходных с мировыми религиями, и в то же время с особенностями, присущими только этому региону Кавказа. Ценность неопубликованного исследования Е. Г. Пчелиной заключается, прежде всего, в личных наблюдениях автора, отмеченных как в примечаниях к тексту рукописи,

так и в материалах ее фонда, свидетельствующих о продолжении работы над этой темой в последующие десятилетия. Косвенным подтверждением этого предположения является резюме доклада, прочитанного Е. Г. Пчелиной 19 мая 1942 г. (в тот период она находилась в эвакуации в Свердловске), а также две целостные подборки библиографических выписок и заметок, сформированных ею под заголовками: «Дополнительные материалы к работе 1932 г.», «Дополнительные материалы для переработки статьи 1932 г. „Страна мертвых у осетин“», а также «Словари осетинских слов и выражений, встречающихся в тексте».

Отсутствие заключительной части Е. Г. Пчелина пояснила следующим замечанием: «Здесь, как и в других частях этой работы, я намеренно не дала ни одной аналогии о бытовании тех или иных обычаев, а также не затронула генезиса обрядов и верований, так как это будет сделано мною в заключительной части монографии [т. е. работе „Ossetica“ — Н. К.]» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 2]. Документы личного фонда Е. Г. Пчелиной свидетельствуют о том, что на основе древних религиозных текстов, мифологических и фольклорных сюжетов, библиографических данных исследователь предполагала в значительной степени дополнить текст материалами по религиозным представлениям разных народов о потустороннем мире, а сохранившаяся машинописная рукопись является лишь частью ее более крупной работы, посвященной завершению жизненного пути человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольная Г. Н. Историк-кавказовед — Евгения Георгиевна Пчелина (к столетию со дня рождения). Армавир, 1995. 21 с.
- Пчелина Е. Г. Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН. М., 1930 а. Т. II. С. 3–52.
- Пчелина Е. Г. «Ossetica» (опыт библиографии) // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН. М., 1930 б. Т. II. С. 169–232.
- Пчелина Е. Г. Родильные обычаи у осетин // Советская этнография. 1937. № 7. С. 85–103.

Р. Ш. Зельницкая (Шларба)

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

**Система социальных отношений в осетинском
обществе в конце XIX — начале XX в.
по материалам Е. Г. Пчелиной**

В статье на основе рукописных материалов Е. Г. Пчелиной из СПбФ АРАН рассматривается иерархическое устройство осетинского общества и изменения в нем после крестьянской реформы 1860-х гг., прошедшей в два этапа. Выделяются основные сословные группы традиционного осетинского общества и показывается особенности формирования привилегированного сословия. Подчеркивается, что важной особенностью формирования высшего сословия является факт наиболее раннего заселения конкретной местности. Также в статье рассматривается специфическая группа, входившая в низшее сословие, — *кавдасарды*, т. е. дети наложниц, которые не обладали всей полнотой прав, но рассматривались в большой семье как родственники.

Ключевые слова: Кавказ, осетины, осетинское общество, социальные отношения, социальная иерархия, материалы Е. Г. Пчелиной.

R. Sh. Zelnitskaya (Shlarba)

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

**The Social Relations System in the Ossetian
Society in the Late XIXth — Early XXth Centuries
Based on E. G. Pchelina's Archive**

The article discusses the hierarchical structure of the Ossetian society and the changes that occurred in it after the peasant reform of the 1860's having been performed in two stages. The article identifies the main class groups of a traditional Ossetian society and shows the features

of the privileged class formation. It is emphasized that an important feature of the upper class formation is the fact of the earliest settlement in a particular area. The article also deals with a specific group included in the lower class — *kavdasards* meaning *the children of concubines*, who did not possess full rights but were considered in a large family as relatives.

Key words: Caucasus, Ossetians, Ossetian society, social relations, social hierarchy, materials by E. G. Pchelina.

Система социальных отношений в осетинском обществе во второй половине XIX — начале XX в. претерпевала некоторые изменения. Они прежде всего были связаны с крестьянской реформой 60-х годов XIX в., результатом которой стало желание представителей некоторых привилегированных осетинских фамилий быть включенными в реестр российского дворянства.

Дело в том, что после первого этапа реформы (1864 г.) в Тагаурии, Куртатинском и Алагирском обществах большая часть земли была объявлена царским чиновническим аппаратом общинной, а местное привилегированное сословие и низшие слои были объединены в один класс. Похожий «удар» был нанесен и в Дигории, где также были образованы общинные участки, состоящие из бывших земель местной знати. Кроме того, здесь низшая категория населения была освобождена от повинностей. Вторым этапом крестьянской реформы стало юридическое освобождение низшего сословия и уравнивание его в правах с прежними владельцами. Эти меры и привели местную элиту к настойчивому желанию быть юридически признанным привилегированным сословием.

Для того чтобы понять, в чем заключался конфликт, вызванный крестьянской реформой, более подробно рассмотрим социальную иерархию осетинского общества в дореформенный период.

По сообщениям очевидцев, в XIX в. осетинское общество являлось равноправным земледельческим обществом, в котором существовало несколько более древних фамилий, пользующихся в народе уважением. Это уважение давало и особые преимущества. В целом осетинское общество Ф. И. Леонтович, опираясь на сведения А. Г. Яновского, делит на: 1) свободных, не признающих над собою никакой власти; 2) принадлежащих князю; и 3) подвластных помещикам, а именно грузинским князьям Эристовым и Мачабеловым [Леонтович, 1883, с. 1].

Представители первой категории, чувствуя полную свободу, использовали широкие личные, фамильные и семейные связи для

достижения своих социально-экономических целей, поддержания своего авторитета и статуса. Эти связи приобретались, как правило, через родство, которому осетины придавали особое значение. Оно могло быть не только кровнородственным. Широко использовались приемы установления квазиродственных отношений в виде кумовства, куначества, аталычества, усыновления, побратимства и пр. [Косвен, 1935, с. 49; Дзадзиев, 1984, с. 166; Смирнова, 1989, с. 118; Калоев, 2004, с. 167–168].

Осетинское общество было разделено на семейные общины и родственные союзы, которые входили в фамильные объединения — *мыггаг* (*мыггаг* «род, фамилия»).

Осетинский род имеет одного мифического предка. Он распадается на *арвадалта* (*арвадалта* «однофамильцы») и внутри него на отдельные *мыггаг*, а последние — на *фыдыном* (*фыдыном* букв. «имя отца»), которые в свою очередь распадаются на семьи [Косвен, 1936, с. 18].

Е. Г. Пчелина, изучая сословные отношения в осетинском обществе, большое внимание уделяла родовой организации. По ее сообщениям: «Осетинская родовая организация представляет непрерывный процесс расщепления родовых ячеек, возвышающихся и теряющих свою силу под влиянием сложных и взаимодействующих экономических и политических факторов» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 399. Л. 20].

Название *фыдыном* в разных родовых ветвях удерживается в пределах трех-четырех поколений, т. е. прадеда и деда, всегда являвшегося *хистаром* (*хистар* «старший»), возглавлявшим семью. После его смерти семья получала имя следующего *хистара*. Имена *хистаров* семьи сохранялись в родовых столбцах каждого ответвления *мыггаг*, по которым высчитывалось существование данной семьи в той или иной местности.

Род, в свою очередь, делится на отдельные колена. Колена одного рода представляют древние, сильно разросшиеся *арвадалта*, которые впоследствии распались на концентрические круги разделившихся *арвадалта* (родственные объединения). Колена обнаруживаются в перечислении родовых столбцов. *Æрвад кæнын* — «делать родство», т. е. оказывать родственные отношения [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 396. Л. 43].

В результате деления большой семьи образовывались отдельно взятые патронимии. Тех, кто отделился от одного огня, называют *иу* от *иуарт*, «один огонь» (схожие примеры можно отметить

у различных народов Кавказа). Патронимия представляет собой группу больших и малых родственных семей, образовавшихся в результате распада одной большой семьи, и сохраняющих между собой хозяйственную, общественную и идеологическую связь. Идеологическое единство патронимии состоит, помимо родственной связи, в общем культе и общем святилище, общем кладбище или отдельной части кладбища и в общем патронимическом названии, от которого терминологически произошли современные фамилии.

Выделение каждой паре супругов отдельного помещения (*уат*) с жизнью в большой семье и ведением общего хозяйства под кровом одного дома (*хæдзар*) — это начало распада семейной общины и зарождение патронимии. Часть территории, занимавшаяся большой семьей, охватывала селение (*хъæу*); распадаясь, эта большая семья образовывала патронимию [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 399. Л. 92].

В патронимии имеется сословное разделение на «старших» и «младших» *мыггаг*, что отражается на их имущественном и правовом положении.

Исследователи отмечают, что социальное расслоение осетинского общества более четко и ранее, чем в других ущельях, происходит в Дигории. Этот феномен связывается с ее выгодным географическим положением. Она имела «прекрасные экономико-географические ресурсы для развития скотоводства как основной хозяйственной отрасли, так и долгое время тесно взаимодействовала с соседними Балкарией, Кабардой, Имеретией и наладила торговые контакты с русской пограничной линией» [Скитский, 1972, с. 82].

Несмотря на то что земельная собственность играла важное значение в жизни общества, Тагаурия, находясь на выгодной и активно используемой Военно-Грузинской дороге, по своему социальному развитию была похожа на Дигорию. Больше всех по своему социально-экономическому развитию отставало Куртатинское общество. Здесь крупные родственные объединения — *арвадалта* — контролировали всю земельную собственность. Именно члены сильных фамилий (*тыхджын мыггæгтæ*, *стыр мыггæгтæ*) составляли местную знать. Алагирское общество в этом отношении оставалось более традиционным. «Здесь сочетались различные формы земельной собственности» [Кобахидзе, 2015, с. 277]. Именно поэтому Б. В. Скитский связывает появление сильных феодальных фамилий *стыр мыггаг* с обладанием земельной собственностью [Скитский, 1972, с. 78].

Что касается Алагирского общества, то здесь мы наблюдаем сходство в социальном расслоении с Куртатинским. Тут выделяются два

сословия — узданлагы (*уæзданлæгтæ*) и фарсаглагы (*фарсаглæгтæ*), права и обязанности которых и «отношения их между собою совершенно те же, что и у куртатинцев, с тою разницею, что у алагирских узданлаг нет ни кавдасардов, ни гурзиаков» [Леонтович, 1883, с. 19].

Алагирская знать осуществляла свою власть, прежде всего, через владение большей частью земли, с одной стороны, и своим древним благородным происхождением, с другой. Здесь мы наблюдаем типичные для всего Кавказа патрон-клиентские взаимоотношения, при которых сильные обязуются защищать слабых в обмен на их преданность. Такие патрон-клиентские отношения были необходимы в тех случаях, когда виновник преступления уходил из родного общества, искал убежища и защиты в другом месте.

«В Дигории основную крестьянскую массу составляли адамихаты (*адамихатт* — Р. З.) и хехесы (*хехестæ* — Р. З.), различающиеся главным образом по правовому статусу. Адамихаты представляли собой категорию крестьян, полузависимых от „сильных“ фамилий» [Кобахидзе, 2015, с. 281]. В случае, если члены адамихаты предпринимали смену места жительства внутри Дигории, движимое имущество сохранялось за ними, а недвижимое переходило к баделятам (*баделиатæ* — высшее сословие Дигорского общества). В том случае, когда адамихат покидал пределы Дигории, все движимое и недвижимое имущество доставалось местному феодалу. Таким образом, адамихат, сохраняя личную свободу, был экономически привязан к земле и покидал свое место жительства в самых крайних случаях.

По отношению к земельной собственности адамихаты оставались вечнонаследственными арендаторами, выплачивая баделятам ренту в виде натуральных повинностей, а в случае отсутствия у адамихата наследника по мужской линии все его движимое и недвижимое имущество переходило уже в собственность феодальной фамилии. Из среды адамихатов по призыву баделей формировались отряды, участвующие в военных мероприятиях, набегах, поездках [Кобахидзе, 2015, с. 281–282]. Переселившиеся в Дигорию хехесы, так же как и адамихаты, получали земельный участок, но распоряжаться им они могли только с разрешения местного феодала. Несмотря на то что они становились жителями местной общины, хехесы всегда оставались чужаками, поскольку не были связаны с местными жителями родственными отношениями. Следует отметить, что данный слой общества был известен только в дигорском обществе.

В Тагаурском, Куртатинском и Алагирском обществах большую часть населения составляли фарсаглагы. Название фарсаглагов

произошло от слова *фарс* — сторона и *лаз* — человек [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 255. Л. 2]. Характеризуя Тагаурское ущелье, Е. Г. Пчелина отмечает, что *фарсаглаги* составляли там сословие вольных людей. Первоначально они были потомственными арендаторами чужой родовой земли, впоследствии, при ослаблении значения большой фамилии, слившись с местным населением, входили в состав разнородных сельских общин, возникших на ранее родовых землях того или иного *мыггаг*. *Фарсаглаги* состояли в зависимости от *уазданлагов* только в том случае, если земли, обрабатываемые ими, лежали непосредственно в границах селений *уазданлагских* фамилий. Но и тогда зависимость их от *уазданлагов* основывалась на взаимных договорных условиях, выливаясь в продуктовую ренту.

«Здесь мы видим первичную стадию феодальных взаимоотношений, складывавшихся на подобие римского *Emphiteusis*», — пишет Е. Г. Пчелина [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 274. Л. 197]. Несмотря на то что *фарсаглаги* были вольными людьми, они несли некоторые повинности: сопровождали *уазданлага* в поездках по его делам в качестве телохранителей, были обязаны приготовить для *куывда* (праздника в родовом святилище) некоторое количество пива и выделить баранов, а к *хисту* (поминкам) также сварить пиво, испечь хлеб и предоставить овец по установленным нормам.

Фарсаглаги имели право переходить с земель одного *уазданлагского* *мыггаг* к другому, но тогда часть их имущества и снятого урожая доставалась *уазданлагскому* *мыггаг*, от которой они уходили. *Фарсаглаги* могли иметь рабов, приобретая их всяческими способами, но потомство их рабов было свободным и становилось *фарсаглагами* так же, как и их *кавдасарды* (*кавдасардтаэ*), т. е. дети наложниц, которых они по обычному праву иметь не могли, но фактически имели и отпускали после смерти отца. *Фарсаглаги* в Уаллагире (так Е. Г. Пчелина называла Алагирское ущелье) составляли самое многочисленное сословие. Ими могли стать беглецы с разоренных набегами земель, кровники, изгнанные за преступления из родовых общин (*дзагьгалтаэ*), переселенцы с неудобных земель или покинувшие родные места из-за распрей с *уазданлагами*.

Период относительно мирных взаимоотношений между *уазданлагами* и *фарсаглагами* относится к XVIII в., времени образования новых осетинских поселений. После переселения на плоскость их жители перешли к острой борьбе. Ссылаясь на записку от 10 ноября 1850 г. князя Эриста[во]ва [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 77. Л. 15] об обстановке в плоскостной Дигории, Е. Г. Пчелина пишет: «Ненависть

друг к другу... так велика, что каждый из них употребляет все меры, чтобы погубить другого, а в последнее время черный народ едва не решился оставить все полевые работы для того только, чтобы не давать ничего старшинам» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Д. 396. Л. 141–143].

В осетинском обществе помимо лично свободных общинников существовал слой зависимого населения, которое принимало покровительство стыр мыггаг, оседало на ее землях и вливалось в ее состав. Зависимое сословие составляли кавдасарды и рабы гурзиаги. Кавдасардами (в большинстве осетинских обществ), или кумиягами (в Дигории), назывались потомки от купленной за калым так называемой жены — *номылус*, или кумиячки. Этот институт возник в условиях социального неравенства и был одной из форм эксплуатации хотя и «свободных», но материально бедных слоев общества. Кумиячки жили, как правило, в помещениях для слуг или в конюшне, тогда как законная жена помещалась в доме. Кумиячка и ее дети оставались в доме хозяина до его смерти [Скитский, 1972, с. 75]. Ф. И. Леонтович пишет о том, что кавдасарды происходили «от слуг, привезенных узданылагами при переселении в Тагаурское ущелье, и от дочерей фарсаглагов в таком случае, когда узданылаг купит у фарсаглага дочь его не в жены, а в работницы. Тогда дети, рожденные ею, будут кавдасарды, принадлежащие узданылагу, хозяину их матери» [Леонтович, 1883, с. 12].

В социальной иерархии кавдасарды были выше гурзиагов, хотя в осетиноведении их принято считать домашними рабами. Жизнь кавдасардов в доме отца регламентировалась обычным семейным правом, обставлявшим статус младшего (не только по возрасту, но и по внутрисемейной иерархии) многочисленными правилами и ограничениями. Они считались «младшими детьми», их нельзя было продавать. За их убийство мстили баделята, а они в свою очередь тоже должны были мстить за своих баделей. Дочери кавдасардов выдавались замуж с согласия матери, а калым получал баделята.

Свой социальный статус они не могли изменить ни при каких обстоятельствах. Даже в тех случаях, когда кавдасард покупал земельный участок в собственность и определенное количество рабов, их дети также становились кавдасардами, принадлежавшими тому узданлагу, собственностью которого считался их отец.

Так как кавдасарды были связаны родственными узами с баделятами, последние активно использовали это обстоятельство, поскольку кавдасард не мог послушаться своего отца или другого старшего родственника. К этому обстоятельству добавлялось его низкое,

«незаконное» происхождение, становившееся тяжелым бременем не только для него, но и для его потомков.

Несмотря на ограничения, кавдасарды были лично свободными. Они не облагались поземельной повинностью и пользовались всеми правами, позволявшими им свободно переходить на новое место жительства, но обязаны были платить такую же, как и фарсаглаги, ренту в случае поселения на алдарской земле или в алдарском ауле.

Следует обратить внимание, что их положение не было одинаковым по всей Северной Осетии. Так, в Дигории и Тагаурии сословная принадлежность кумайагов и кавдасардов была наследственной, а социальный статус представителей этих категорий, связывавшийся с «низким» происхождением, не давал им права перехода в сословие адамихатов или фарсаглагов даже при наличии земельных участков, порой значительных, которыми их могли наделять феодалы, и свидетельствовал о «непрестижности» для «свободных по рождению» членов общества родственных отношений с такой фамилией, сколь бы экономически крепкой она ни была [Бзаров, 1988, с. 102].

В Куртатинском и Алагирском обществах за кавдасардами признавалось право перехода в сословие фарсаглагов в том случае, если владелец «отпускал их совершенно на волю» [Леонтович, 1883, с. 17]. Отделившийся кавдасард «не платил никакой поземельной повинности своим старшим братьям и пользовался правами свободного человека, хотя и сохранял свое родовое название» [Дубровин, 2015, с. 364]. За кавдасардами признавалось также право раздела выморочного имущества их хозяев [Леонтович, 1883, с. 18], в результате которого они также пополняли ряды «вольных людей».

На самой низкой ступени социальной иерархии осетинского общества стояли рабы — *кусаг* (в Дигории), *алхæд лæг*, *саулæг*, *цагъайраг* (в других обществах), чье положение было бесправным. Источниками пополнения числа рабов были набеги, купля-продажа или штрафы за отдельные провинности.

Среди них были те, кто работал в хозяйстве феодала, и те, кого сильная фамилия сажала на землю. Количество домашних рабов, которых можно было продать, купить, подарить или отпустить на волю по своему усмотрению, ограничивалось только состоянием хозяина, поскольку никому не запрещалось иметь их, «сколько кому угодно, и они находятся во всех обществах у богатых людей Владикавказского округа» [Кобахидзе, 2015, с. 285].

Осетины плохо обращались с рабами в том случае, если те пытались сбежать. Когда пойманный осетинами человек бывал богат, он

мог получить свободу за определенную сумму денег или за оружие, скот равной стоимости. В случае договоренности о выкупе к нему относились уже как к гостю, и его охраняли жители всего селения, в которое он перед тем был доставлен насильно.

Бывали случаи, когда попавший в плен мальчик после совершеннолетия получал участок земли, женился и становился основоположником новой фамилии. Е. Г. Пчелина приводит пример такой фамилии: «...мыгкаг Цогайт из селения Лоар в Алагирском ущелье, происшедшая от мальчика-грузина, похищенного и усыновленного» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Д. 395. Л. 63].

Таким образом, рассмотрев систему социальных отношений в традиционном осетинском обществе, можно сказать, что здесь существовала развитая социальная иерархия, хотя российская администрация отказывалась ее признавать. Кроме того, большая часть населения являлась лично свободной, но была прикреплена к конкретному земельному участку. Смена места жительства фактически была невозможна, так как переселенец терял все свое имущество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бзаров Р. С. Три осетинских общества в середине XIX в. Орджоникидзе, 1988. 153 с.
- Дзадзиев А. Б. Формы искусственного родства у осетин // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 161–178.
- Дубровин Н. Ф. Кавказ и народы, его населяющие. М., 2015. 647 с.
- Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М., 2004. 357 с.
- Кобахидзе Е. И. Общественный строй // Осетины / под ред. З. Б. Цаллагова, Л. А. Чибирова. М., 2015. С. 274–293.
- Косвен М. О. Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2. С. 41–62.
- Косвен М. О. Из истории родового строя Юго-Осетии // Там же. 1936. № 2. С. 3–20.
- Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1883. Т. 38 / под ред. проф. А. А. Кочубинского. 395 с.
- Скитский Б. В. Сословный вопрос в Северной Осетии во II-й половине XIX в. и в начале XX в. // Б. В. Скитский. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 78–121.
- Смирнова Я. С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюции // Кавказский этнографический сборник. М., 1989. Вып. IX. С. 216–245.

Е. В. Колчина

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Соционормативная сфера культуры осетин в материалах Е. Г. Пчелиной

В статьях «Обряд гостеприимства в Осетии» и «Родильные обычаи у осетин» Е. Г. Пчелина раскрывает различные аспекты соционормативной сферы традиционной культуры, представляющие собой базовые духовные ценности этноса. Контекстно автор обозначает ряд тем монографического свойства, которые дают возможность составить полное представление о культуре изучаемого народа.

Ключевые слова: социализация, воспитание, соционормативное поведение, духовные базовые ценности.

E. V. Kolchina

The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg)

Socio-normative Sphere of Ossetian Culture in the Materials of E. G. Pchelina

In the articles „The Rite of Hospitality in Ossetia“ and „Maternity Practices of the Ossetians“ E. G. Pchelina reveals various aspects of the socio-normative sphere of traditional culture, which represent the basic values of an ethnic group. The author's materials make it possible to get a complete picture of the culture of the people studied.

Key words: socialization, socio-normative behavior, ethnic values, education.

Научное наследие Е. Г. Пчелиной включает материалы, посредством которых раскрываются различные аспекты соционормативной сферы традиционной культуры осетин. Это фрагменты текстов,

заметки, библиографические выписки к статьям «Обряд гостеприимства в Осетии» и «Родильные обычаи у осетин», опубликованным в журнале «Советская этнография» соответственно в 1932 и 1937 гг. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 496–498].

Известно, что нормативными составляющими являются правила межличностного общения в социуме, а также определенный набор нравственных качеств личности. В рамках различных аспектов соционормативной культуры находят воплощение также и базовые духовные ценности этноса. В процессе социализации происходит ретрансляции культурных норм, в том числе передача этнически обусловленных стереотипов совершенной/идеальной личности, в образе которой воплощаются конкретные цели воспитания. На протяжении всего жизненного цикла индивид приобретал социокультурный опыт, связанный с дифференцированием половозрастных ролей с соответствующими нравственными установками, моральными принципами, стилем поведения, психическим складом, типом темперамента, характерными для представителей той или иной этнической общности. Эти традиционные нормы представляют собой этнокультурное наследие, изучением которого Е. Г. Пчелина занималась на протяжении 1920–1930-х гг., прежде чем опубликовать свои работы.

Бессспорно, Е. Г. Пчелина относится к той блестящей плеяде ученых-энциклопедистов, которые внесли неоценимый вклад в дело изучения традиционной культуры народов России, благодаря, в том числе, своему базовому образованию, широчайшему кругозору, фундаментальному подходу к научным исследованиям. В статьях «Обряд гостеприимства в Осетии» и «Родильные обычаи у осетин» представлен полный спектр этнографических тем, от системы жизнеобеспечения до религиозных воззрений. Подобный метод (по сути монографический) является отличительной, характерной особенностью исследований Е. Г. Пчелиной, которая подходила к сбору информации о культуре изучаемого этноса, исходя прежде всего из необходимости максимально представить все ее составляющие. Е. Г. Пчелина фиксировала этнографические сведения с педантичностью археолога, тщательно «калькируя» даже мельчайшие детали обрядового действа. Следует отметить, что и сбор, и последующий анализ полевого материала автор осуществлял весьма обстоятельно. Используя сравнительно-исторический метод, Е. Г. Пчелина выявляла как этнолокальную специфику явлений традиционной культуры, так и универсалии в пределах этнического

сообщества, а также намечала подходы к кросс-культурным исследованиям, позволяющим фиксировать сходные и различные черты в традиционной культуре этносов, проживающих в рамках единого региона. Таким образом, представляется очевидным, что через темы, связанные с проблемами социализации, соционормативного поведения, автор освещает практически все многообразие аспектов традиционной культуры.

В черновых материалах к различным работам Е. Г. Пчелина приводит подборки этнических терминов на осетинском языке, их перевод на русский и толкование (в том числе в конвертиках, названных ею «Терминологический словарик» и «Термины»). Однако в печатном варианте к данным статьям термины приводятся только в тексте, а не отдельным блоком.

Еще одной из отличительных особенностей работ Е. Г. Пчелиной является обращение к фольклорным источникам, позволяющим находить аналогии этнографическим данным в произведениях устного народного творчества. В своих трудах она предлагает, по сути, междисциплинарный подход к анализу какой-либо культурной составляющей. Это становится структурообразующим принципом ее исследований. Проблемы начального этапа социализации в контексте соционормативной культуры ученый-кавказовед рассматривает через призму этнографии, лингвистики, фольклористики, археологии.

Не имея, очевидно, технической возможности включать весь собранный материал в основной текст статьи, автор приводит его в примечаниях, научная ценность которых чрезвычайно высока.

Характеризуя статью «Обряд гостеприимства в Осетии», сама Е. Г. Пчелина отмечала, что «заметки являются материалом к недописанной главе неоконченной книги и касаются только одного вида гостеприимства — приема почетного гостя» [Пчелина, 1932, с. 140].

Подготовленные материалы дают полное представление об обрядовых практиках в контексте института гостеприимства, включающих особенности застольного этикета, регламентацию трапезы, поведенческие модели, касающиеся вербальных и невербальных средств общения, о половозрастной стратификации, об идеале мужчины (сведения о том, какими он должен обладать характеристиками, качествами).

В патриархальном этнокультурном сообществе представлялось невозможным нарушение коммуникативных алгоритмов. На каждом этапе обряда гостеприимства существовала целая система обязательных к исполнению ритуалов. Начиная с момента

появления путника в селении и до этапа, когда гость его покидает, разыгрывается многоуровневое ритуализированное действо, в которое по мере развития вовлекаются разные члены общины. Каждый участник в этом процессе играл свою роль: *уазег* — гость, *фисим* — глава семьи, *урдигистег* — юноша, сопровождающий гостя в доме, *хистеры* — мужчины зрелого возраста, *кастэр* — молодые мужчины, *лябпугтэ* — мальчишки, *авсин* — старшая женщина в доме, *чиндзигте* — младшие женщины в доме и пр.

Евгения Георгиевна фиксировала данные о диетальной традиции и об этнически обусловленной пищевой модели, о гигиенических нормах и ритуальной чистоте. Пчелина обращает внимание на рецептуру яств, способы обработки продуктов, забоя барана и разделки туши. Исследователь отмечает не только обязательные на застолье подобного характера блюда (отварная баранина, шашлык, свежее испеченные мучные изделия — плоские круглые лепешки и пр.) и напитки (*арака* — крепкий алкогольный напиток, изготовленный из зерен кукурузы, ячменя или других зерновых культур, пиво), но и указывает порядок выноса кушаний, правила их расстановки перед собравшимися. Е. Г. Пчелина указывает, что гостей могли угощать уже очищенными от скорлупы сваренными вкрутую куриными яйцами (сложенными пирамидами), сыром (нарезанным крупными ломтями), огородными травами: луком, кресс-салатом, чесноком, редиской, тархуном [Пчелина, 1932, с. 145].

Достаточно большой блок информации посвящен правилам употребления алкогольных напитков и, соответственно, произнесению тостов, что представляется структурообразующим элементом обряда. Как отмечает исследователь, «пить спиртное без произнесения тоста вообще не полагается, так как тогда и действо трапезы не доходит до своего назначения» [Пчелина, 1932, с. 146]. Этикетные нормы, актуализируемые в данном контексте, чрезвычайно строги. Это касается и порядка произнесения тостов (каждый из которых связан с адресным посвящением), и регламентации количества выпитого (будь то рог с аракой или бокал с пивом). В ходе застолья его участники должны были продемонстрировать лучшие мужские качества и способности (согласно традиционным представлениям), например ловко удерживать, не расплескав, емкости с напитками. Яркими проявлениями маскулинности считались умения поддерживать беседу (в рамках лингвистических компетенций апеллируя к адресату коммуникации), импровизировать в ходе шуточного диалога, иметь исполнительские (вокальные) навыки.

Отмечая значимость ритуальной трапезы, Е. Г. Пчелина указывает, что «сидение за *фынгом* считается делом священным, почему и имеется целый неписанный статут поведения за столом *igon fyndzu oehdau*, незнание которого для осетина считается постыдным и недостойным мужчины» [Пчелина, 1932, с. 145].

Также кроме основных исследовательских тем, контекстно Е. Г. Пчелина приводит сведения о хозяйственных занятиях, жилище, его убранстве, утвари, одежде, оружии, средствах передвижения и пр.

Необходимо обратить внимание на то, что экспедиционная работа в 1920–1930-х гг. в регионе была связана с особыми обстоятельствами — историческими, этнополитическими, ментальными. Кажется удивительным, что женщина сумела столь тщательно зафиксировать правила жизни закрытого для нее мужского сообщества. Отчасти сама Е. Г. Пчелина дает разъяснение по этому вопросу, сообщая в тексте, что женщине могут позволить присутствовать на трапезе вместе с мужчинами, если она имеет какую-либо профессию. Это относится к женщинам-инженерам, химикам, минералам и вообще ведущим практическую и научно-исследовательскую работу в горах наравне с мужчинами. «К таким женщинам население относится с большой предупредительностью, уважением и несколько с удивлением, высказывая трогательное желание бескорыстно помочь во всех перипетиях тяжелых условий жизни в горах» [Пчелина, 1932, с. 161].

Возможно, благодаря подобной помощи Е. Г. Пчелиной удалось получить ценнейший полевой материал, касающийся начального этапа социализации. Впоследствии собранные сведения были обобщены в статье «Родильные обычаи у осетин» [Пчелина, 1937, с. 83]. В черновом тексте имеется помета Е. Г. Пчелиной о месте завершения работы над рукописью — «Северная Осетия, г. Алагир 29 июня 1934... печатаемая статья является одной из глав неоконченной мною монографии об осетинах» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 497. Л. 3, 3 а]. Печатный же вариант начинается с этих слов. Далее автор отмечает: «В своей статье о родильных обрядах у осетин, также как и в ранее напечатанных статьях о жилище и гостеприимстве у осетин, я даю, с одной стороны, результат личных многолетних наблюдений, а с другой — критическую проверку всего литературного материала по данному вопросу» [Пчелина, 1937, с. 85].

Следует заметить, что с начала XX в. интерес к проблемам традиционного воспитания, народной педагогики неизменно рос.

В России данную тему под разными углами зрения рассматривали медики, психологи, педагоги, этнографы (Л. С. Выготский, Е. А. Покровский, А. А. Макаренко, Г. С. Виноградов, А. А. Чарушин, Д. И. Успенский, В. П. Мурахтин и др.).

Зарубежная наука также предлагала свой исследовательский вектор в рамках данной проблематики, отраженный, в частности, в работах (по всей вероятности, знакомых Е. Г. Пчелиной) американского социального антрополога М. Мид, которая развила концепцию культурной социализации, «Совершеннолетие на Самоа» (1928), «Взросление в Новой Гвинее: сравнительное исследование первобытного образования» (1930).

В статье о родильном обряде Е. Г. Пчелина охватывает гораздо более широкий тематический спектр. Это сведения, касающиеся системы родства в осетинском обществе, семейно-брачных отношений, сохранение приватности которых представлялась этической нормой. Ритуалы в ходе свадебного цикла были направлены на обеспечение рождения здорового потомства. Бездетность представлялась большим горем в семье, и это являлось основанием для двоеженства. Е. Г. Пчелина отмечает, что «двоеженство, вызываемое бесплодностью первой жены, существовало в Осетии как у христиан, так и у мусульман» [Пчелина, 1937, с. 88]. Блок сведений включает материалы, связанные с народной медициной, обрядовыми практиками, в том числе и обращением к местным святым, направленными на обеспечение способности молодой жены к деторождению. Е. Г. Пчелина отмечала, что с момента наступления беременности и до родов женщина должна была придерживаться ряда запретов и определенных правил, руководствуясь многочисленными приметами и поверьями. Соционормативные установки традиционного общества моделировали особый тип поведения будущей матери. В течение перинатального периода для членов родственного коллектива были допустимы гадания (с помощью квасцов, бараньей лопатки) о поле будущего ребенка. Известно, что для традиционного общества характерно сохранение этно- и культурно детерминированных стереотипов маскулинности и феминности, которые закладываются системой воспитания. Таким образом, для патриархального общества одним из важнейших является вопрос гендерной социализации. В рамках своего исследования Е. Г. Пчелина предпринимает первичный анализ архетипов, заложенных в основу этнически обусловленной субстанциональной природы мужского и женского в осетинском обществе, демонстрирующем

фаворитизм в отношении мальчиков. Евгения Георгиевна отмечает, что новорожденный мальчик воспринимался как радость и гордость, а девочка — стыд и горе, поскольку мужчина являлся рабочей силой, защитником, продолжателем рода, поддерживающим культ предков [Пчелина, 1937, с. 90].

Остановившись на темах, связанных непосредственно с родильным обрядом, Е. Г. Пчелина фиксирует народные практики акушерства и педиатрии, отмечая, что после рождения младенца над ним совершался ряд манипуляций санитарно-гигиенического и магического характера. Послеродовые ритуалы были направлены на обеспечение матери и малыша магической защиты, с использованием амулетов, оберегов и предметов сакрализованного свойства (например, чесалки — приспособления для расчесывания шерсти перед прядением) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 498. Л. 8–11].

При подготовке к написанию статьи Е. Г. Пчелина тщательно фиксировала любые сведения, которые могли быть в дальнейшем использованы в работе. Это, прежде всего, библиографические материалы, терминологический словарь, сведения о ритуальных практиках на разных этапах социализации ребенка (выходящих за рамки собственно родильной обрядности) и заметки на темы: «Рождение ребенка в хлеву», «Кто может быть при родах», «Кормление грудного ребенка», «Колыбель», «Привязывание к колыбели», «Детские игры» и др. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 498. Л. 59–65, 68, 69, 13–18, 19–21, 2–7].

Равно как и в статье об обряде гостеприимства, Е. Г. Пчелина тщательнейшим образом отмечает все артефакты, контекстно связанные с заявленной темой, применяя фактически междисциплинарный подход к анализу материала.

Научное наследие Е. Г. Пчелиной в настоящее время требует дальнейшего изучения и осмысления. Социокультурный потенциал ее трудов неоспорим. С одной стороны, она демонстрирует классику полевой работы по сбору этнографического материала, когда исследователь, не замыкаясь в рамках узкой темы, комплексно фиксирует информацию, тем самым представляя широкое поле бытования традиции. С другой стороны, обработка и анализ материала ведется также в классических традициях использования сравнительно-сопоставительных методов. Такая методика является базовой в этнографии, своеобразной школой для молодых исследователей, которые делают первые шаги в науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Пчелина Е. Г. Обряд гостеприимства в Осетии // Советская этнография. 1932. № 5–6. С. 140–163.
- Пчелина Е. Г. Родильные обычаи у осетин // Советская этнография. 1937. № 4. С. 85–103.

Е. А. Анненкова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Е. Г. Пчелина: в поисках города Дедакова

Статья рассказывает о работе, проведенной Е. Г. Пчелиной в области изучения и поиска исторического местоположения древнего аланского города Дедакова (по материалам фонда № 1017 СПбФ АРАН).

Ключевые слова: Е. Г. Пчелина, город Дедаков, «Ossetica».

Е. А. Annenkova

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

E. G. Pchelina: in Quest of the City of Dedyakov

The article tells about the work carried out by E. G. Pchelina while studying and searching the historical location of the ancient Alan city of Dedyakov (covering the materials of SPbB ARAS, Fond № 1017).

Key words: E. G. Pchelina, city of Dedyakov, „Ossetica“.

Дедаков — древний аланский город, предположительно существовавший на Северном Кавказе в X–XIV вв. Были и другие варианты названия города: Титяков, Тетяков, Тютяков, Дадаков. Письменные свидетельства о существовании города имеются в русских летописях. Точная локализация Дедакова до сих пор неизвестна. Вопросом его местонахождения интересовались многие ученые, в том числе Евгения Георгиевна Пчелина.

Автору этой статьи довелось обрабатывать документы фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН (фонд № 1017), содержащие информацию об изучении вопроса о местоположении города Дедакова. Е. Г. Пчелина занималась этим исследованием на протяжении ряда лет, в 1950–1960-х гг. По результатам проведенной работы была написана и в 1963 г. опубликована статья «О местонахождении ясского города

Дедакова по русским летописям и исторической литературе» [Пчелина, 1963]. Публикация статьи сопровождается следующим комментарием редакционной коллегии сборника: «Статья Е. Г. Пчелиной является разделом подготавливаемой ею к печати работы „Места расселения северокавказских алан-асов-ясов-осов“ и излагает взгляд автора на вопрос о местонахождении Дедакова; публикуется в порядке обсуждения. — *Ред.*» [Пчелина, 1963, с. 152]. Ровно полвека спустя, в 2013 г., данная статья о Дедакове в той же редакции была переиздана в сборнике избранных статей Е. Г. Пчелиной «Ossetica» [Пчелина, 2013].

Интересно происхождение названия города Дедакова. В статье 1963 г. Е. Г. Пчелина утверждает, что он стоял на реке Сунже, в местности со смешанным населением, следовательно, говоря о происхождении его названия, следует рассматривать толкования в рамках разных языков. Таким образом, существуют осетинское, чеченское и кабардинское объяснения. Осетинское толкование сводится к следующему: окончание *-ков* в названии Дедаков произошло от осетинского слова *-хъæу* («село, поселение»), в русском написании — *-кау*, что в дальнейшем преобразовалось в *-ков*. В осетинских названиях селений вначале использовалось имя основателя, а за ним слово *хъæу*. Таким образом, Дедаков (Тетяков) образовался из названия Деда-хъæу (Тетя-хъæу), где Деда или Тетя — имя основателя поселения. Чеченское толкование подразумевает происхождение названия «Дедаков» от местности Дяттахо (встречается в топонимике чеченского фольклора). И, наконец, кабардинское объяснение заключается в происхождении названия города от кабардинского имени Дедеко (рис. 1).

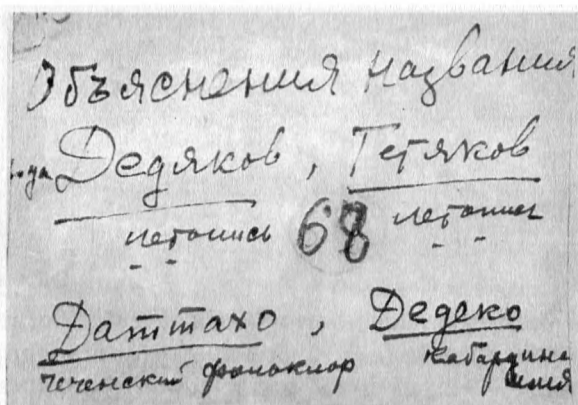


Рис. 1. Заметка Е. Г. Пчелиной. Автограф

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 358. Л. 48

Е. Г. Пчелина проводит подробный анализ гипотез о местонахождении Дедякова, выдвинутых разными исследователями, как ее современниками, так и учеными старших поколений. Первая попытка установления местоположения Дедякова была сделана еще в XVIII в. М. М. Щербатовым, который, не отождествляя названия Дедяков и Титяков, предположил, что Дедяков находился в Молдавии, на Днестре, а Титяков — в Южном Дагестане, вблизи Дербента. По Н. М. Карамзину, Дедяков-Титяков располагался в Южном Дагестане. В. Б. Пфаф считал, что город стоял в Северной Осетии, на реке Фиагдон, левом притоке Терека, в Куртатинском ущелье. М. А. Караулов также полагал, что Дедяков находится на Фиагдоне и отождествлял его с осетинским селом Теттикау. Академики Ю. Г. Клапрот, Х. Д. Френ, В. Ф. Миллер, Н. П. Кондаков и другие ученые связывали Дедяков с городищем хазаро-аланского времени, лежавшим к югу от Владикавказа на правом берегу Терека. П. Г. Бутков был первым, кто предположил, что Дедяков находился там же, в Северной Осетии, но в Верхнем Джулате-Татартупе, на левом берегу Терека. Позднее с его мнением соглашались Л. И. Лавров, М. Г. Сафаргалиев, Е. И. Крупнов и Б. В. Скитский. В. О. Ключевский и Н. Ф. Яковлев предполагали, что Дедяков был расположен на реке Сунже, правом притоке Терека.

Е. Г. Пчелина акцентирует внимание на том, что в поисках Дедякова нужно ориентироваться исключительно на указания русских летописей, и основная ошибка ее коллег состоит в том, что они искали город, не считаясь с их данными. Сама Евгения Георгиевна считала, что Дедяков следует искать на Тереко-Сунженской равнине: «...незыблемыми ориентирами, по которым можно отыскать Дедяков, остаются указания летописи: „за Терекон на реке Сунже, вблизи Кавказского хребта, у одной из таможенных застав, имевшей железные ворота“» [Пчелина, 1963, с. 158].

Анализируя сведения летописей, Пчелина приходит к следующим выводам: «1. Дедяков находился на трассе военно-торгового пути, пролежавшего по равнинной части Северного Кавказа и связывавшего бассейны Черного и Каспийского морей...; 2. Дедяков находился в местности, используемой для кочевий, богатой ранней весной тучными травами...; 3. Дедяков был торговым городом, так как по летописи 1319 г. там был „базар великий“. Город имел смешанное разноплеменное население, среди которого имелись и русские. Население его состояло... из „торговых, гулящих и воровских людей“, которые торговали, ловили рыбу, охотились, грабили путников

и служили в наемных военных дружинах; 4. Внешний вид Дедякова был таким же, как и у остальных городов той эпохи. Вероятно, он имел ров и земляной вал, на котором стояла засека¹. Постройки в городе должны были быть рубленными из бревен, а также плетеными из хвороста и обмазываемыми глиной..., легко строившимися и так же легко разрушающимися. Дома такой постройки существуют на Северном Кавказе и теперь» [Пчелина, 1963, с. 158–159].

Документы, сохраненные в разделе «Дедяков» фонда № 1017 СПбФ АРАН, позволяют проследить предысторию создания опубликованной в 1963 г. статьи, т. е. дают возможность реконструировать путь, который проделала Евгения Георгиевна в своих исследованиях, чтобы прийти к выводам о местонахождении города Дедякова. Материалы включают черновые варианты статьи, переписку Е. Г. Пчелиной с коллегами-учеными, а также многочисленные заметки и библиографические выписки по теме (рис. 2).

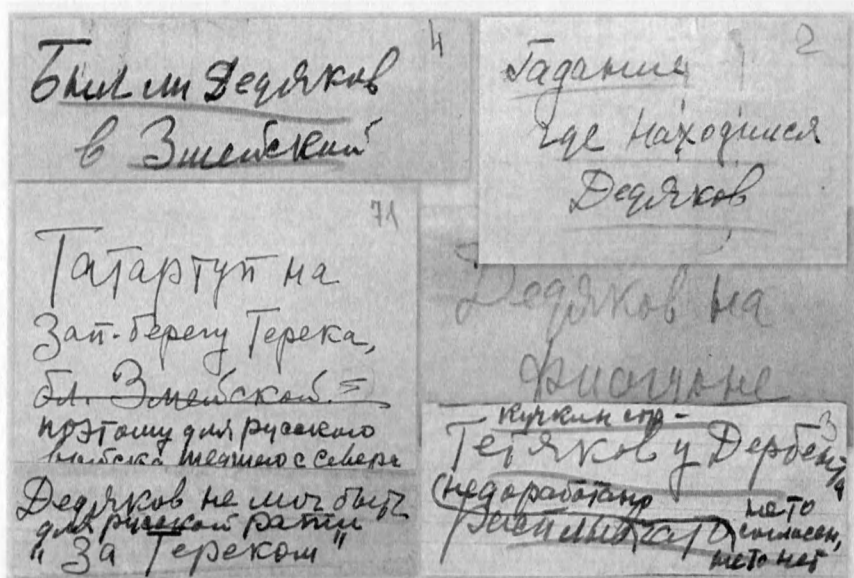


Рис. 2. Заметки Е. Г. Пчелиной. Автограф

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 358

¹ Засека — оборонительное сооружение из деревьев средних и более размеров, поваленных рядами или крест-накрест.

В 1959 г. Е. Г. Пчелина написала заметку «К вопросу о местонахождении города Дедякова» [СПбФ АРАН. Ф. 2017. Оп. 1. Д. 354] и сопроводила ее запиской: «Первоначальный текст для газетной заметки в „Социалистической Осетии“, 1959 г.» [СПбФ АРАН. Ф. 2017. Оп. 1. Д. 354. Л. 1]. Статья опубликована не была. В этой работе автор пишет: «Сведения о местонахождении Дедякова, заключенные в различных списках русской летописи, сводятся к следующему: город Дедяков стоял 1) „за рекой Терек“ — видимо, за правым его берегом; 2) под великими горами Яскими и Черкасскими, то есть вблизи подножья центральной части Кавказского хребта; 3) на реке Сивинце — на Сунже; 4) „близ врат железных“, то есть у Дарьяльского укрепления²...» [СПбФ АРАН. Ф. 2017. Оп. 1. Д. 354. Л. 4] (рис. 3, 4).

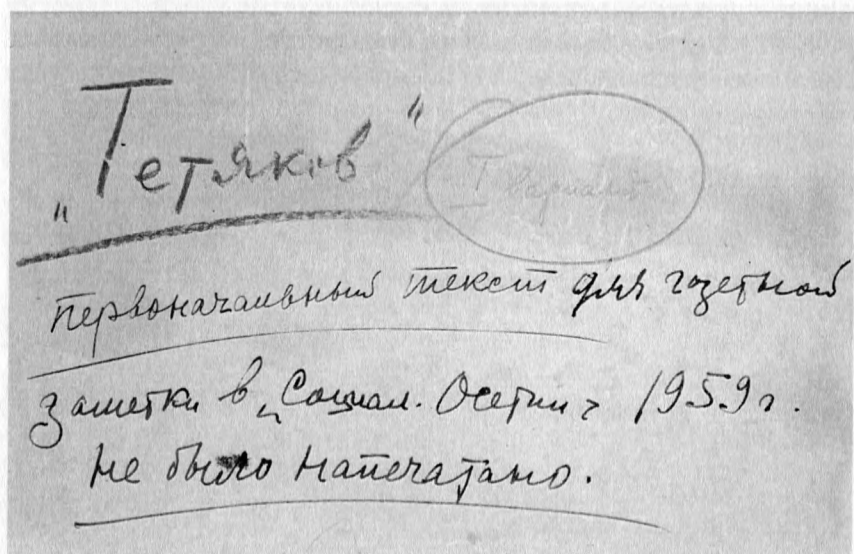


Рис. 3. Записка Е. Г. Пчелиной «Первоначальный текст для газетной заметки в „Социалистической Осетии“, 1959 г.». Автограф

© СПбФ АРАН. Ф. 2017. Оп. 1. Д. 354. Л. 1

² Дарьяльское укрепление — крепость в Дарьяльском ущелье, носившая название «Железные ворота». Расположено в ущелье реки Терек в месте пересечения Бокового хребта Большого Кавказа, к востоку от горы Казбек, на границе Северной Осетии и Грузии.

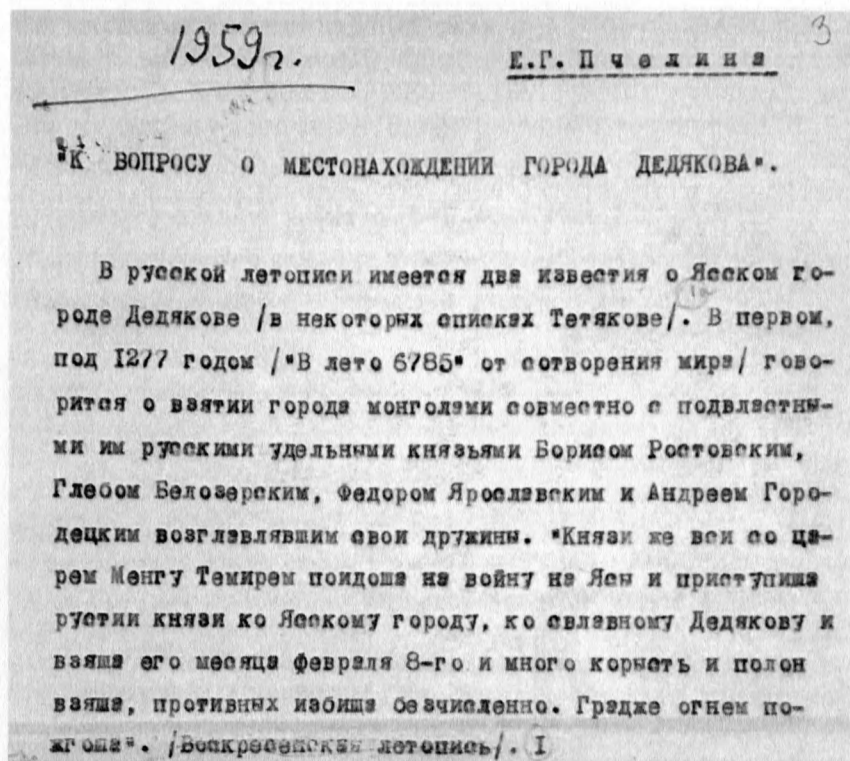


Рис. 4. Е. Г. Пчелина. Заметка «К вопросу о местонахождении города Дедякова» (фрагмент). 1959 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 2017. Оп. 1. Д. 354. Л. 2

Параллельно с Е. Г. Пчелиной город Дедяков искали и другие ученые, ее современники, с которыми Евгения Георгиевна взаимодействовала, состояла в переписке, обменивалась мнениями и критическими замечаниями. Среди них были такие исследователи советского периода, как Е. И. Крупнов, Х. Д. Ошаев, В. А. Кучкин.

Сохранилась переписка Е. Г. Пчелиной с Е. И. Крупновым³ 1959–1962 гг. Всего имеется 6 писем и 5 открыток Е. И. Крупнова к Е. Г. Пчелиной, а также черновик письма Пчелиной к Крупнову

³ Крупнов Евгений Игнатьевич (1904–1970), советский археолог, кавказовед, доктор исторических наук (1961), заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской АССР (1964) и Кабардино-Балкарской АССР (1967); в 1951–1960 гг. — заместитель директора Института истории материальной культуры (с 1957 г. — Института археологии) АН СССР.

[СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 93]. Документы сопровождаются следующей запиской Е. Г. Пчелиной: «Переписка о печатании статьи „Дедаков“» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 93. Л. 1]. В письме к Е. И. Крупнову от 21 апреля 1959 г. Е. Г. Пчелина, в частности, пишет: «...посылаю Вам отрывок из моей работы о Дедакове, который я хотела опубликовать этой осенью в „Социалистической Осетии“...⁴ Но потом я передумала, т. к. товарищ [Блиев]⁵ предложил расширить ее и напечатать в „Известиях Северо-Осетинского института“⁶. Но мне бы хотелось сделать это для издания Вами I тома „Трудов Сев[еро]-Ос[етинской] экспед[иции]“. Если Вы найдете возможным это сделать» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 93. Л. 24–24 об.] (рис. 5).

В письме к Е. Г. Пчелиной от 26 апреля 1959 г. Крупнов выражает свое мнение о местонахождении Дедакова: «Конечно, вопрос можно решать только на больших полевых итогах. Но пока мне кажется, что наибольшее право на отождествление с Дедаковым имеет только „Верхний Джулат“⁷. Я пробовал копать „Верхний Джулат“. Видел и городище „Алхан-Кала“⁸ на Сунже. Все это не то! Главное, не та окружающая обстановка „под горами Ясскими и Черкасскими“, т. е. на границе Осетии и Кабарды „у врат железных“. А ведь Эльхотовские ворота⁹ даже для фашистских танковых атак оказались „железными“, т. е. непроходимыми. Кроме того, более богатого и густонаселенного ясского пункта... мы не знаем. На Сунже тоже нет

⁴ «Северная Осетия» — ежедневная информационно-аналитическая газета, издаваемая во Владикавказе и на территории Республики Северная Осетия-Алания; учреждена в 1917 г.; названия: «Социалистическая Осетия» (1925–1991 гг.), «Северная Осетия» (с 1991 г.).

⁵ Блиев Марк Максимович (1929–2011), историк-кавказовед, в то время заведующий Отделом истории (1958–1963) Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

⁶ «Известия» Северо-Осетинского научно-исследовательского института — сборники научных трудов, выходившие с разной периодичностью с 1925 по 1976 г. Институт за это время менял наименование, соответственно изменялось название издания. Возобновлено в 2007 г. как научный журнал «Известия СОИГСИ» (Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиала Владикавказского научного центра РАН).

⁷ Верхний Джулат (Татартуп) — развалины средневекового города на левом берегу Терека, вблизи станицы Змейской и села Эльхотово в Северной Осетии.

⁸ Алхан-Калинское городище — памятник раннего этапа аланской культуры на Северном Кавказе; совр. село Алхан-Кала в Грозненском районе Чеченской Республики.

⁹ Эльхотовские ворота — горный проход через Сунженский хребет Предкавказья, ведущий на Осетинскую равнину.

такого. А здесь он есть, и именно за Тереком... Ну то дело будущего...»
[СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 93. Л. 3].

Посылаю Ваш аттравок и маей работ
о Дедякове, который я хотела
опубликовать. Этой осенью в
"Сов. Весни" посыле Вашей
статьи. ~~напечатать там. Но~~
~~и не в том же самом деле~~
но потому я пишу. Т. К. тов.
ваше предложение расширить ее
и напечатать в Изв. Сев. Вост.
но мы бы хотели это сделать
для издания Вашей Третьей
Труды Сев. Вост. Зем.
Вы можете возможным это
сделать. Если же ~~статья не будет~~
~~то попросить Вас сделать по ней~~
~~один записка.~~

Рис. 5. Черновик письма Е. Г. Пчелиной к Е. И. Крупнову (фрагмент).
21 апреля 1959 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 93. Л. 24–24 об.

Стоит также упомянуть, что еще за два года до публикации статьи Е. Г. Пчелиной о Дедякове Е. И. Крупнов, будущий главный редактор сборника, в письме к ней от 28 февраля 1961 г. писал: «Не плохо было бы, если Вы откликнитесь статьей о Дедякове, так как в моем предисловии к тому и в статье о христ[ианском] храме XII в. будет высказана мысль о законности отождествления городища

„Верхний Джулат“ с Дедаковым. Но считаю себя в праве предупредить Вас (как редактор тома), что Вашу статью я снабжу примечанием о том, что статья печатается как бы в порядке обсуждения, как одно из мнений о местонахождении Дедакова. В недалеком будущем я собираюсь посвятить этому вопросу спец[иальную] статью, после еще одного полевого сезона, когда мы вскроем бо́льшую площадь в самом центре городища» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 93. Л. 8 об., 9].

Как очевидно из переписки, Е. И. Крупнов и Е. Г. Пчелина имели разные мнения о локализации Дедакова. Свою принципиальную позицию Е. И. Крупнов отстаивал до конца, в дальнейшем снабдив публикацию статьи Пчелиной соответствующим комментарием о печатании ее статьи «в порядке обсуждения» [Пчелина, 1963, с. 152].

Представляет интерес и переписка Е. Г. Пчелиной с Х. Д. Ошаевым¹⁰ 1959 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 104]. Сохранились два письма Х. Д. Ошаева к Е. Г. Пчелиной, а также два черновика писем Е. Г. Пчелиной к нему. В письме от 25 июня 1959 г. Х. Д. Ошаев сообщает: «Уважаемая Евгения Георгиевна! Мой приятель Николай Михайлович Саламов из г. Орджоникидзе пишет мне о Вас и просит связаться по вопросу об опубликовании Вашей статьи о локализации города Дедакова. Он просил сообщить Вам о существовании сел[а] Алхан Юрт. Село это существует. Расположено оно в 15 км к западу от гор. Грозного, на правом берегу Сунжи. До Кавказской войны оно было расположено на левом берегу. При построении Сунженской линии казачьих станиц аул этот был перенесен на правый берег. В период нашего переселения в Казахстан село было переименовано в „Айвазово“, теперь вновь носит старое название „Алхан Юрт“. В районе сел[а] Закан Юрт, недалеко от Алхан Юрт, на берегу Сунжи действительно находится старое городище. В некоторых местах у обрыва культурный слой городища до 2-х метров. В 30[-х] годах я был там из любопытства. В обрыве мы нашли каменное пряслице и керамику — ручку кувшинчика в форме головки лисы. Городище обнесено глубоким рвом и валом. Общая длина вала километра 2–3. Возможно, что это и было яским городом „Дедаково“, а Сунжа „Севенцом“» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 104. Л. 3, 3 об.].

¹⁰ Ошаев Халид Дудаевич (1897–1977), чеченский писатель, этнограф, заместитель директора по научной работе Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы в Грозном (1957–1961).

Сохранился черновик ответного письма Е. Г. Пчелиной от 29 июня 1959 г., в котором она благодарит Х. Д. Ошаева за предоставленные сведения: «Спасибо за сообщение местонахождения Алхан Юрта, вернее о его названии после переименования, которое я не могла найти на карте. Я никак не думала, что это „Айвазово“. Места древних поселений по реке Сунже чрезвычайно интересные. Об этом говорят и старые археологические работы А. А. Бобринского, А. П. Круглова и новая работа Т. М. Минаевой, сделавшей археологическую разведку» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 104. Л. 11].

В другом письме к Е. Г. Пчелиной от [11] июля 1959 г. Х. Д. Ошаев сообщил: «Статью о Дедакове мы напечатаем, но должен Вас предупредить, что дело с изданием у нас идет очень туго. В типографии с мая прошлого года лежат наши два тома „Известий“¹¹. Будет лучше, если Вы дадите и Крупнову, и нам. Где скорее выйдет, то и хорошо. А в случае начала набора я Вас предупрежу... Буду рад вести с Вами переписку и в дальнейшем, а статью о Дедакове ждем» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 104. Л. 9 об., 10].

В итоге статья Е. Г. Пчелиной о Дедакове была напечатана в издании Института археологии АН СССР «Материалы и исследования по археологии СССР», № 114, редактором которого выступил Е. И. Крупнов [Пчелина, 1963].

В 1966 г. В. А. Кучкин¹² опубликовал статью «Где искать ясский город Тютяков?», в которой утверждал: «...Тютяков стоял на пересечении двух крупных торговых путей, проходивших по северному Кавказу: от Азова в Дербент, Шемаху и далее в Иран и из Руси по Волге, через Маджары на Кавказ... Свидетельства... письменных источников не препятствуют отождествлению средневекового ясского городища в районе Татартупа с древним Тютяковым» [Кучкин, 1966, с. 183]. Таким образом, В. А. Кучкин присоединился к традиционному мнению научного сообщества о местоположении Дедакова в Верхнем Джулате-Татартупе, с чем категорически была не согласна Е. Г. Пчелина. В своей работе «Замечания по поводу статьи В. А. Кучкина „О местонахождении ясского города Тютякова“» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 374. Л. 17–23] она критикует предположения и выводы автора и выражает свое мнение

¹¹ Имеются в виду «Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы».

¹² Кучкин Владимир Андреевич (род. 1933), историк, доктор исторических наук (1979).

по данному вопросу. Здесь же имеются заметки Е. Г. Пчелиной, разделенные по тематическим конвертам с названиями «Что нового у Кучкина?», «Сомнительное у Кучкина», «Топонимические экскурсы Кучкина» и др.

Среди прочих документов раздела «Дедяков» — многочисленные подготовительные материалы, заметки и библиографические выписки Пчелиной, образовавшиеся в ходе изучения вопроса о Дедякове. Большую их часть Евгения Георгиевна систематизировала сама, распределив по тематическим конвертам, к примеру: «Где находился Дедяков-Тетяков?», «Дедяков в Дербенте», «Дедяков на Фиагдоне», «Объяснения названия Дедяков, Тетяков», «Топонимические признаки местоположения Дедякова» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 358]. Сохранились заметки, посвященные русским летописям: «Издания русских летописей», «Исследования по русским летописям», «Изводы русских летописей» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 371]. Заметки о реках и прилегающих к ним территориях озаглавлены следующим образом: «Севенц — Сунжа», «Древнерусские поселки на Сунже», «Путь с Сунжи на Волгу», «Переправы через Сунжу», «Становища кочевий на Сунже», «Река Кизыл, проток Терека», «Река Аджь» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 358, 371]. Имеются рукописные карты: карта реки Терек в районе села Эльхотово [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 358. Л. 76], карта расположения городищ и поселений в долине реки Сунжи [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 359. Л. 63]. Сохранены также заметки об осетинских и прочих селениях, среди которых Чми, Генал, Хуссар Хинцаг, Саниба, Ламардон, Бадхуз, Тмената (Тменикау), Какадур, Ларс, Балта, Джимара, Маджары и др. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 133, 136, 367–369]. Не обошлось без обширной библиографии по теме «Дедяков», представленной в виде многочисленных карточек [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 364].

По итогам обработки материалов раздела «Дедяков» сформировано 19 единиц хранения.

К сожалению, точное местонахождение города Дедякова до сих пор неизвестно (рис. 6), однако можно утверждать, что Е. Г. Пчелина внесла немалый вклад в поиск этого древнего города. Систематизация уже имевшихся представлений и гипотез, а также подробное изучение сведений о Дедякове в русских летописях позволило ей сузить область поисков до территории берегов реки Сунжи. Хочется верить, что ученые будущих поколений, опираясь на знания и опыт старших исследователей, в том числе Е. Г. Пчелиной, все же смогут локализовать место, на котором стоял славный город Дедяков.

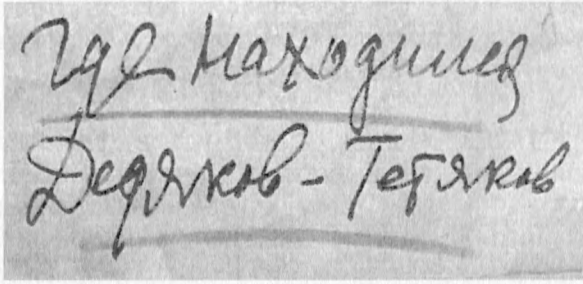


Рис. 6. Заметка Е. Г. Пчелиной. Автограф

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 358. Л. 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кучкин В. А. Где искать ясский город Тютяков? // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1966. Т. XXV. С. 169–183.
- Пчелина Е. Г. О местонахождении ясского города Дедакова по русским летописям и исторической литературе // Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1966 гг. Т. II) / отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1963. С. 152–161. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 114).
- Пчелина Е. Г. О местонахождении ясского города Дедакова по русским летописям и исторической литературе // Е. Г. Пчелина. Ossetica: Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ, 2013. 328 с. С. 52–70.

Я. Э. Рыженкова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Населенные пункты Куртатинского ущелья по материалам архива Е. Г. Пчелиной

Статья посвящена анализу документов личного фонда Е. Г. Пчелиной, входящей в плеяду выдающихся русских советских ученых-кавказоведов. В публикации представлен материал, собранный ею во время научных экспедиционных поездок по Северной Осетии. Особое внимание уделено документам, в которых рассматриваются населенные пункты Куртатинского ущелья, дана обобщенная характеристика этой части фонда, содержащей ценный исследовательский материал.

Ключевые слова: Северная Осетия, Куртатинское ущелье, осетины, населенные пункты, селения, археология, история.

Ya. E. Rizhenkova

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Settlements of the Kurtatin Gorge Based on the Materials of E. G. Pchelina's Archive

The article analyzes the documents forming the archive of E. G. Pchelina, a prominent Russian and Soviet researcher of the Caucasus. The publication spotlights the materials collected by her during the research expeditions to North Ossetia. Particular attention is paid to those collected in the settlements of the Kurtatin Gorge. The article also provides a general description of this part of the fond containing valuable research materials in the form of particular archaeographic sources.

Key words: North Ossetia, Kurtatin Gorge, Ossetians, settlements, villages, archaeology, history.

Являясь ученым-практиком широкого диапазона интересов, Евгения Георгиевна Пчелина проводила археологические исследования в разных районах Северной и Южной Осетии, а также всего Северного Кавказа и Закавказья.

При обработке части архива Е. Г. Пчелиной под рабочим названием «Расселение Осетин по ущельям» было сформировано 16 дел, содержащих архивные источники, различные заметки, библиографические выписки, перечни терминов, фотографии, рисунки и схематические зарисовки с географическими и орографическими данными по Дигорскому, Стырдигорскому, Трусовскому, Куртатинскому ущельям, местностям Урстуалта, Хеви, долине реки Малая Лиахва и др. В этих материалах отражено, как Евгения Георгиевна в ходе многочисленных научных экспедиций, продолжавшихся более четверти века (1924–1956 гг.), изучила и описала природные и хозяйственные условия перечисленных районов, места поселений отдельных фамилий, принадлежащие им крепости, башни, святилища, кладбища. Исследовательница не обходила вниманием и фольклорный материал, значимый для бесписьменного в прошлом осетинского народа.

Подробнее я остановлюсь на материалах архива, которые касаются Куртатинского ущелья, содержащих богатейшие в научном отношении подготовительные сведения к объемному, но, к сожалению, незавершенному труду Е. Г. Пчелиной по расселению осетин.

Протяженность живописного Куртатинского ущелья составляет более 50 км. Во времена раннего средневековья оно было густонаселенным районом, по которому пролегал один из караванных путей в Закавказье. До начала XX в. он удерживал третье место по востребованности после Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог. Ущелье известно своими уникальными историко-культурными памятниками. Здесь сохранилось большое количество сторожевых и оборонительных башен, которые имели также жилую функцию.

На правом берегу реки Фиагдона, на расстоянии 2–3 км друг от друга расположены небольшие селения Барзикау, Лац и Хидикус. А на противоположном берегу — Гули, Цымити, Урикау, Кадат, Харисджин. Возле каждого селения находятся памятники древности: башни, могильники, цырты (надгробные/памятные сооружения в виде вертикальных каменных плит) и дзуары (святилища).

Е. Г. Пчелина собирала научные материалы масштабно и буквально по всем направлениям. Это и топонимика ущелья (рис. 1), и географическое, и орографическое описание ущелья. Сохранились

выписки о полезных ископаемых этой территории, об экономике, религии и фольклоре [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 140].

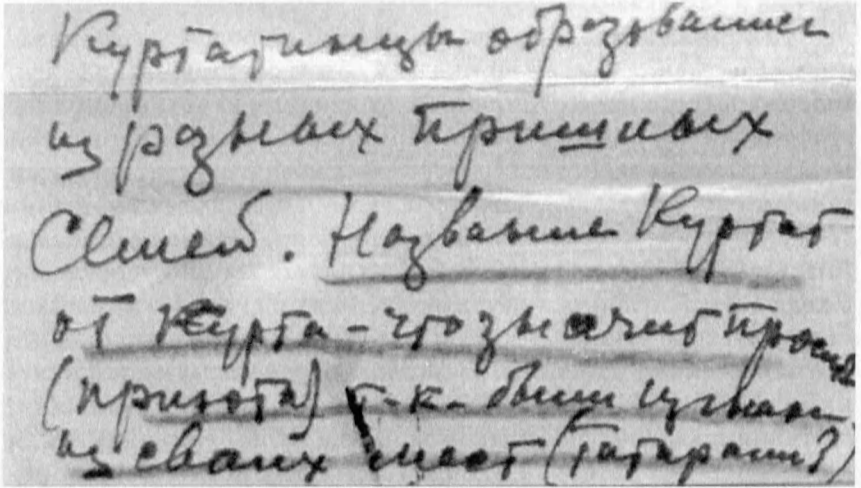


Рис. 1. Записи Е. Г. Пчелиной об этимологии названия куырттат «куртатинцы»

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 140. Л. 46

При научном описании фонда встречались записки с обозначением задач, которые Евгения Георгиевна ставила в процессе археологических экспедиций. Например, она делала записки, в которых указывала необходимость выяснения причины сведения леса в Куртатинском ущелье.

В своих заметках Е. Г. Пчелина отмечает ранее проводившиеся исследовательские работы на данной территории. По полученным от коллег-предшественников сведениям она проводила метаанализ. В материалах архива есть заметки и выписки, где Евгения Георгиевна дает комментарии о верности или неверности утверждений предшественников (рис. 2).

В материалах Е. Г. Пчелиной о селении Барзикау дано его общее описание, разбор этимологии названия, перечислены проживающие в нем фамилии, исследована генеалогия рода Гуриевых, а также описаны две принадлежащие этому роду башни, расположенные в селении. Имеются сведения о надгробной часовне Габуевых и др.

вернее надстроен на стенах галуана¹ с целой еще башней, надо по этой теме написать Тамерлану² диссертацию. Топография селения (обмеры, фотосъемка) галуаны в связи с мытгаг Хидикус упоминается у Цагараева и Коцоева» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 140. Л. 21].

Южнее и юго-западнее села Лац сегодня расположены объекты культурного наследия федерального значения — «Два могильника». Часть аланских погребений этих могильников была обнаружена при раскопках Е. Г. Пчелиной, о чем сохранились выписки из дневника 1927 г. (рис. 3), в которых встречаются зарисовки, сделанные автором.

Старинное поселение Хидикус, в свое время игравшее значительную роль в политической жизни осетинского общества, упоминается с XV столетия как центр Цимитинской общины, в которой на протяжении нескольких веков оно занимало ведущее социально-экономическое положение. Е. Г. Пчелина сделала подробные записи об этимологии названия селения, выявив, что оно происходит от осетинского «хид» (мост) с суффиксом «-кус(у)», т. е. буквально «селение, расположенное у моста».

Сохранился достаточно большой материал анализа Е. Г. Пчелиной работ В. Б. Пфафа (правовед, этнограф, путешественник по Осетии) и В. Ф. Миллера (фольклорист, этнограф, языковед и археолог) по истории и этнографии данного района.

Селение Даллагкау расположено у подножия горы Кариу-хох на левом и правом берегах Фиагдона. В прошлом оно было крупным населенным пунктом. Еще в начале XX в. здесь насчитывалось 62 двора, в которых проживало более 600 человек. На момент изучения района Е. Г. Пчелиной село опустело, большинство жителей его покинуло, значительная часть строений разрушилась. Комплекс историко-архитектурных памятников села представлен оборонительными башнями, погребальными склепами и цыртами.

¹ Галуан — в Осетии укрепленный комплекс зданий жилого и оборонительного назначения, как правило, включавший башню, ряд жилых и хозяйственных построек, обнесенный каменной стеной. Дословно термин обычно переводится как «замок», что создает ассоциации с оборонительными строениями европейского средневекового типа. В общем случае семантически более подходит обозначение «жилая крепость», менее удачное литературно.

² Речь идет о Тамерлане Бекировиче Тургиеве, археологе, научном сотруднике Северо-Осетинского республиканского музея краеведения, преподавателе, младшем коллеге Е. Г. Пчелиной, с которым у нее сложились многолетние добрые отношения. Диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук Т. Б. Тургиев, обладавший энциклопедическими знаниями в различных областях, защитил в 1972 г. под научным руководством Е. И. Крупнова.

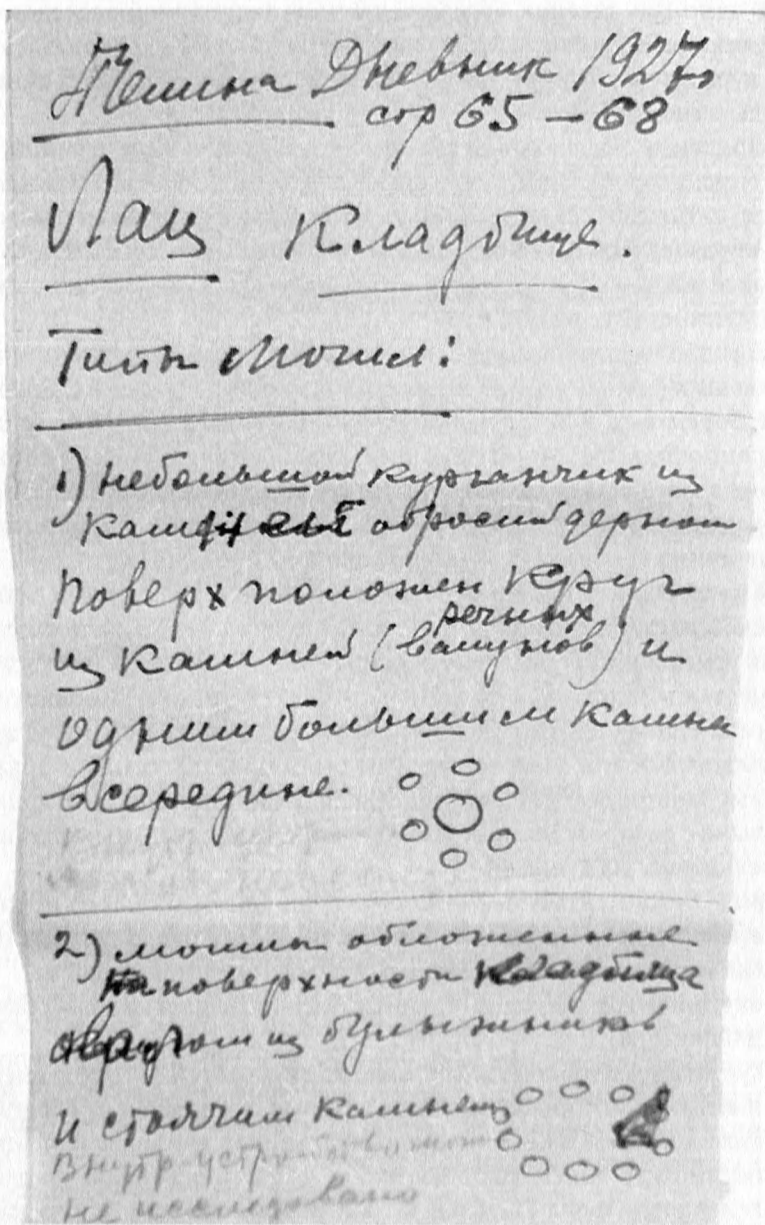


Рис. 3. Записи Е. Г. Пчелиной о могильниках в селе Лац с рисунками в тексте

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 143. Л. 448

В одном из склепов, согласно легенде, записанной исследователем Кавказа Всеволодом Миллером, покоится один из родоначальников куртатинцев и тагаурцев. Евгения Георгиевна упоминает данные факты в своих заметках.

Предания рассказывают о том, что Курта и Тага пришли из Алагирского ущелья и основали село в нынешнем Куртатинском ущелье. Позднее Тага переселился в соседнее Даргавское ущелье, где образовалось новое осетинское общество — тагаурское, а Курта остался жить на старом месте и стал родоначальником нынешних куртатинцев [Кусов, 1972, с. 5].

В фонде имеются выписки о боевых башнях в Даллагкау, принадлежавших фамилиям Дзытиевых, Дзодзиковых, Тезиевых, Бритаевых, Борсиевых, Ваниевых, Мулуховых, Есиевых и Гайтовых. Плохая сохранность этих уникальных объектов, возможно, находит объяснение в материалах архива, где практически в каждом подразделе, собранном по населенным пунктам, имеется запись о карательной экспедиции генерала И. Н. Абхазова в 1830 г.

Князь Иван Николаевич Абхазов (1764–1832), генерал-майор русской императорской армии, в конце июля 1830 г. за несколько дней усмирив восстание осетинских горцев-мусульман Тагаурского общества. «Войска Абхазова прошли по Тагаурскому, Кобанскому, Санибанскому, Куртатинскому ущельям, заняли штурмом аулы Геналдон, Кобань. Некоторые аулы были преданы огню, взорваны боевые башни осетинских владельцев. Семь осетинских старшин, во главе с алдаром Бесланом Шанаевым, были сосланы в Сибирь» [Емельянова, 2003, с. 134].

В глубине Куртатинского ущелья, на одном из плато южного склона скального массива Кариу-хох, на высоте около 170 м от подножия горы, находится уникальный памятник средневековья — архитектурный комплекс села Цимити. Расположен он на левом берегу реки Фиагодона.

Куртатинское общество состояло из двух частей — Куртатинской и Цимитинской общин, названия которых произошли от собственных имен Курта и Цимити — родоначальников привилегированных фамилий Куртатинского общества. Е. Г. Пчелина собрала сведения по генеалогии рода Цимити и нарисовала схематическую карту расселения данного рода по Куртатинскому ущелью. Присутствуют записи о находках при пахоте земли в окрестностях села различных предметов из бронзы, серебра и золота (рис. 4).

Мем. от 1927 г. окт. 3.
 Сел. Цимити. Никитинский объект
 Селища Там по словам
 стариков при нахождении
 выкапывают предметы из
 бронзы, серебра и золота
 Там же были найдены и
 кубики для хранения
 зерна. В настоящее время
 сохранились.

Рис. 4. Записи Е. Г. Пчелиной о находках в районе села Цимити

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 143. Л. 44

Выше по левому берегу р. Фиагдон располагается селение Урикау, в котором также проводила раскопки и исследования Евгения Георгиевна. Было выявлено происхождение данного топонима, который переводится с осетинского как «каменистое село», а в селении Харисджин установлено нахождение церкви, являвшейся фамильной для рода Гутиевых. Как в селении Урикау, так и в селении Харисджин и других географических пунктах, входивших в маршруты экспедиций, Е. Г. Пчелина в обязательном порядке делала записи о проживавших здесь родах, ранее проводившихся археологических раскопках, собирала этнографические материалы.

Учитывая масштабы и тщательность полевых работ Е. Г. Пчелиной, рассмотренная часть ее личного фонда содержит большое количество сведений об исчезнувших к сегодняшнему дню селениях, что дает ценнейший материал для современных научных исследований.

Обработанные документы по расселению осетин, составившие 16 дел, являются подготовительными материалами Е. Г. Пчелиной к большому труду «Родовые группы и их ответвления у осетин. Расселение осетин по ущельям Северной и Южной Осетии», который, к великому сожалению, при жизни автора так и не вышел в свет.

Как отмечает Л. А. Чибиров в статье о работах Е. Г. Пчелиной, «в изучении и обнародовании научного наследия Евгении Георгиевны сделан лишь первый шаг. Но наследие это нуждается в более тщательном изучении...» [Чибиров, 2016, с. 46]. Хочется верить, что охарактеризованные здесь материалы будут тщательно изучены современными исследователями, что существенно обогатит кавказоведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003. 364 с.
- Кусов Г. И. По Куртатинскому ущелью. Орджоникидзе, 1972.
- Чибиров Л. А. Научное наследие Е. Г. Пчелиной как образец междисциплинарного исследования // Известия СОИГСИ. 2016. № 19 (58). С. 36–47.

Л. С. Гуцян

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Роль Е. Г. Пчелиной в арменоведческих исследованиях первой половины XX в.

Евгения Георгиевна Пчелина на протяжении всей своей научной жизни обращалась к вопросам арменоведения, интерес к которому у нее возник в годы обучения в высших учебных заведениях (1910–1920-е гг.). Исследовательские интересы молодого ученого были связаны с общими тенденциями актуализации в начале XX в. научных, в частности искусствоведческих, вопросов, посвященных изучению регионов Южного Кавказа и его средневековой культуры. В дальнейшем, при расширении сферы интересов, Е. Г. Пчелина обращается к письменным источникам, отражающим историю армянских колоний юга России. К данной теме исследовательница вернулась, уже будучи зрелым ученым, однако большая работа, охватывающая развитие армянских колоний со средних веков до XIX в., не была завершена и осталась лишь в рукописных набросках.

Ключевые слова: кавказоведение, арменоведение, Е. Г. Пчелина, незавершенные труды.

L. S. Gushchian

The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg)

E. G. Pchelina's Role in the Armenian Studies in the First Half of the XXth Century

Throughout her scientific life, Evgenia Georgievna Pchelina turned to the questions of Armenian studies, the interest to which she had acquired while studying at higher educational institutions (1910–1920). The young scholar's research interests were connected with the general tendencies of actualization at the beginning of the XXth century with

regard to the questions of science and art history in particular, being related to the South Caucasus region and its medieval culture. Later on, broadening the sphere of her interests, E. G. Pchelina turns to written sources, reflecting the history of the Armenian colonies in the South of Russia. The researcher would turn back to that topic being a mature scholar, however this major work covering the development of Armenian colonies from the middle ages to the XIXth century, was not completed and remains in the manuscript notes form.

Key words: Caucasian studies; Armenian studies; E. G. Pchelina; incomplete research works of E. G. Pchelina.

Кавказоведческие исследования Е. Г. Пчелиной берут свое начало в 1910-х гг., когда она, будучи студенткой Императорского Московского археологического института, работала над текстом диплома о влиянии архитектуры Кавказа на зодчество домонгольской Руси. Квалификационное сочинение было подготовлено под руководством профессора Владимира Карловича Клейна. Название работы, к которой она вернулась позже, варьируется в зависимости от времени его фиксации. Так, согласно оригиналу диплома 1916 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 3. Л. 5], а также его машинописной копии [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 3. Л. 2], его получила «вольнотруженица Евгения Георгиевна Пчелина, прошедшая полный курс наук Археологического отделения, выдержавшая устные испытания и успешно защитившая диссертацию под заглавием: „К вопросу о влиянии Кавказа на домонгольское зодчество Руси“» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 3. Л. 2]. Позже, в 1940 г., вероятно при переработке текста в доклад, Е. Г. Пчелина несколько изменила название, содержание текста: «Черты армяно-грузинского архитектурного стиля в домонгольской Руси». Именно этот заголовок представлен на оформленном позднее, по правилам новой орфографии, титульном листе машинописного варианта полного оригинального текста квалификационного сочинения, напечатанного по правилам дореволюционной орфографии (что может ввести в некоторое заблуждение исследователей) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Работа, выполненная «на соискание золотой медали при защите диссертации на звание ученого археолога», была сдана 30 октября 1916 г. и представлена в архивных материалах как в виде указанного машинописного текста в 213 страниц [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–213], так и в виде черновой рабочей тетради с правками научного руководителя сочинения [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1. Л. 219–382].

Структура работы — классическая: введение с обзором литературы, три главы и заключение с выводами. Во введении Е. Г. Пчелина ставит исследовательский вопрос: являлось ли влияние Византии на архитектуру Руси прямым или было опосредованно архитектурными армяно-грузинскими традициями в области планов, форм, конструкций и декоративного убранства сооружений? Для решения этого вопроса дипломант обращается к истории храмовой архитектуры Византии, чему посвящена соответствующая глава, в параграфах которой рассматриваются различные типы зданий: базилика, ротонда, многогранник, крестово-купольное. Рассматриваются как моноапсидные, так и полиапсидные сооружения. К каждому примеру приводятся план и/или чертеж здания в продольном разрезе.

В следующей главе аналогичным методом анализируется историко-архитектурное наследие Закавказья. В начале главы дипломант реферативно обращается к истории христианства в Армении и Грузии, указывая их значение как контактных зон, связывающих Византию, Иран и Двуречье, т. е. относительные запад, восток и юг. Далее проводится классификация памятников армянского и грузинского зодчества, поскольку, как сетует автор, «бесконечное число общих рассуждений, перебирание нескольких общеизвестных исторических свидетельств и оставление в стороне самих памятников — характерная черта исследований по армяно-грузинскому искусству» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1. Л. 74].

Среди рассмотренных автором сооружений существенное место занимают церкви юго-восточного побережья Черного моря, т. е. в первую очередь Ани — средневековой столицы Багратидов. Эти памятники стали известны научному миру главным образом благодаря работам Николая Яковлевича Марра — руководителя археологических раскопок в 1890-х и в период 1904–1916 гг. Данные исследования проводились в рамках изучения христианского Востока. К кавказоведческим, в частности арменоведческим, научным изысканиям Н. Я. Марром привлекались специалисты не только из смежных дисциплин — историки и лингвисты-византинисты, иранисты, кавказоведы, но и ряд архитекторов, художников, которые также участвовали в раскопах, графической фиксации их стадий и в разработках планов реконструкции средневековых памятников. Таким образом, к моменту написания диплома Е. Г. Пчелиной был собран достаточный материал, на основании которого она могла произвести классификацию типов храмовых сооружений региона.

Автор отмечает, что, «сблизив кавказское зодчество с византийским и рассмотрев их планы, фасад, конструкцию и убранство, мы приходим к выводу, что эти две школы отстоят друг от друга очень далеко. Намеки на близость, замеченные в нескольких планах, можно объяснить только лишь общностью их первоисточника — Востока, но никак не влиянием или заимствованием. Для этого памятники слишком далеко отходят друг от друга» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1. Л. 148].

Рассматривая русское каменное зодчество домонгольского периода, Е. Г. Пчелина обращается к киевским, новгородско-псковским и суздальско-владимирским церквям, выделяя для своего анализа отдельные храмы, соответствующие классификационным признакам, представленным в предыдущих главах. В результате исследования, проведенного указанным выше методом, автор приходит к выводам о близости, если не прямых аналогах, демонстрирующих влияние средневекового армянского и грузинского зодчества на строительные техники домонгольской Руси. В завершение своей работы она настаивает на необходимости комплексного подхода к изучению средневековой культуры Кавказа, включая архитектуру, с привлечением письменных источников, которые, по ее мнению, позволят точнее выявить тесные связи между культурами, рассмотренными ею выше.

Итак, исходя из рассмотренного материала, осмелимся предположить включенность молодого исследователя если не в собственно круг последователей и учеников Н. Я. Марра, то, по крайней мере, в научно-исследовательскую школу, которая была с ним связана, возможно, опосредованно. Во всяком случае, сама проблематика дипломной работы указывает на использование основных исследовательских тезисов данной школы. Работа Е. Г. Пчелиной была выполнена в рамках столичных восточно-кавказоведческих школ, основным направлением исследований которых были поиски связей средневековых культурных центров с локальными традициями и, более того, поиск собственных, в имперских границах, либо на сопредельных им территориях, культурогенных очагов, среди которых были выделены армянская и грузинская локальные традиции.

Отметим, что данная тема, как и исследовательское направление в целом, со временем были дезактуализированы, однако в настоящее время она получает новое научное осмысление, связанное в первую очередь с вопросами атрибуции памятников и, конечно, с проблемами истории науки.

Иной аспект арменоведческих изысканий демонстрирует хронологически следующее дипломное сочинение Е. Г. Пчелиной, написанное ею на экономическом факультете Тифлисского политехнического института в 1924 г. предположительно под руководством Левона Меликсет-Бека. В работе «Армянский Нахичеванский судебник XVIII в.» на основании указанного источника Евгения Георгиевна обращается к истории переселения армян из Крыма на берега Дона и рассматривает муниципальное право, на основе которого принимались судебные решения в армянской городской среде [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 16]. Интерес к данной теме вновь появляется у автора, когда в 1954 г. в Ереване был издан перевод «Судебника» армянского ученого-энциклопедиста и правоведа XII в. Мхитара Гоша.

В фонде представлены рукописный и машинописный, в 14 страниц, варианты статьи [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 13], написанной Евгенией Георгиевной на основании ее дипломного сочинения в 1957–1958 гг., а также новые материалы, которые она привлекала для работы над текстом.

Материалы, представленные в архиве, демонстрируют тщательность работы Е. Г. Пчелиной. Тематические блоки охватывают историю старожильческого населения Крыма, в первую очередь армян и греков, в византийскую, геноуэзскую, татарскую, османскую и российскую эпохи. Далее представлены источники и историография, относящиеся к каждому крупному городскому центру полуострова и деятельности греческой и армянской общин в этих городах до и после переселения христианского населения полуострова, принятого в соответствии с указом императрицы Екатерины II в 1770–1790-х гг.

Следующий блок — материалы по самоуправлению армянских колоний, как старожильческих, так и переселенческих, соответственно в Астрахани, куда были переселены крымские армяне изначально, и в Новом Нахиджеване (Нахичевани), где они в итоге оказались и основали помимо города пять сел.

Третий блок материалов относится собственно к «Судебнику» Мхитара Гоша, в нем выявляются элементы римского, церковно-христианского, исламского и обычного права, на которые опирался средневековый правовец при создании своего труда. В своей работе Е. Г. Пчелина также использовала оригиналы и переводы грузинских и европейских судебныхников, которые испытали непосредственное или опосредованное влияние судебного Мхитара Гоша.

Корпус нахичеванских, а также астраханских судебных демонстрирует, согласно Е. Г. Пчелиной, поздние редакции средневекового юридического трактата.

Одновременно со статьей Е. Г. Пчелина работала также над обширной монографией об армянских поселениях в России, которая, судя по документам ее фонда [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 12, 14, 18–28, 31–35, 37–46], должна была охватывать период от средневековья по XIX в. включительно, но осталась на уровне сбора материалов. Однако хронологический и географический диапазон, представленный в них, позволяет говорить о масштабном труде, которому, к сожалению, суждено было остаться лишь в «предварительных наметках», как писала сама Е. Г. Пчелина. Здесь хотелось бы отметить может быть несколько неожиданную грань характера исследователя: библиографические выписки демонстрируют не только исключительную работоспособность и желание по возможности шире охватить источники, относящиеся к теме, но и тонкий научный вкус, если можно так выразиться, с которым она выбирала для изучения авторов. И речь идет не только о признанных корифеях, каковыми были Н. Г. Адонц и К. П. Патканов, но и молодых тогда А. Матевосяне и С. Аревшатяне — впоследствии крупнейших специалистов-арменистах, усиливших армянскую школу источниковедения, ставшего, как и полагала в своей ранней работе Евгения Георгиевна, одним из важнейших направлений в области гуманитарных наук.

В данной монографии, как и во многих других трудах Евгении Георгиевны, должны были быть представлены экономические, политические и культурные связи между странами, территориями и народами.

Рассмотренные материалы из фондов Е. Г. Пчелиной демонстрируют ее разносторонние исследовательские интересы в рамках арменоведения, к которым она возвращалась на протяжении всей своей жизни. Поставленные в ее работах проблемы не теряют актуальности и в настоящее время, следовательно, необходимость публикации завершенных авторских текстов, несомненно, требующих научных комментариев, является важной задачей современного кавказоведения.

М. Ю. Вахтина

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

**Материалы об исследованиях
буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе
в личном фонде Е. Г. Пчелиной**

В 1937 г. Е. Г. Пчелина в составе Термезской археологической комплексной экспедиции приняла участие в исследованиях буддийского монастыря в г. Термез в южном Узбекистане. Результаты этих работ были положены в основу ее кандидатской диссертации, защищенной в 1946 г. В личном фонде хранятся рукопись ее диссертационного исследования, материалы, использованные для подготовки научной статьи, фотографии и графические материалы, рассказывающие об этом интереснейшем памятнике.

Ключевые слова: Термез, монастырь Кара-тепе, буддизм, археологическая экспедиция.

М. Yu. Vakhtina

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

**Materials on the Investigations of
Kara-tepe Buddhist Monastery in Termiz
in E. G. Pchelina's Scientific Fond**

In 1937 E. G. Pchelina, as a member of Termiz archaeological complex expedition, took part in the research of a Buddhist monastery in the town of Termiz (south Uzbekistan). The results of these research works formed the basis of her PhD dissertation defended in 1946. The manuscript of her dissertation work, materials used while preparing a scientific article, as well as photos and graphic materials dealing with this interesting complex are held in her scientific fond.

Key words: Termiz; Kara-tepe monastery; Buddhism; archaeological expedition.

Евгения Георгиевна Пчелина известна, прежде всего, как замечательный специалист по истории, археологии и культуре Осетии. Однако нельзя не отметить и ее вклад в изучение других областей и научных направлений. Ученые-универсалы с широким «кругом обзора», к каковым она принадлежала, успешно занимались самыми разнообразными проблемами, объектами, памятниками, которые привлекали их внимание или же волею судеб оказывались на их жизненном и творческом пути [Чибисов, 1916]. В личном фонде Е. Г. Пчелиной хранятся интереснейшие материалы, посвященные исследованиям буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе. Они легли в основу ее кандидатской диссертации «Древнебуддийский монастырь в Кара-тепе в Термезе», успешно защищенной в 1946 г. Судя по материалам архива, Е. Г. Пчелина планировала в будущем издание рукописи своей работы, но ей не удалось этого сделать, и, таким образом, многие данные остались не введенными в научный оборот. Поэтому до сих пор о ее вкладе в исследования монастыря Кара-тепе можно судить лишь по автореферату диссертации и по единственной опубликованной ею статье «Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе» [Пчелина, 1946; 1964]. Остается надеяться, что материалы, собранные и систематизированные Е. Г. Пчелиной, будут изданы в будущем и, несомненно, помогут лучше понять историю изучения монастыря Кара-тепе и более полно воссоздать материальную культуру этого уникального храмового комплекса, а также приблизиться к пониманию проходивших там ритуалов и культовых практик. Постараемся кратко охарактеризовать документы, связанные с изучением Кара-тепе, хранящиеся в ее личном фонде.

Об исследованиях Кара-тепе в 1937 г. Город Термез, расположенный на юге современного Узбекистана, принадлежит к древнейшим городам Средней Азии. В VI в. до н. э. он входил в состав персидской державы Ахеменидов, позже — Бактрийского царства, а после его распада стал частью Кушанской империи, образованной на рубеже эр. Монастырь Кара-тепе («Черный холм» в переводе с тюркского), был основан в I в. н. э. и достиг своего расцвета во II — первой половине III в. Упадок жизни в монастыре, последовавший за периодом процветания, связывают с завоеванием Сасанидов. В IV–VI вв. местные жители использовали комплекс для погребений. Монастырь был полностью оставлен буддистами перед арабским завоеванием в VII в. Какое-то недолгое время часть его занимала христианская община. Комплекс был уничтожен и окончательно прекратил свое существование в результате разгрома ордами Чингиз-хана в 1220 г.

[Ставиский, 1964, с. 8]. Руины монастыря располагались примерно в десяти километрах к северо-западу от г. Термеза, на трех холмах на правом берегу Амударьи, недалеко от границы с Афганистаном. Кара-тепе представлял собой храмовый комплекс, состоявший из наземных и подземных сооружений, к числу которых относились сырцовые постройки, помещения для проведения ритуалов и собраний, дворы, примыкающие к пещерам, вырубленным в песчанике, подземные коридоры. Помещения были украшены скульптурой и настенной живописью.

В 1926–1928 гг. руины были обследованы А. С. Стрелковым, который отождествил их с культовым буддийским комплексом [Пчелина, 1964, с. 83]. Огромный вклад в изучение Кара-тепе внес Г. В. Парфёнов, сотрудник Комитета по охране памятников старины Узбекской ССР, который в 1934–1936 гг. провел осмотр монастыря, выполнил архитектурные обмеры, фотофиксацию объектов и составил подробное описание памятников [Пчелина, 1964, с. 82–84]. Собранные Г. В. Парфёновым материалы, выполненные им чертежи и фотографии он передал Е. Г. Пчелиной, которая, с его разрешения, опубликовала часть их в своей статье [Пчелина, 1964, рис. 2]. Теплые, дружеские и деловые отношения с Е. Г. Парфёновым она поддерживала и в дальнейшем. Подробнее мы обратимся к этим материалам ниже.

Весной 1937 г. Е. Г. Пчелина в составе Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) выехала из Москвы, чтобы начать археологические обследования Кара-тепе, продлившиеся более двух месяцев. Среди материалов, отражающих период работы экспедиции в Средней Азии, хранятся дневник, озаглавленный «Дневник. Термез, 1937 весна», документы «Тематика Термезской археологической комплексной экспедиции 1937 г.», «Программа весенних полевых работ ТАКЭ в 1937 г.» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 1–19, 20–24, 40–51], в которых изложены цели и задачи, стоящие перед исследователями. Эти задачи включали и целый ряд экскурсионных маршрутов и поездок (Мерв, Бухара, Самарканд, Анау, Ашхабад и др.). Несколько слов хочется сказать о дневнике Евгении Георгиевны, повествующем об этом времени. Как и все ее дневниковые записи, этот документ читается с живым интересом. Она писала очень «широко», в традициях ученых и путешественников XIX — начала XX в., отмечая все, что казалось автору примечательным и достойным внимания — виды растений и животных, обычаи, достопримечательности, курьезные случаи. Повествование о бытовых трудностях, с которыми

приходилось сталкиваться как на пути в Термез, так и в экспедиции, в большинстве случаев звучит бодро и оптимистично, однако, в полной мере дает возможность представить реалии тех лет. Приведем несколько выдержек из дневника.

«23 марта 37 г. Выехали из Москвы до Ташкента поездом № 8 в 10–40 вечера, несмотря на то, что весь день пролежала в ... гриппе, на вокзале чувствовала себя бодро».

«24 марта. Поезд идет хорошо. ... Рассматриваем с Суровым карту Ср. Азии и строим бродяжные планы Фергана — Самарканд — Бухара — Чар... — Термез — Мерв — Анау, Хива — Актюбинск... Аральское море...» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 3]. Отметим, что, судя по материалам архива, большинство этих планов были воплощены в жизнь.

«26 марта. Едем пустыней. Приближаемся к Аральскому морю. Пейзаж в общем похож на прикаспийский Азербайджан».

«27 марта. Утром проснулась на рассвете. Станция Кизил-Орда. Пейзаж — песчаная плоская степь, поросшая травой сухой, оставшейся от прошлого года, нигде ни одной зеленой былинки. Пошли разливы Сыр-Дарьи... Приехали к ночи в Ташкент. Пошли в ресторан вокзала поужинать, потом стали звонить по телефону в гостиницы — молчание. Попробовали проехать в турбазу за ночлегом, но воротились с дороги, т. к. не было смысла рисковать пальто, деньгами или жизнью. Бродили по зданию вокзала..., пока не выставили к 2 часам. Пошли в зал для транзитных пассажиров и сидели до 8 утра». Утром встретили «заправилу из комитета»... [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 4 об.—5]. Во время завтрака произошло знакомство с М. Е. Массоном. «У меня от Массона первое впечатление. Несмотря на все предварительные о нем слухи, скорее очень положительное, чем среднее. Хотя, конечно, надо хорошо приглядеться...» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 5–6 об.]. После завтрака участники экспедиции гуляли по старому городу. «На базаре, — писала Е. Г. Пчелина, — видели уродливое явление: 1) гадание при помощи морской свинки и попугаев, вынимающих из ящиков „счастье“; 2) электрический силомер, который разбивает кровь и укрепляет нервы» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 6]. На ночлег археологов устроили в помещении краеведческого музея: «Легла в начале 10 вечера и проснулась около 7 утра, разбуженная кем-то, кто выпал у меня из-под одеяла, по голове царапая ножками. Вероятно, крыса. Лежала и думала о том, что надо сделать». Далее следует список необходимых дел.

По завершении организационных дел начались исследования. В составе экспедиции был сформирован отряд, работами которого руководила Е. Г. Пчелина. «23 апреля. Ездили с Парфеновым и Суровым на территорию Старого Термеза — осмотрела все. Кара-тепе произвело на меня ошеломляющее впечатление своими возможностями» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 12 об.]. За этими сжатыми словами легко угадываются вдохновение исследователя перед предстоящими работами, хорошо знакомое многим.

«26 апреля. Во второй половине дня выехали в 4 лагерь на территории старого Термеза в палатки, разбитые восточнее мавзолея Хакима, напротив укрепления Кала. Вечер был исключительно красивый и приятный после дневной жары. Силуэт мавзолея на фоне вечернего звездного неба пронзающе красив. Красива и Амударья, широкая и блестящая при лунном свете» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 13].

«27 апреля. Спать было очень хорошо. И не холодно. Ходили утром на Кара-тепе, осматривали пещеры» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 13]. Однако, не всегда все складывалось радужно и гладко. 28 апреля заболевшая Евгения Григорьевна написала: «С ужасом думаю о пребывании здесь еще месяц-полтора. Всюду шуршит, ползёт, шипит. Только и смотришь, как бы не наступить на скорпиона или змею...» Встречаются записи и об иссушающем жестоком юго-западном ветре «афганец» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 17], прозванном так, в том числе, и за его свирепость и губительные свойства.

Под руководством Е. Г. Пчелиной на памятнике были заложены 3 раскопа и проведены археологические исследования остатков различных наземных и подземных комплексов — храмов, келий, дворов, пещер, обходных коридоров [Пчелина, 1964, с. 86–96]. Была также проведена фиксация «пятен» по всей поверхности возвышенности, на которой располагался монастырь, что дало возможность высказать предположение о наличии на этой территории более 200 подземных пещер-келий. В результате работ была собрана богатейшая коллекция находок, включавшая элементы архитектурного убранства, керамику, глиняную скульптуру, мелкую глиняную пластику, монеты. В ряде помещений были зафиксированы остатки настенной живописи.

Группа археологов успела сделать многое за эти два месяца. Все это время Е. Г. Пчелина была в постоянном контакте с местными специалистами и краеведами, обсуждала с ними ход работ.

Позже Б. Я. Ставиский справедливо отмечал, что в своих исследованиях она органично учитывала опыт и наблюдения предшественников [Ставиский, 1989, с. 72]. Все это отмечено в ее записях, с подробными ссылками на работы, беседы, мнения людей, изучавших памятники Термеза, — ученых, педагогов, краеведов. Она писала о своем знакомстве, беседах, поездках по памятникам с М. Е. Массоном, М. И. Вязмитиновой, В. А. Шишкиным, Г. А. Пугаченковой, Г. В. Парфёновым и другими. Особенно теплые отношения сохранялись у Е. Г. Пчелиной с Г. В. Парфёновым (1893–1968), замечательным педагогом, историком-археологом и музейным деятелем, основателем краеведческого музея в Термезе [Саидов, 1989, с. 3; Хранитель древностей...], который передал ей свои материалы и разрешил обращаться к ним в процессе подготовки ее собственных трудов. К 8 июня экспедиция завершила работу, а 9 июня ее участники «купили билет без плацкарта до Ташкента, чтобы попытаться сесть на поезд Ташкент — Москва» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 17 об.].

Исследования Кара-тепе удалось продолжить лишь через два с половиной десятилетия. В 1961–1962 гг. на памятнике провела раскопки совместная экспедиция Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Ленинград) и Музея искусства народов Востока (Москва) под руководством Б. Я. Ставиского, организованная при поддержке Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР [Ставиский, 1964, с. 7–8], позже продолжившая систематические раскопки в 1965–1986 гг. [Ставиский, 1989, с. 70]. Е. Г. Пчелина живо интересовалась этими работами, включала основные их результаты в свои исследования.

О материалах фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН. В личном фонде Е. Г. Пчелиной хранятся материалы, связанные с раскопками Кара-тепе в 1937 г. и подготовкой научного отчета об экспедиции. Значительную часть составляют иллюстрации к отчету о раскопках, описи чертежей, фото, рисунков и примечания к ним. Отметим здесь большие (16,5 × 22 см) фотографии природных и археологических объектов, находок, наклеенных на паспарту. Всего хранится 43 таких фотографии, на которых запечатлены природные и археологические объекты Кара-тепе (ил. 62–63 на вклейке). Были осмотрены важнейшие комплексы Термеза, памятники буддийского культа, которые также запечатлены на фотографиях (ил. 64–65 на вклейке). Они составляли альбом — приложение к отчету: «Буддийский монастырь в холмах Кара-тепе. Термез. Альбом иллюстраций» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 985]. Сохранились чертежи и рисунки, выполненные

на бумаге [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 984. Л. 1–3]. Приведем названия некоторых больших чертежей: «I ярус. Южное колено обходного коридора. Наслоения и находки», «План пещеры III яруса» (ил. 66 на вклейке) «Разрез Малой пещеры и лестницы», «II ярус. Малая пещера (келия). Разрез завала с востока на запад» (ил. 67 на вклейке) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 984. Л. 6]. Отдельные материалы относятся к раскопкам 1960-х гг.: «Кара-тепе. Термез. Работы после 1937 г.». Среди этих материалов большой интерес представляет рукописный текст с изложением основных положений доклада «Кара-тепе — остатки буддийского монастыря кушанского периода в Термезе (по материалам раскопок 1937 и 1961 гг.)» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 978. Л. 1–3], написанного в соавторстве с Б. Я. Стависким и прочитанного в 1961 г. на конференции в Индии, а также «Пожелания к докладу Б. Я. Ставиского (по черновикам)» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 978. Л. 7–11].

В личном фонде Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН также хранится рукопись ее диссертации «Древнебуддийский монастырь в Кара-тепе в Термезе» [Пчелина, 1946] (в нескольких вариантах — черновых и чистовом) и материалы к ней [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 977]. Они в дальнейшем были использованы для подготовки статьи «Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе» [Пчелина, 1964]. В их числе многочисленные и разнообразные документы, отражающие различные этапы подготовки диссертационного исследования — выписки, заметки, рисунки, фотографии, библиографические списки. Они свидетельствуют о глубоком и «широком» изучении материальной и духовной культуры памятника. В процессе работы над диссертацией Е. Г. Пчелина рассматривала и анализировала самые разные источники, порою очень сложные, относящиеся к разным эпохам, культурным пластам, религиозным течениям. Все эти материалы рассматривались системно, для получения наиболее полной характеристики открытых объектов. Документы объединены Е. Г. Пчелиной по крупным темам, каждая разбита на подотделы. Так, например, подробно проанализировано географическое положение Старого Термеза, а также других памятников, находящихся на территории города. Собраны материалы к топографии Термеза и Кара-тепе: «Карты Термезского оазиса» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 997. Л. 1–11], «Старый Термез. Географическое положение» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 997. Л. 12–60], «Термез. Крепостные стены», «Топография Кара-тепе», «Вода. Ирригация в Термезе и Кара-тепе», «Разное. Топография» и др. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1.

Д. 997. Л. 61–103]. Собраны, систематизированы и рассмотрены сообщения письменных источников об истории и культуре Средней Азии кушанского периода [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 998], рассмотрены важнейшие памятники и культурные области: Согд, Заравшан, Бухара, Термез, Афросиаб [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 991]. Самым подробным образом анализировались материалы, характеризующие материальную культуру монастыря Кара-тепе в Термезе: архитектура, строительная техника, скульптура, живопись, археологические находки. Отдельный раздел посвящен объектам из сырца, рассмотрена техника их возведения, в том числе большое внимание уделено изготовлению сырцовых кирпичей: «Размеры сырцов на Кара-тепе», «Кладка стен», «Пахса», «Арки потолков и дверных проемов», «Очаги и каминь» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 996. Л. 38–107] и др. Огромное внимание было уделено находкам, свидетельствующим о культах и ритуалах, а также материалам, связанным с буддийским культом.

Хотя интерпретация Кара-тепе как буддийского храмового комплекса была предложена еще А. С. Стрелковым в конце 20-х гг. прошлого века [Пчелина, 1964, с. 83, примеч. 6; Ставиский, 1989, с. 70–74], она нуждалась в дополнительных аргументах. Поэтому буддийскому культу, искусству, памятникам буддизма на территории Средней Азии и других областей уделено особое внимание. В фонде хранятся свидетельства огромной работы, проделанной Е. Г. Пчелиной, — выписки, заметки, библиографические списки, иллюстрации, объединенные в разделы «Буддизм в Термезе и Средней Азии», «Буддизм в Индии, Западном Китае и Средней Азии», «Части буддийского монастыря, архитектура, роспись», «Духовная культура монастыря Кара-тепе в Термезе: буддизм» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 988], «Буддийская архитектура. Планы и аналогии» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 987. Л. 1–67]. Тщательно проанализированы свидетельства буддийского культа Кара-тепе: символы, изображения, предметы: «Ранние буддийские символы», «Буддийские символы. Лошади неосёдланные», «Буддийские символы. Колесо», «Буддийские символы. Розетка лотоса» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 994. Л. 1–26]. В разделе «Почему Кара-тепе является бесспорным памятником буддийского культа?» обоснована принадлежность Кара-тепе к памятникам буддийской культуры [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 995. Л. 27–44]. Так как в более поздние эпохи комплекс использовался представителями других конфессий, Е. Г. Пчелина подробно рассмотрела и свидетельства отправления других культов,

охарактеризовав основные религиозные течения древней и средневековой Средней Азии: зороастризм, мусульманство, ламаизм, манихейство и др. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 992].

К материалам своего диссертационного исследования Е. Г. Пчелина обратилась при подготовке статьи «Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе» [Пчелина, 1964]. Документы — заметки, выписки, библиографические списки, черновики текста — свидетельствуют о расширении и дополнении источников и данных, «работе над ошибками». Это доказывают названия разделов, в которые она объединяла черновые материалы: «Исправления к работе о Кара-тепе», «Упущения в полевой работе», «15–16 февраля. Просмотр коллекции, хранящейся в Музее истории религии в Казанском соборе для внесения материалов в статью» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 982. Л. 1–31; 32–34] и др.

Особый интерес представляет рукопись статьи «К вопросу о торговых путях в Средней Азии», частично и в «сжатом виде» вошедшей в публикацию [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 976. Л. 139–147] со «Схематической картой переправ по Аму-Дарье по Караванному пути» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 976. Л. 149].

После работы в Термезе Е. Г. Пчелина поддерживала связь с исследователями, живущими в Средней Азии, консультировалась с ними по разным вопросам, связанным с изучением монастыря Кара-тепе. В ее личном фонде хранятся письма А. В. Шишкина, Г. В. Парфёнова. Следует упомянуть здесь авторизованную рукопись Г. В. Парфёнова, подписанную «Старый Термез. Холм Кара-тепе. Гавриил Васильевич Парфёнов. 1934–1936» и датированную мартом 1937 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 60–74]. Е. Г. Пчелина сохранила и иллюстрации, выполненные Г. В. Парфёновым, среди которых большой интерес представляет чертеж, выполненный им тушью на ватмане «Схематический план буддийских пещер древнего Термеза» с пометками от руки карандашом [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 75].

Вероятно, Е. Г. Пчелина планировала в дальнейшем издание монографии, посвященной монастырю Кара-тепе в Термезе, однако, этим планам, к сожалению, не суждено было сбыться. Материалы ее научного архива, связанные с этим уникальным памятником, представляют огромный интерес и, на наш взгляд, несомненно, нуждаются в изучении и введении в научный оборот. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют следующие неизданные документы: 1) Е. Г. Пчелина. «Древнебуддийский монастырь в Кара-тепе.

Термез». Рукопись диссертации [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 977]; 2) Е. Г. Пчелина. «К вопросу о торговых путях в Средней Азии». Статья [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 976. Л. 139–147]; 3) Г. В. Парфёнов. «Старый Термез» (1934–1936). Рукопись, иллюстрации [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 975. Л. 60–74].

Их публикация не только дополнит историю изучения такого интересного и важного храмового комплекса, каким является Кара-тепе, но также будет способствовать его дальнейшему изучению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Пчелина Е. Г. Древнебуддийский монастырь в Кара-тепе в Термезе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук // ДИСИФМГУ. 1946. № 4. С. 52–56.
- Пчелина Е. Г. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе // Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964. С. 82–102.
- Саидов Х. К. Из истории деятельности Сурхандарьинского краеведческого музея // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент, 1989. С. 3–7.
- Ставиский Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961–1962 гг. // Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964. С. 7–61.
- Ставиский Б. Я. К предыстории археологического изучения Каратепе в старом Термезе (работы 1936 г.) // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент, 1989. С. 70–76.
- Хранитель древностей Термеза // Вести Узбекистана [Электронный ресурс]. <https://vesti.uz/2012-03-23-11-13-48> (дата обращения 07.12.2019).
- Чибиров Л. А. Научное наследие Е. Г. Пчелиной как образец междисциплинарного исследования // Известия СОИГСИ. 2016. № 19 (58). С. 36–47.

ДОКУМЕНТЫ РОДСТВЕННИКОВ Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ В АРХИВНЫХ ФОНДАХ

DOI: 10.25990/archiveras.pchelina.aj4s-x782

В. В. Онощенко

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Документы Н. Н. Пчелина в фонде Е. Г. Пчелиной

В статье представлен обзор документов историка Н. Н. Пчелина, которые были выявлены в процессе обработки личного фонда Е. Г. Пчелиной. Они распределены по трем разделам: научные труды, документы к биографии и документы по деятельности. В раздел научных трудов включены монографии, статьи, курсы лекций, тезисы и заметки Н. Н. Пчелина, которые характеризуют его плодотворную работу в научной и педагогической областях. Биографические материалы представлены преимущественно официальными документами (свидетельства, справки, удостоверения и т.д.), которые относятся к разным периодам жизни ученого. Документы по деятельности указывают места работы Н. Н. Пчелина, раскрывают ее содержание, служебные задачи в разные периоды и пр. Приводимые сведения о биографии и научно-преподавательской деятельности Н. Н. Пчелина публикуются впервые.

Ключевые слова: Н. Н. Пчелин, СПбФ АРАН, архивные материалы.

V. V. Onoshchenko

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Historian N. N. Pchelin's Documents in the Fond of E. G. Pchelina

The article presents an overview of historian N. N. Pchelin's documents revealed while processing E. G. Pchelina's personal fond. The documents are split into three sections: scientific works, documents on the biography and documents on the activities. The scientific works section includes monographs, articles, lecture courses, abstracts and notes by N. N. Pchelin, which characterize his fruitful work in the scientific and pedagogical fields. Among the biographical documents are primarily

official ones (certificates, references and records of various kinds) showing different life stages of the scholar — from his studentship time up to the years of teaching at higher educational institutions. Documents on the activities show N. N. Pchelin's employment places, reveal the details and tasks in different periods, etc. The information concerning N. N. Pchelin's biographical and scientific-pedagogical activities is being published for the first time.

Key words: N. N. Pchelin; SPbB ARAS; archival fonds.

Документы археолога, этнографа, кавказоведа Е. Г. Пчелиной поступили в ЛО Архива АН СССР в 1973 г. Среди многочисленных научных материалов сохранились документы, относящиеся к биографии и профессиональной деятельности ее мужа Николая Николаевича Пчелина.

Он происходил из купеческой семьи. Его дед Семен Пчелин жил в Казани и имел шестерых сыновей, о которых известно следующее.

Сергей Семенович Пчелин поступил в Казанский университет в 1878 г. и спустя два года, в 1880 г., был отчислен с переводом в Санкт-Петербургский университет. В 1889 г. он опубликовал работу «Экономический быт государственных крестьян Антроповской, Еланской, Липчинской и Тавдинской волостей Тюменского округа, Тобольской губернии».

Петр Семенович Пчелин родился в Казани 2 мая 1866 г., обучался в 3-й гимназии, в 1887 г. был зачислен на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, в том же году исключен с I семестра.

Павел Семенович Пчелин родился там же 10 октября 1867 г., учился в 3-й Казанской гимназии. В 1885 г. зачислен на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, с которого отчислен вместе с братом в 1887 г. После исключения Павел уехал в Москву и занимался литературной деятельностью. Умер в 1919 г.¹

Сведения об остальных братьях в документах фонда № 1017 отсутствуют. Известно, что Владимир Семенович Пчелин учился в Казанском университете с 1889 по 1890 г. и был переведен в Московский университет. И, наконец, о Николае Семеновиче ясно только то, что у него было два сына: Сергей и Николай, о котором и пойдет речь.

¹ См. статью Е. А. Анненковой «Павел Семенович Пчелин (1867–1919): к 100-летию со дня смерти» в настоящем сборнике.

К счастью исследователей, документы Николая Николаевича Пчелина сохранились, несмотря на все перипетии эпохи. Он скончался 29 ноября 1939 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 27], сразу после этого Е. Г. Пчелина уехала в Ленинград для работы в Эрмитаже, куда была принята 14 ноября 1939 г. — за две недели до смерти мужа. Все бумаги и книги Н. Н. Пчелина остались в Москве. Вскоре началась война, Е. Г. Пчелина эвакуировалась в Свердловск, в послевоенные годы продолжила заниматься исследованиями и выезжать в экспедиции. И только в 1953 г., после выхода на пенсию, Е. Г. Пчелина написала своей коллеге по Эрмитажу К. В. Тревер о том, что разбирала «архив, оставшийся после смерти моего мужа. Я не могла принудить себя к разбору этих бумаг вот уже четырнадцать лет. Теперь я это сделала. Привела все в порядок до последней бумажки» [СПбФ АРАН. Ф. 1090. Вр. д. 261]. Перевезенное в Ленинград документальное наследие мужа было в 1973 г. сдано в ЛО Архива АН СССР в составе архива самой Евгении Георгиевны Пчелиной.

Часть ее фонда, относящаяся к Н. Н. Пчелину, состоит из трех разделов: документы к биографии и документы по деятельности, научные труды и материалы к ним.

Николай Николаевич Пчелин родился в Казани 24 марта 1888 г. [СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 561. Л. 54]. В документах фонда отсутствуют сведения о его детских, юношеских годах и начальном образовании. Самые ранние сохранившиеся материалы относятся к 1905–1908 гг. — это экзаменационная книжка Константиновского межевого института и удостоверение о том, что студент Н. Н. Пчелин прошел две летние геодезические практики [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 106]. К этому же времени относится уведомление Московского городского присутствия по воинской повинности потомственному почетному гражданину Н. Н. Пчелину о возможном получении льгот и отсрочки при прохождении воинской повинности от 10 февраля 1909 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 107]. Следующие документы свидетельствуют о получении диплома I степени юридического факультета Московского университета и золотой медали за труд «Екатерининская комиссия „О сочинении проекта нового Уложения“ и современное ей русское законодательство». Работа была опубликована в 1915 г. Кроме этих биографических документов, в фонде отложились удостоверение Кавказского отделения Московского археологического общества об избрании Н. Н. Пчелина действительным членом в 1921 г., страховая книжка 1923 г. и некоторые другие [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 110, 130, 127].

Документы, относящиеся к деятельности, дополняют биографические данные и позволяют в основных чертах охарактеризовать профессиональный путь Н. Н. Пчелина. Уже по названию дипломной работы понятно, что он специализировался в области истории русского права. В апреле 1917 г. Н. Н. Пчелин прочел две лекции в Московском университете: «Процесс по Русской Правде» и «О началах законности в XVIII веке в Русском государстве», в результате чего был удостоен звания приват-доцента по кафедре истории русского права юридического факультета Московского университета (рис. 1) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 127].

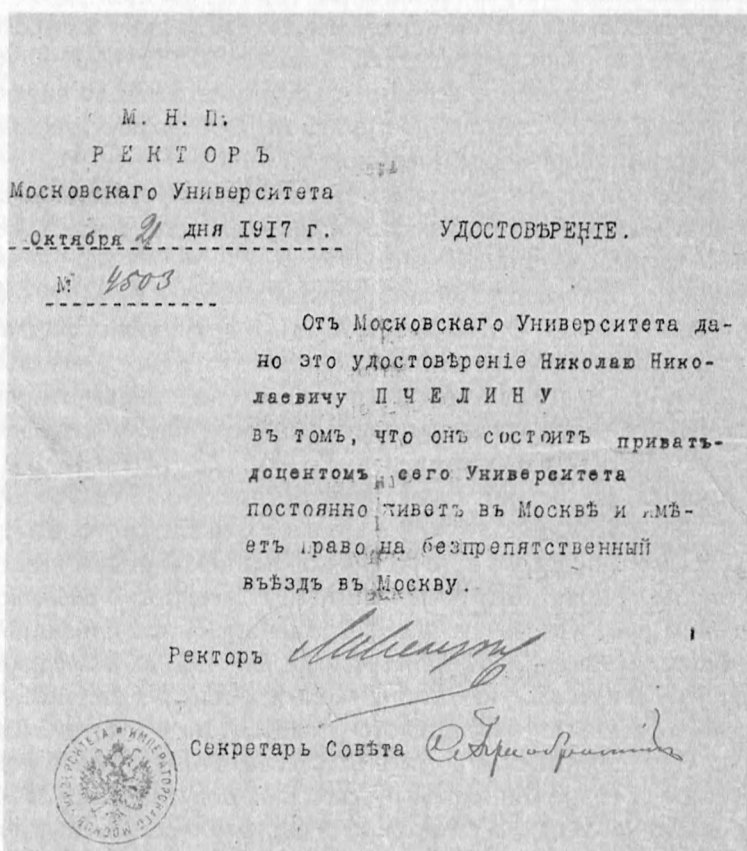


Рис. 1. Удостоверение Н. Н. Пчелина, приват-доцента Московского университета, о праве беспрепятственного въезда в Москву

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 127. Л. 1

На протяжении 1918 г. Н. Н. Пчелин, продолжая работать в Московском университете, начинает сотрудничать с университетом в Ярославле. В 1919 г. была опубликована лекция «Сила и право в деятельности Петра Великого», прочитанная автором годом ранее в Ярославском государственном университете.

В тот же период молодой преподаватель познакомился с будущей женой. При научном описании фонда первоначально как самый ранний документ, свидетельствующий о смене фамилии Евгенией Георгиевной, был определен мандат от 19 мая 1920 г., выданный на фамилию Пчелина [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 61]. Позже среди документов, переданных в СПбФ АРАН внуком Е. Г. Пчелиной, Николаем Георгиевичем Пчелиным, было выявлено свидетельство о браке (копия), датирующее регистрацию 12 августа 1917 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 12]. Единственный сын Георгий родился у супругов Пчелиных 29 июня 1925 г. (ил. 16 на вклейке).

В 1922 г. Н. Н. Пчелин уже сотрудник Тифлисского государственного университета, где он читает лекции по русской истории. Здесь же, в Тифлисе, в 1924 г. он публикует свою монографию «История России с древнейших времен до преемников Петра Великого» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 68].

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Н. Н. Пчелин находился в Баку, где также преподавал и продолжал научные исследования. Интересно отметить, что, оказавшись в Азербайджане, он занимался не только привычной для него русской историей, но и прошлым данного региона. В этот период он пишет статьи о феодализме в Азербайджане, по аграрным вопросам, интересуется историей нефтедобычи [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 19, 23, 21, 25]. При этом ученый не забывал об основной сфере своих исследований: к этому времени относятся статьи «„Русская правда“ в изложении профессора Н. Н. Пчелина» и «Был ли „азиатский“ способ производственных отношений свойственен Московской Руси?» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 9, 11].

В начале 1930-х гг. семья Пчелиных вернулась в Москву. В 1934–1935 учебном году Николай Николаевич читал лекции по истории народного хозяйства в Московском институте народного хозяйства (рис. 2), которые он продолжал читать на протяжении следующих нескольких лет.

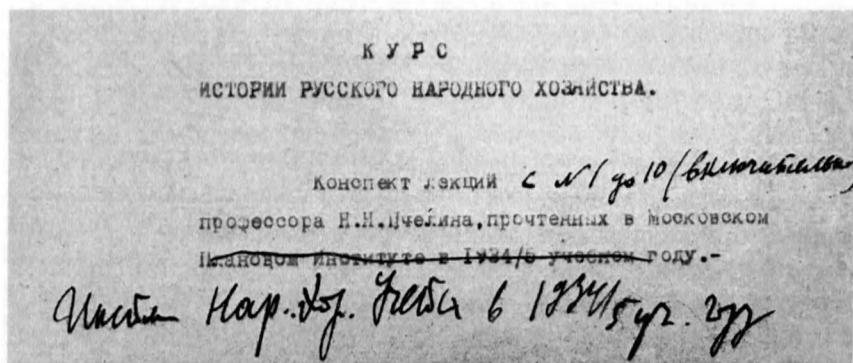


Рис. 2. История русского народного хозяйства. Конспект лекций.
Фрагмент титульного листа

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 73

Интересна заметка «Помочь отстающим», опубликованная в многотиражной ведомственной газете «Плановик-ударник», печатном органе Московского планового института, в номере от 13 января 1936 г. Автор сообщает о том, что преподаватель истории народного хозяйства Н. Н. Пчелин систематически проводит дополнительные занятия для студентов, и «хорошо были проведены две тематические консультации по истории народного хозяйства т. Пчелиным для первого потока I курса» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 121].

Большой блок документов Н. Н. Пчелина — это научные труды и материалы к ним. Помимо лекций сохранились статьи различной тематики, например «Уставная грамота Пермской земли», «Заметки о феодализме», «Из истории экономического развития России в XVII в.», «Старое и новое в литературе о Московской Руси», «Русские экономисты начала XIX в. и крепостные отношения». Среди этих материалов можно выделить ряд научных работ, заметок и выписок о народах России и Кавказа: «Об исчезнувших славянах Балтийского Поморья», «Очерк из истории народов Коми» и др. Имеется рецензия на книгу А. И. Андреева «Обзор русских исторических работ по изучению угорских народностей СССР».

Существенная часть архивных документов Н. Н. Пчелина в фонде № 1017 СПбФ АРАН — научные и подготовительные материалы к его докторской диссертации «Основы экономического развития сельского хозяйства России первой половины XIX в. Возникновение капиталистических отношений в недрах помещичьей России в царствование Николая I» (рис. 3).

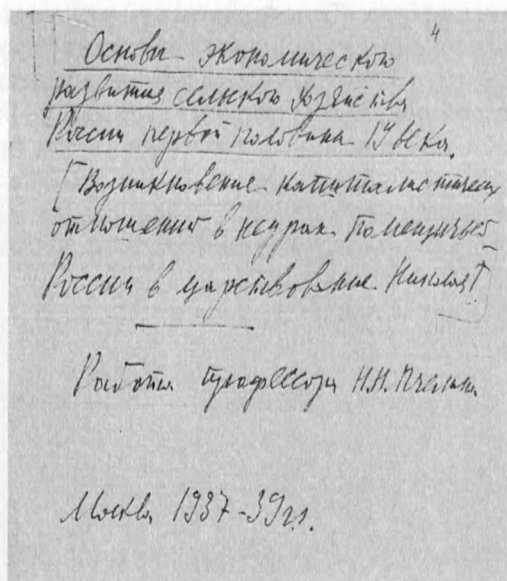


Рис. 3. Титульный лист рукописи диссертации Н. Н. Пчелина на соискание степени доктора исторических наук (автограф)

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 27. Л. 4

Необходимо оговорить, что определение «докторская» к данной работе Н. Н. Пчелина пока можно применять с долей условности. Материалы фонда свидетельствуют о наличии у него звания профессора уже в 1919 г., прямых данных о получении им ученой степени среди документов фонда пока не выявлено. О том, что диссертация готовилась на соискание степени доктора исторических наук, сообщает приложенная к рукописи записка Е. Г. Пчелиной (рис. 4).

Первые дела данного раздела — это чистовой вариант машинописного текста диссертации, в конце которого имеются несколько листов с фрагментами первоначального текста. В фонде сохранилось значительное количество подготовительных материалов, которыми историк пользовался для написания работы: архивные данные (1930-е гг.) и выписки из различных публикаций по экономике и финансовой политике Российской империи в XIX в. (не ранее 1925 г. — 1930-е гг.). Архивные данные представляют собой многочисленные выписки, в основном из архива князей Юсуповых, хранившегося в ГАФКЭ (ныне — РГАДА). Это данные о приходе и расходе хлеба и других продуктах, о ценах на хлеб в городах Харькове, Курске,

слободах Рыбинские буды, Тимофеевке и др., о приеме овса на скотный двор для корма рабочих лошадей с показанием суточного расхода за 1851–1869 гг., а также данные о посевах, урожаях, поставках хлеба и т. д. Второй подраздел содержит выписки из различных исследований XIX в. по экономике и статистике, в том числе из трудов К. И. Арсеньева, Е. Ф. Зябловского и Г. П. Небольсина, по вопросам народного хозяйства — из работ В. П. Безобразова, А. Гастгаузена, о железных дорогах — Ю. А. Гагемейстера, А. И. Чупрова и др.

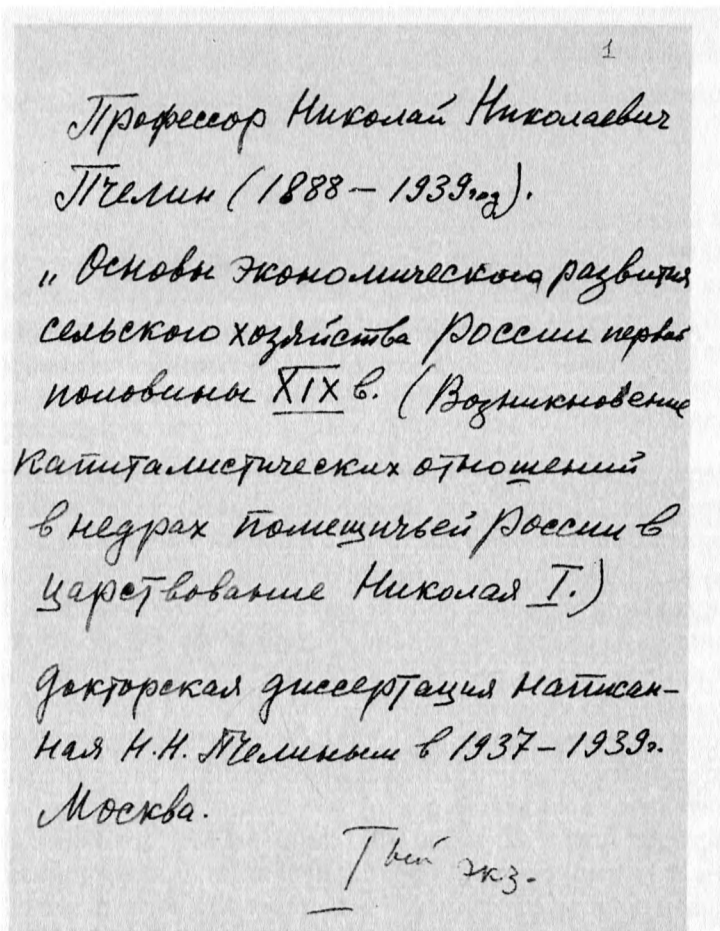


Рис. 4. Записка Е. Г. Пчелиной, приложенная к тексту диссертации Н. Н. Пчелина
© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 27. Л. 1

«Основы экономического развития сельского хозяйства России первой половины XIX в.» стали последней научной работой в жизни Николая Николаевича — он скончался, работая над ее корректурой, 29 октября 1939 г. (рис. 5).

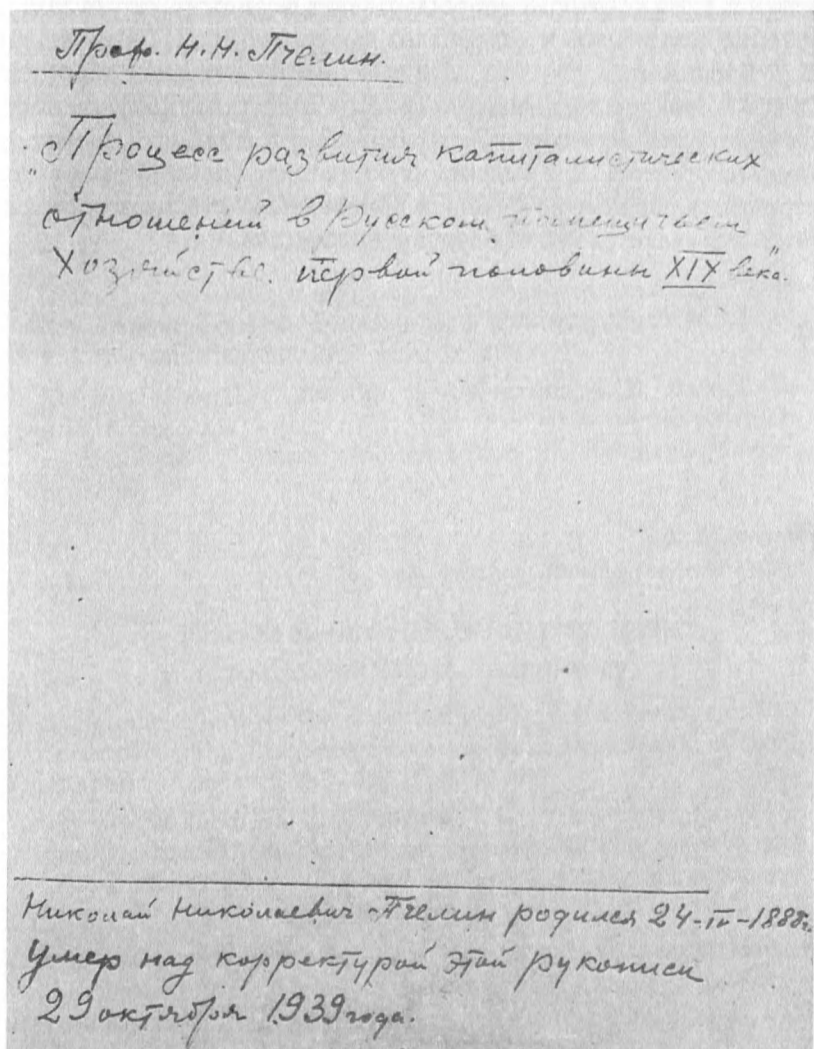


Рис. 5. Приложенный к машинописи диссертации Н. Н. Пчелина лист с записями Е. Г. Пчелиной

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 27. Л. 3

Очевидно, что в биографии и деятельности Н. Н. Пчелина, воссоздаваемой по архивным документам, пока имеются многочисленные лакуны: у нас нет данных о его родителях, детстве и начальном образовании, мы не знаем ничего о причинах и точных датах переездов из города в город, смены мест работы, даже точного их числа и т. д. На некоторые вопросы ответит, возможно, скрупулезное изучение документов и материалов как самого Н. Н. Пчелина, так и Е. Г. Пчелиной.

Работа по воссозданию биографии отечественного ученого-историка, ушедшего из жизни в расцвете сил, но много успевшего, только начинается. Для выяснения остающихся пока в тени фактов потребуется обращение к фондам архивов ряда московских учреждений, что является задачей будущих исследований.

Е. А. Анненкова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

**Павел Семенович Пчелин (1867–1919):
к 100-летию со дня смерти**

Статья рассказывает о документах и творческом наследии Павла Семеновича Пчелина, выявленных в процессе обработки фонда Е. Г. Пчелиной (СПбФ АРАН, фонд № 1017).

Ключевые слова: П. С. Пчелин, Е. Г. Пчелина, В. И. Ульянов-Ленин, Казанский университет, «Загадка», «Обманутые жизнью», «A discrétion», Г. Ибсен, «Росмерсхольм», Г. Гауптман, «Микаэль Крамер».

E. A. Annenkova

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

**Pavel Semenovitch Pchelin (1867–1919):
to the 100th Death Anniversary**

The article tells about the documents and creative heritage of Pavel Semenovitch Pchelin uncovered in the course of processing E. G. Pchelina's personal papers (SPbB ARAS, Fond № 1017).

Key words: P. S. Pchelin, E. G. Pchelina, V. I. Ulyanov-Lenin, Kazan University, „Zagadka“ („Riddle“), „Obmanutiye zhiznyu“ („Deceived by Life“), „A discrétion“, H. Ibsen, „Rosmersholm“, G. Hauptman, „Mikael Kramer“.

Павел Семенович Пчелин — дядя Николая Николаевича Пчелина¹. Он родился в 1867 г. в Казани в семье купца 1-й гильдии Семена Ивановича Пчелина. После окончания 3-й Казанской гимназии, в 1885 г.

¹ Пчелин Николай Николаевич (1888–1939), историк права, историк России, второй муж Евгении Георгиевны Пчелиной. См. статью В. В. Онощенко «Документы Н. Н. Пчелина в фонде Е. Г. Пчелиной» в настоящем сборнике.

юноша был зачислен на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Казанского университета. К сожалению, университетский курс ему закончить не удалось. В 1887 г., на 5-м семестре обучения (III курс) он был исключен из университета в числе других студентов, среди которых были его брат Петр Семенович Пчелин², а также Владимир Ульянов³ — оба в тот год студенты I курса.

Е. Г. Пчелина сопровождала собранные ею документы П. С. Пчелина следующей запиской: «...Павел Семенович Пчелин исключен из Казанского университета вместе с В. И. Лениным» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 140]. Еще одна записка в этом деле отсылает к книге М. К. Корбута «Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет», в которой имеются краткие биографические справки и портреты студентов, исключенных из университета вместе с В. И. Ульяновым в результате студенческой ссоры 4 декабря 1887 г., в том числе братьев Павла Семеновича и Петра Семеновича Пчелиных [Корбут, 1930, с. 185, 209]. Волнения были вызваны утверждением нового университетского устава и введением полицейского надзора за студентами. В петиции мятежников обозначено: «Собрали нас сюда не что иное как невозможность русской жизни вообще и студенческой в частности» [Корбут, 1930, с. 175]. Не преследуя цель подробно останавливаться на событиях 1887 г. в Казанском университете, упомяну только, что в результате студенческой ссоры сорок ее участников, в том числе П. С. Пчелин, были исключены из университета без права восстановления.

О дальнейшей судьбе П. С. Пчелина, к сожалению, известно крайне мало. Информацию удалось почерпнуть лишь из сохранившихся усилиями Е. Г. Пчелиной документов, раскрывающих П. С. Пчелина как человека интеллектуального, творческого, литературно одаренного. Его наследие включает рукописи, среди которых художественные сочинения (рассказы, повести и пьесы), а также

² Пчелин Петр Семенович (1866–?), брат Павла Семеновича Пчелина. В 1887 г. зачислен на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Казанского университета. Исключен в 1887 г. с I-го семестра обучения.

³ Ульянов (Ленин) Владимир Ильич (1870–1924), революционер, политический и государственный деятель. В 1887 г. зачислен на юридический факультет Императорского Казанского университета. Исключен в 1887 г. с I-го семестра обучения.

переводы и дневники. По итогам научного описания документов П. С. Пчелина сформировано 23 единицы хранения.

Е. Г. Пчелина лично подготовила документы П. С. Пчелина для сдачи в архив, разделив их на два блока. Первый блок материалов включает три портретных фотографии П. С. Пчелина, датированные 1888, 1893 и 1902 гг. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 151. Л. 3–5] (ил. 68 на вклейке), а также два журнала: «Русская мысль» (1903 г.), где опубликован рассказ «Загадка», и «Образование» (1905 г.) — с рассказом «Обманутые жизнью (памяти Антона Павловича Чехова)» [Пчелин, 1905; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 140, 141] (рис. 1–2). Можно предположить, что П. С. Пчелин был поклонником творчества А. П. Чехова. Об этом говорит и посвящение рассказа его памяти, и некоторое внешнее, как будто нарочитое, сходство П. С. Пчелина с А. П. Чеховым. Среди прочих документов есть сохраненные газетные вырезки с частями рассказа А. П. Чехова «Новая дача» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 157].

Второй блок документов Е. Г. Пчелина сопровождала следующей запиской: «Дневники и рукописи Павла Семеновича Пчелина. Не разобрано. Под вопросом, можно ли отдавать в архив, кроме того, что выделено мною: фотокарточки и две книги с его статьями⁴. Он был и журналистом» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 138. Л. 1 а]. Однако, несмотря на скептическое отношение Е. Г. Пчелиной к сочинениям П. С. Пчелина, материалы эти представляют интерес. Прежде всего, здесь содержатся рукописные тетради с рассказами, написанными в период с 1888 по 1898 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 137, 138]. Среди них «Фантазия», «Не выдержал», «В рождественскую ночь», «Харьковские впечатления», «Чудак (из студенческих воспоминаний)», «Тимофей и Аннушка», «Знакомая история (этюд)», «Он вернется!», «Необычное настроение», «В вагоне», «Заскучал», «Барвинки», «Чудо» и другие. Сохранились также отдельные оттиски с опубликованными рассказами «Дедушка Владимир (из охотничьих воспоминаний)» [Пчелин, 1890] (рис. 3–4) и «Миллионщик» [Пчелин, 1904].

Сохранены две тетради, содержащие дневники П. С. Пчелина. Имеются записи за 1910 г., а также с 1914 по 1919 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 150]. В дневниковых записях последних лет жизни автора слышны депрессивные нотки — он пишет о собственном творческом кризисе, а также выражает общее недовольство жизнью и предчувствует ее завершение.

⁴ Е. Г. Пчелина ошибочно назвала художественные рассказы П. С. Пчелина статьями.

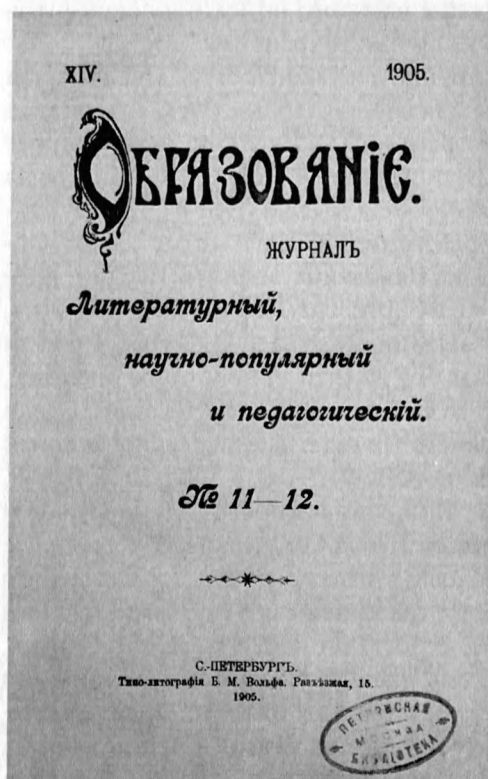
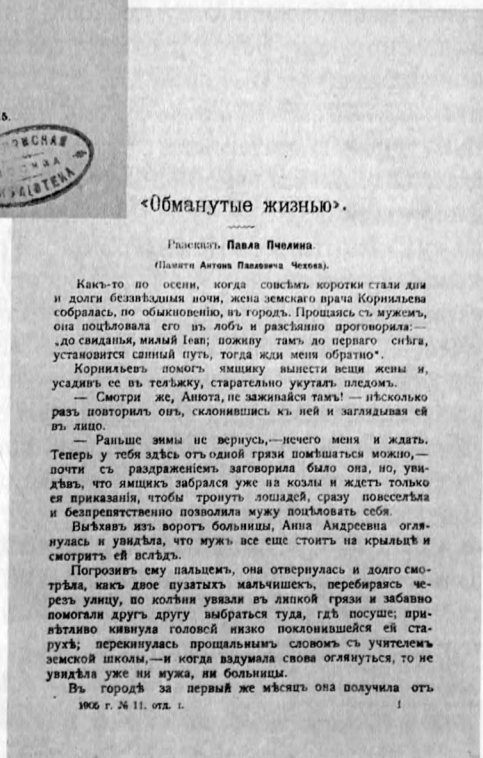


Рис. 1. Титульный лист журнала «Образование», 1905, № 11–12 [Пчелин, 1905], в котором опубликован рассказом П. С. Пчелина «Обманутые жизнью»

Рис. 2. П. С. Пчелин. Рассказ «Обманутые жизнью», стр. 1 [Пчелин, 1905, с. 1]



[illegible]

Дѣдушка Владиміръ.

(Из остриничных воспоминаний)

Первый раз я познакомился с ними, будучи еще мальчишкой, лет двенадцати. Был у меня в то время только одна лодка ходить на охоту с «двухсотыми» ружьями — сплошной одностволкой. Тогда какь-нибудь пять или шесть забавлялся стрельбой из двести «Монте-Кристо». Конечно мои добычи были очень неудачны; чаще всего я приходил домой с пустыми руками, накуренный и голодный, но все же довольный, что выдвигал так, какь-то мойзх выстрелы быстро улетали утки. Бить их одною то из такких, особенно соудачных для меня, дней, во второй половине июля, я совершенно нечаянно для самого себя и своего пса — Дружка — наткнулся на выводок тетеревей. Сначала еще не дерзнул попробовать охоты за тетеревами, бывавший только за утками, а теперь, при видѣ такой дорогой дичи, вынул из какой-то ствольника; я не прищелкнулся из удающихся тетеревят, не являл пазвѣ Дружка, который съ громкимъ лаемъ все дальше и дальше отгонялъ ятку, а только, словно потерпевший, прислушивался къ непривычному для меня шуму, съ которымъ поднялся выводокъ, да сѣдѣлъ за направлениемъ ихъ полета... Когда я очутился, весь выходящий уже радостно, съ голыми бѣлками, въ охотничьи сапожки, то увидѣлъ, что и голубки бѣжали Дружку, видимо радовавшийся нововведенію; тутъ только я сообразилъ, что нужно было стрѣлять, а не хватать глазами. Тѣмъ не менѣе меня всего трясла охотничья лихорадка, и я съ страстью захватывалъ

Рис. 3. П. С. Пчелин.
Рассказ «Дедушка
Владимир (из охотничьих
воспоминаний)» (начало).

Автограф

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4.
Д. 138. Л. 136

Рис. 4. Публикация рассказа
в «Журнале охоты»
(1890 г., январь)
[Пчелин, 1890, с. 29–37]

Отдельно нужно упомянуть еще об одном рукописном художественном тексте. Это повесть о Цусимском сражении 14 мая 1905 г., озаглавленная «Побежденные» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 143]. Текст написан в 1907 г.

П. С. Пчелин пробовал себя и в жанре драматургии. Им написана пьеса «A discrétion»⁵ («Шутка в одном действии») [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 142] (рис. 5).

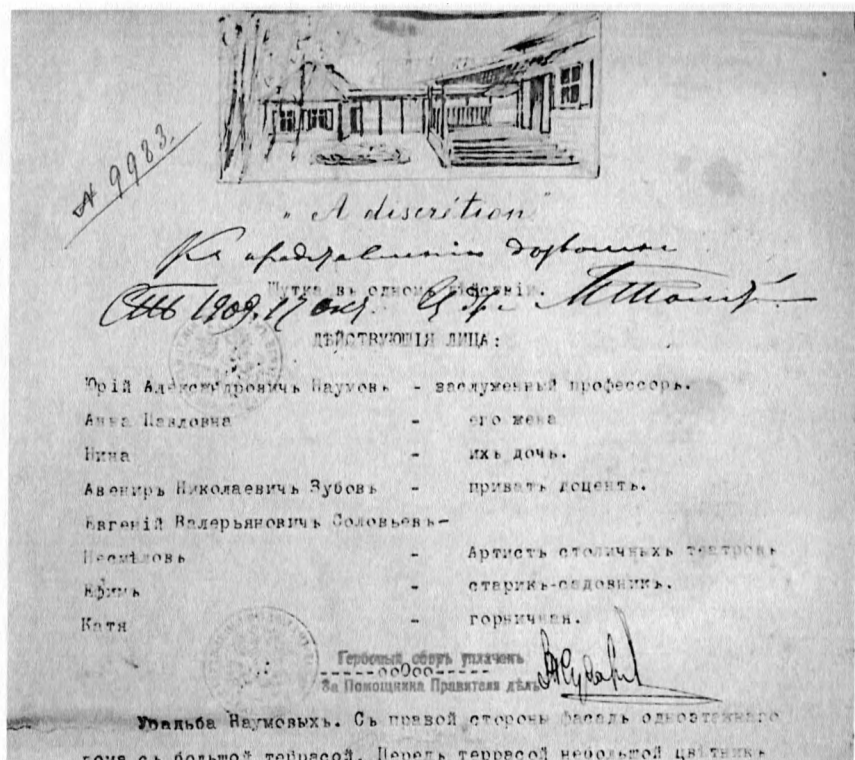


Рис. 5. П. С. Пчелин. «A discrétion» («Шутка в одном действии») (фрагмент). 1909 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 142. Л. 1

Это полноценное драматургическое произведение (44 листа печатного текста). Более того, на первом листе имеется надпись: «К представлению дозволено. СПб 1909. 17 окт.», подписанное цензором

⁵ A discrétion (фр.) — здесь: вид пари, при котором выигравшая сторона определяет себе вознаграждение самостоятельно по своему усмотрению.

драматических сочинений М. Толстым [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 142. Л. 1–45]. Отметка о прохождении цензуры позволила предположить, что экземпляры пьесы могут храниться в библиотеках. Поиски увенчались успехом: в Театральной библиотеке⁶ удалось обнаружить рукописный экземпляр сочинения [СПбГТБ. A discrétion [Рукопись]: шутка в одном д. / П. Пчелин, ценз. 1909]. Рукопись датирована 1906 г., дата прохождения цензуры (1909 г.) совпадает с датой на машинописных экземплярах. Поиск по каталогу театральных постановок в Театральной библиотеке никаких результатов не дал, из чего следует, что пьеса «A discrétion», к сожалению, не была представлена на сцене.

П. С. Пчелин выступил и в роли переводчика двух серьезных драматических произведений: «Росмерсхольм» Генрика Ибсена⁷ [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 146] (рис. 6) и «Микаэль Крамер» Герхарта Гауптмана⁸ [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 147] (рис. 7). Оба драматурга были современниками переводчика. Сохранились тетради с рукописными переводами этих пьес, выполненными П. С. Пчелиным.

Драма Ибсена «Росмерсхольм» впервые была опубликована в Копенгагене в 1886 г. Вскоре ее поставили все основные театры Скандинавии и Европы. В России пьесу впервые представил в Москве Берлинский Лессинг-театр⁹ (1900 г.). Первую отечественную постановку «Росмерсхольма» осуществил Петербургский театр им. Комиссаржевской в 1905 г. Стоит пояснить, что в конце XIX — начале XX в. творчество Генрика Ибсена было невероятно популярным как в Европе, так и в России. Переводить его пьесы стало в каком-то смысле модно, и за это брались многие литераторы того времени. Искушению поддался и П. С. Пчелин.

Над переводом «Росмерсхольма» он работал в 1893 г., т. е. через семь лет после первой публикации пьесы в оригинальном варианте и за семь лет до первой театральной постановки в Москве. Нужно отметить, что датско-норвежским языком¹⁰ владели немногие

⁶ Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека. Основана в 1756 г.

⁷ Ибсен Генрик (1828–1906), норвежский драматург, поэт, публицист.

⁸ Гауптман Герхарт Иоганн Роберт (1862–1946), немецкий драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1912 г.

⁹ Лессинг-театр — театр, существовавший в Берлине с 1888 по 1945 г.

¹⁰ В Норвегии вплоть до конца XIX в. литературным («высоким») языком был датский язык. Язык, который использовали литераторы того времени, принято называть датско-норвежским.

Росмерсхольм.
 Франк въ гурьевъ Голландскій.
 Семрика Ибсена. (*)

Лично.
Гоганн Росмерс, Кураторъ Росмерсхольма, Голландскій
научн.
ребенка Вестъ, живетъ у Гоганна Росмера.

ректоръ Крайне, инженеръ Росмера.

Удирникъ Брандъ, инженеръ Росмера.

Петръ Маркенгардъ.

Францъ Хендсенъ, Окончательнъ въ Росмерсхольмъ.

Андрейе происхождитъ въ Росмерсхольмъ, старшій
научн., въ Гемадскій Курвези.

Свойствъ первое.

Тышшая, устроитъ по государственному меблированнаго
комната въ Росмерсхольмъ.

Въ правой стѣнѣ на первомъ этажѣ, устроеннаго
 (*) Переводъ Ирины и Клеопатры.

Рис. 6. П. С. Пчелин. Перевод пьесы Г. Ибсена «Росмерсхольм»
 (начало). Автограф. 1893 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 6. Д. 142. Л. 1

Дай поверюся мнѣ.
 Микаэль Крамеръ - Кристофферъ Куршев. Вури. и мнѣ. Куршев.
 1-го Крамеръ - со мнѣ.
 Микелли Крамеръ - со мнѣ, Куршев.
 Фридрихъ Крамеръ - - со мнѣ - Куршев.
 Фридрихъ Крамеръ - Куршев.
 Микелли Крамеръ - со мнѣ.
 Луиза Бессенъ - ури ремириетъ Бессенъ
 Асселоръ Шендесъ }
 Сауриетъ Шендесъ } мнѣ в. ремириетъ Бессенъ.
 Фридрихъ Крамеръ }
 Фридрихъ Крамеръ }
 Крамеръ - мнѣ мнѣ в. Куршев. и мнѣ
 Бессенъ, - мнѣ мнѣ у Крамеровъ
 Фридрихъ - мнѣ мнѣ в. ремириетъ Бессенъ

 Мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
 - Бессенъ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ.

14/10
мнѣ.

Рис. 7. П. С. Пчелин. Перевод пьесы Г. Гауптмана «Микаэль Крамер» (начало). Автограф. 1901 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 142. Л. 2

переводчики того времени, поэтому некоторые переводы осуществлялись с немецкого языка или подстрочника. К сожалению, неизвестно, с каким источником работал П. С. Пчелин. В 1903–1907 гг. вышло в свет полное русскоязычное собрание сочинений Генрика Ибсена [Ибсен, 1903–1907] в переводе с датско-норвежского Анны и Петра Ганзен¹¹. Дальнейшие русскоязычные издания Ибсена, включая собрания сочинений 1909 г. [Ибсен, 1909] и 1956–1958 гг. [Ибсен, 1956–1958] также содержали переводы четы Ганзен.

Пьеса Герхарта Гауптмана «Микаэль Крамер» издана в 1900 г. Над ее переводом Павел Пчелин работал уже в 1901 г. Однако известно, что в этом же году пьеса была опубликована на русском языке в переводе В. М. Саблина¹² [Гауптман, 1901] и поставлена в Московском художественном театре.

К сожалению, переводы драм Ибсена и Гауптмана, сделанные П. С. Пчелиным, не были востребованы. Однако то, что он взялся за столь непростое дело и выполнил его (перевод обеих пьес имеется хоть и в черновом, но полном варианте), говорит не только о его литературных способностях, но и об уровне владения иностранными языками.

Прочие документы Павла Пчелина включают отрывки его сочинений, учебные записи, в том числе по иностранным языкам, статьи и книги разных авторов из его личной коллекции, некоторые с дарственными надписями, а также газетные вырезки.

Павел Семенович Пчелин умер в Москве в 1919 г., столетие назад. Он прожил недолгую и непростую жизнь в 52 года. Отношение к нему семьи Пчелиных было и остается довольно скептическим. Однако в заключение рассказа о Павле Пчелине можно сказать, что это был талантливый, ищущий, хоть и не вполне реализовавший себя человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гауптман Г. Микаэль Крамер, драма в 4-х д. / Пер. В. Саблина. М., 1901.
Ибсен Г. Полное собрание сочинений Генрика Ибсена / пер. с дат.-норв. А. и П. Ганзен. Т. 1–8. М., 1903–1907.

¹¹ Ганзен Петр Готфридович (1846–1930), Ганзен Анна Васильевна (1869–1942) — чета переводчиков со скандинавских языков. Перевели на русский язык произведения Х. К. Андерсена, Г. Ибсена, К. Гамсуна и др.

¹² Саблин Владимир Михайлович (1872–1916), книгоиздатель, переводчик, редактор.

- Ибсен Г. Полное собрание сочинений Генрика Ибсена / пер. с дат.-норв. А. и П. Ганзен. Т. 1–4. СПб., 1909.
- Ибсен Г. Собрание сочинений в 4 т.: [пер. с норв. / общ. ред. и вступ. статья В. Г. Адмони ; коммент. В. Беркова и М. Янковского]. Т. 1–4. М., 1956–1958.
- Корбут М. К. Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30) : в 2 т. Казань, 1930. Т. 2.
- Пчелин П. С. Дедушка Владимир (из охотничьих воспоминаний) // Журнал охоты. 1890. Январь. С. 29–37.
- Пчелин П. С. Загадка: рассказ // Русская мысль: ежемесячное литературно-политическое издание. 1903. Кн. VI. С. 1–15.
- Пчелин П. С. Миллионщик: рассказ // Русская мысль: ежемесячное литературно-политическое издание. 1904. Кн. III. С. 111–143.
- Пчелин П. С. Обманутые жизнью: рассказ // Образование: журнал литературный, научно-популярный и педагогический. 1905. Т. XIV. Вып. 11–12. С. 1–40.

Список сокращений

АН АрмССР	— Академия наук Армянской Советской Социалистической Республики
АН ГССР	— Академия наук Грузинской Советской Социалистической Республики
АН СССР	— Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АН УзССР	— Академия наук Узбекской Советской Социалистической Республики
АРАН	— Архив Российской академии наук
АрмССР	— Армянская Советская Социалистическая Республика
ВАРННТСО	— Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР
ВНЦ РАН	— Владикавказский научный центр Российской академии наук
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГАФКЭ	— Государственный архив феодально-крепостнической эпохи
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ГССР	— Грузинская Советская Социалистическая Республика
ГУС	— Государственный ученый совет Народного комиссариата просвещения РСФСР (1919–1933)
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДИСИФМГУ	— Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета
ИАЭ АН СССР	— Институт антропологии и этнографии АН СССР
ИА АН СССР	— Институт археологии АН СССР
ИА РАН	— Институт археологии РАН
ИИМК АН СССР	— Институт истории материальной культуры АН СССР
ЛО ИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАИ	— Московский археологический институт
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера)

МО ИИМК АН СССР	— Московское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
НА СОИГСИ	— Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
НКП РСФСР	— Народный комиссариат просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
НТО	— научно-техническая обработка
ПДК	— предельно допустимая концентрация
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РЮО	— Республика Южная Осетия
СОАССР	— Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика
СОГПИ	— Северо-Осетинский государственный педагогический институт
СОГУ	— Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова
СОИГСИ	— Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
СОНИИ	— Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
СПбГТБ	— Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека
СПбНЦ РАН	— Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТАКЭ	— Термезская археологическая комплексная экспедиция
УзССР	— Узбекская Советская Социалистическая Республика
ЦИК СССР	— Центральный исполнительный комитет Союза Советских Социалистических Республик
ЮОАО	— Юго-Осетинская автономная область
ЮОНИИ	— Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З. Н. Ванеева

Сведения об авторах

Анненкова Елена Александровна — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, научный сотрудник (*Санкт-Петербург*)

Блажко Антон Вячеславович — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, и. о. научного сотрудника (*Санкт-Петербург*)

Бондарь Лариса Дмитриевна, к. и. н. — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ученый секретарь (*Санкт-Петербург*)

Вахтина Марина Юрьевна, к. и. н. — Институт истории материальной культуры РАН, старший научный сотрудник; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, научный сотрудник (*Санкт-Петербург*)

Власов Алексей Дмитриевич, к. г. н. — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, и. о. старшего научного сотрудника (*Санкт-Петербург*)

Гаглойти Роберт Хазбиевич, д. и. н. — директор Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Н. Ванеева (*Цхинвал*)

Газданова Анастасия Викторовна — Российский этнографический музей, младший научный сотрудник; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, младший научный сотрудник (*Санкт-Петербург*)

Гущян Лусинэ Степановна, канд. культурологии — Российский этнографический музей, старший научный сотрудник (*Санкт-Петербург*)

Дарчиев Анзор Валерьевич, к. и. н. — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН, старший научный сотрудник (*Владикавказ*)

Дарчиева Светлана Валерьевна, к. и. н. — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН, старший научный сотрудник (*Владикавказ*)

Дзаттиаты Руслан Георгиевич, д. и. н. — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН, ведущий научный сотрудник (*Владикавказ*)

Дмитриев Владимир Александрович, д. и. н. — Российский этнографический музей, главный научный сотрудник (*Санкт-Петербург*)

Застрожнова Евгения Григорьевна, к. и. н. — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, и. о. заведующей отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов (*Санкт-Петербург*);
pankratova0484@yandex.ru

Зельницкая Рица Шотовна, к. и. н. — Российский этнографический музей, старший научный сотрудник; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, научный сотрудник (*Санкт-Петербург*)

Казанский Николай Николаевич, академик РАН, д. ф. н. — Институт лингвистических исследований РАН, научный руководитель (*Санкт-Петербург*)

Карнакова Виктория Георгиевна — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, старший лаборант; Санкт-Петербургский институт кино и телевидения, студентка (*Санкт-Петербург*)

Колчина Елена Викторовна — Российский этнографический музей, заведующая отделом этнографии народов Поволжья и Приуралья (*Санкт-Петербург*)

Крапошина Наталья Валентиновна, к. и. н. — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, старший научный сотрудник (*Санкт-Петербург*)

Онощенко Виктория Витальевна — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, младший научный сотрудник (*Санкт-Петербург*)

Осипова Надежда Михайловна, к. и. н. — Архив РАН, заместитель директора по научной работе (*Москва*)

Рыженкова Яна Эдесовна — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, научный сотрудник (*Санкт-Петербург*)

Тункина Ирина Владимировна, чл. - корр. РАН, д. и. н. — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, директор (*Санкт-Петербург*)

Хосид Елена Геннадьевна — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, старший научный сотрудник (*Санкт-Петербург*)

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ
И ЯЗЫКИ КАВКАЗА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ
НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ**

*Сборник статей по материалам научных чтений,
17–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург*

Ответственный редактор
И. В. Тункина

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Дизайн обложки *Е. В. Кудина*
Корректор *Л. А. Брисовская*
Оригинал-макет *Л. А. Афанасьев*

Подписано в печать 11.11.2019. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 19. Тираж 300 экз. Печать офсетная.
Заказ № 296Р.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: https://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru



ISBN 978-5-00125-279-5



9 785001 252795